

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2019/1 (9)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№1(9)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2019

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И.С. Цыремпилова, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
И.Б. Батуева, д-р ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р социол. наук,
проф.; Н.Б. Дашиева, д-р ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед.
наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.;
З.А. Серебрякова, д-р филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд.
пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р социол. наук, проф.;
С.А. Харитоновна, канд. пед. наук, доцент (отв. секретарь);
Э.В. Хилханова, д-р филол. наук, проф.; Д.Л. Хилханов, д-р социол.
наук, проф.; Л.М. Хобракова, канд. филол. наук, доцент;
Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р филос.
наук, доцент.

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного
института культуры. – Улан-Удэ, 2019. – №1(9).**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 10.06.2019. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 10,62.
Тираж 500 экз. Заказ № 2352. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Фролов Д.А. ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (СТАНЦИИ ВЕРХНЕУДИНСК)	5
Ваганова Е.В., Москвитина К.С. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖИДИНСКОЙ НАРОДНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ с. ПЕТРОПАВЛОВКА ДЖИДИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	12
Одорова Т.Л. КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В БИБЛИОТЕКАХ БУРЯТИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946-1949 гг.)	18
Цыденова Д.Ю. ОПЫТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	26
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	43
Чебунин А.В. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА	43
Жамбалова С.Г. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ БУРЯТИИ И ЯКУТИИ В XXI в.	57
Цибудеева Н. Ц. ПЕРЕКРЁСТНАЯ МИГРАЦИЯ КИТАЙ←→ БУРЯТИЯ И ФАКТЫ АККУЛЬТУРАЦИИ В НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ	70
Шестак О.В. ИЗУЧЕНИЕ ИМИДЖА МУЗЕЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА	76
Оюн О.М.-о., Мишакова О.Э. ИГРЫ И ИГРУШКИ ТУВИНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВРЕМЕННОЙ ВЫСТАВКИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМ. АЛДАН-МААДЫР РЕСПУБЛИКИ ТЫВА).....	84
Адева Ю.Э. ОБЪЕКТЫ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ с. КАБАНСК КАБАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	92
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	99
Н. Наранхуар МОНГОЛЬСКИЙ ТАНЕЦ «АНДАЙ»: ОТ ШАМАНСКИХ МИСТЕРИЙ ДО СОВРЕМЕННОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА.....	99

Дууриймаа Э. СКАЗАНИЕ (СКАЗИТЕЛЬСТВО) И ГОРЛОВОЕ ПЕНИЕ, ИХ ОСОБЕННОСТИ И КОРРЕЛЯЦИЯ	108
Мөнхбаяр Б. ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ БУРЯТ	116
Маншеева С.Ц., Гончикова М.Ц. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СИМВОЛОВ В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН).....	123
Решетникова Т.М. ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ СИБИРИ: СТРУКТУРНО- КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	130
ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА.....	139
Езова С.А. ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ	139
Матвеева Е.В. СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СРЕДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКА ВУЗА КУЛЬТУРЫ.....	146
Андреева Л.А., Танхасаева С.С. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТВОРЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ	152
Забанова Л. Е., Хобракова Л.М. ЭКСКУРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ИРЛАНДИЯ: ИЗ ОПЫТА ПРОХОЖДЕНИЯ СТАЖИРОВКИ	157
Сергеева Е. Б., Мандып-оол С.А. ВЫЯВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ФИНАНСИРОВАНИЯ	164
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	173

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-1-9-5-11

УДК 625.1/.5(091)(571.54)+94(571.54)

Фролов Д.А.

Frolov D.A.

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (СТАНЦИИ ВЕРХНЕУДИНСК)

FROM THE HISTORY OF THE TRANSBAIKAL RAILWAY CONSTRUCTION (VERKHNEUDINSK STATION)

В статье автор приводит факты из истории строительства железной дороги на участке Верхнеудинска. Рассматриваются проблемы строительства и способы их решения, а также какую роль в этом играло купечество.

The author gives some facts from the history of the railway construction in Verkhneudinsk. The construction problems, their solutions as well as the merchants' role in this process are considered.

Ключевые слова: Забайкальская железная дорога, Верхнеудинск, купечество, Цыгальницкий.

Keywords: the Transbaikal Railway, Verkhneudinsk, merchants, Tsygalnitsky.

В 2019 г. исполняется 120 лет со дня прибытия первого поезда в Верхнеудинск. Это событие является историческим и значимым не только для города, но и Сибири в целом. По этому поводу в городе вывешивались государственные флаги, проводились торжественные мероприятия.

24 сентября 1887 г. на заседании Верхнеудинской Городской Думы был поднят вопрос о строительстве железной дороги в Забайкалье. Гласные Городской Думы под руководством городского головы Н. С. Нелюбова проявили проницательность и дальновидность в этом вопросе, было приведено аргументированное объяснение в пользу строительства железной дороги через Верхнеудинск.

Из протокола заседания: «Рассматривался вопрос о возбуждении ходатайства о проведении имеющейся строиться в Забайкальской области железной дороги через город Верхнеудинск». По своему географическому положению Верхнеудинск представляет центр западной части Забайкальской области: отсюда расходятся дороги в Иркутск, Троицкосавск с Кяхтой, Читу, Баргузин и Петровский Завод. Вместе с тем Верхнеудинск служит и центром житницы Забайкалья. «...Коль скоро же будущая железная дорога обойдет Верхнеудинск, это, несомненно, будет полнейшей гибелью для города. ... Уничтожение такового, давно уже суще-

ствующего торгового центра как Верхнеудинск, несомненно, печально отразится на экономическом состоянии западной части Забайкалья и повлечет за собой, по всей вероятности, устройство другого подобного же центра по линии железной дороги, но создание новых городов обыкновенно обходится недешево для правительства». Наконец, стоимость постройки железнодорожного пути обойдется всего дешевле при направлении его через Верхнеудинск на Читу: почва от Верхнеудинска до Читы твердая, гор и болот нет, реки встречаются только незначительные, через которые не придется строить дорогостоящих мостов. Постановлено: поручить и.д. городского Головы войти от имени Городской Думы на вышеизложенных основаниях с ходатайством через г. военного губернатора Забайкальской области к г. Приамурскому генерал-губернатору барону Корфу и к г. министру путей сообщения о проведении имеющейся строиться в Забайкальской области железной дороги через город Верхнеудинск» [1, л. 1-3 об.]. В сентябре 1888 г. Верхнеудинская Городская Дума постановила: «Для вокзала и всех других сооружений, необходимых для железнодорожной станции в городе Верхнеудинске, уступить безвозмездно площадь, находящуюся на левом берегу р. Уды, на которой ранее существовали казачьи лагеря...» [2, л. 25].

«К производству работ по постройке Забайкальской железной дороги приступили осенью 1895 г. В Верхнеудинске изыскания железнодорожной линии начинались не в 1895 г., а чуть раньше, в 1894 г. «Верхнеудинск. 26-го июля. ... Участки по слухам разделены так: инженер г. Богословский от ст. Мысовой до ст. Полов(и)нной, с переправой через Селенгу; инженер г. Эбергардт – от переправы через Селенгу до р. Уды, со станцией Верхнеудинск и пристанью по р. Селенге; инженер г. Головкин – переход через р. Уду и далее до с. Брянскаго и инженер г. Крушкол – от с. Брянскаго до Петропавловскаго завода» [3, с. 2].

Летом 1895 г. в Верхнеудинск прибыл товарищ министра путей сообщения генерал-лейтенант Петров. «Генерал Петров довольно долго беседовал с депутацией по поводу проведения железной линии чрез г. Верхнеудинск, о местной промышленности и торговле и просил на обратном пути своем из Кяхты предоставить ему записку о мерах, какия по мнению городского общества могут служить к поддержанию и развитию в будущем существующей в Верхнеудинске ярмарки. Осмотрев затем город и место, намеченное под железнодорожную станцию, г. товарищ министра и члены комиссии отбыли из Верхнеудинска на пароход по р. Селенге до Усть-Кяхты».

С половины июля в Верхнеудинск начали прибывать инженеры путей сообщения и партии рабочих из Европейской России для постройки железной дороги [4, с. 3].

В течение зимы 1895-1896 гг. путь был намечен практически на всем протяжении, и для его укладки были заготовлены строительные материалы. Приходилось преодолевать массу трудностей, в числе которых

были не только минимальные условия труда и быта работников, но и природные катаклизмы [5, с. 15].

План по строительству железной дороги на разных участках в ходе работы менялся. Тому свидетельством являются сведения архивного документа от 10 июня 1896 г.: «Осенью минувшего 1895 г. был составлен акт о занятии земель для постройки железной дороги на всем протяжении от г. Верхнеудинска до границы 4-го участка по направлению к Петровскому заводу. В настоящее время представляется более удобным на участке между с. Тальцы и заимкой Заиграево проложить линию по иному направлению. Вследствие этого 20-го числа сего Июня месяца имеет быть составлен акт о занятии земель в пределах нового направления линии взамен ранее составленного по старому направлению» [6, л. 82-82 об.].

Важнейшими препятствиями явились сложный рельеф местности, пересеченной хребтами, реками и болотами, вечная мерзлота, низкие зимние температуры. Несмотря на проблемы, работа не прекращалась. Из сообщения «Восточного обозрения»: «С наступлением зимы железнодорожные работы на IV участке, центр которого – город, прекратились только частью. По линии и теперь продолжаются земляные работы. На двух дистанциях участка к востоку от города произведено земляных работ по нескольку верст. И в то же время из-за различных трудностей к работе еще не приступали ... там предстоит еще и окончательные изыскания» [7, с. 3].

Одной из главных трудностей была нехватка рабочих. Во многом, это было связано с местным населением, которое могло работать лишь сезонно, занимаясь земледелием. О чем также указывалось в газете: «Вполне очевидным стало, что весной, когда земляные работы возобновятся по всей линии, недостаток в рабочих будет очень чувствительным» [8, с. 3]. Поэтому значительное количество рабочих, мастеровых и служащих пришлось выписывать из Европейской России. Из-за чего возникла масса проблем и, как писали в газете «Восточное обозрение», одной из важных – это непонимание и непринятие приезжих. «Местное население и здесь, как и в других местах Сибири, не очень довольно наплывом русского люда. Оно его боится и вообще находится с ним в антагонизме, ... склонно все дурное приписывать наезжему элементу, как, например, в последнее время участившиеся случаи краж. Насколько тут причастны именно рабочие – трудно сказать. Как бы то ни было, наезжий элемент как в виде рабочих, так и в виде всякого рода и всяких степеней культуры железнодорожных служащих, заметно изменил физиономию города и, несомненно, внес значительную долю оживления в монотонную жизнь его» [9, с. 3].

Важной проблемой были финансы. В газете сообщалось: «Верхнеудинск. 21 июня. Месяц тому назад в Верхнеудинск пришла партия рабочих, нанятая подрядчиком Андреевым на участок за Читю. Однако, дойти до своего участка партии не было суждено. Подрядчик вместе со своим

десятиником бежал, оставив рабочих в Верхнеудинске без копейки денег. Причина бегства подрядчика, надобно полагать, безденежье» [10, с. 2]. Что приводило автоматически к срыву графика строительства. Железнодорожники в таких случаях обращались к местным коммерсантам. Моисей Кроль вспоминал, как к нему обратился инженер Эбергард от имени начальника экспедиции за оказанием финансовой помощи, так как крупное ассигнование из Петербурга запаздывало, что могло спровоцировать скандал. По его ходатайству купец Цыгальницкий ссудил 10000 рублей. «Так еврейский коммерсант и политический ссыльный спасли честь очень важной казенной экспедиции. Конечно, Цыгальницкий через несколько дней получил свои деньги обратно, причем экспедиция выразила ему свою благодарность в самых горячих выражениях» [11, с. 158].

Кроме того, увеличение населения из-за прибытия в Сибирь большого количества рабочих привело к удорожанию продуктов и товаров. Из газеты: «Верхнеудинск. 20 апреля. С наступлением весны чрез наш город потянулись отовсюду массы разного рабочего люда, нанявшегося преимущественно на чугунку и на прииски и потому цены на все жизненные продукты в городе значительно возросли» [12, с. 3].

Помимо этого «...Положение железнодорожного рабочего, работающего в большинстве случаев в местах не населенных, вообще довольно незавидно. Скучные развлечения простолюдина здесь ему являются совершенно недоступными, и он усиленно набрасывается на водку, которая и так является одним из главных зол, растлевающих нашу рабочую массу... При условии постоянной тяжелой работы, невольно в человеке пробуждается жажда развлечений, но за отсутствие их он набрасывается на вино, в котором и топит тоску, вызываемую в нем работой». Чтобы как-то разнообразить жизнь рабочих администрацией строительства устраивались подписки для организации досуга, в частности приглашали кинематограф и актеров. «Более всего симпатичной была подписка, устроенная с целью организации библиотеки – читальни, которая дала бы возможность рабочим заполнить свободное время саморазвитием, для чего, между прочим, предполагалось устроить и чтения для неграмотных; к сожалению должен сообщить, что все эти благия начинания до сих пор не осуществились» [13, с. 1].

Несмотря на трудности, строительство продолжалось. Укладка пути Иркутско-Байкальской ветки была закончена во второй половине октября 1898 г. «С мая 1899 г. началась укладка пути от ст. Мысовая и была закончена на 345 версте дороги 16 декабря 1899 г., т.е. на год раньше против назначенного срока» [14, с. 51].

Значение в экономической и культурной жизни региона имело положение Комитета Сибирской железной дороги от 5 июля 1895 г. об исследовании местностей с целью составления планов городов и селений. Для чего Министерство Внутренних Дел указано до наступления весны 1896 г. о принятии зависящих мер к выяснению вдоль Сибирской желез-

ной дороги тех пунктов, в которых, в ближайшем будущем, можно ожидать возникновения городов или значительных селений [15, л. 7-7 об.].

Указ был нужным для постройки будущей инфраструктуры железной дороги. Создавались необходимые для железной дороги предприятия. «Восточное обозрение» сообщало о строительстве на окраине Верхнеудинска кирпичного завода, и высказывались опасения местного населения о возникновении пожаров, так как «кирпичные заведения, как огнедействующие, отнесены к разряду тех, кои ни под какими условиями в населенных частях города, или вблизи оных, не допускается...» [16, с. 3].

Однако строительство нужных железной дороге предприятий развивалось. Так «...почти одновременно с началом работ на Селенгинском мосту открыл свои действия Брянский цементный завод, находящийся в 54 верстах от Верхнеудинска, около ст. Заиграево на 4 участке по постройке Забайкальской железной дороги. Цемент, по отзывам специалистов, не только вполне удовлетворяет техническим требованиям, но даже превосходит их...» [17, с. 3].

Также были построены «1150 искусственных сооружений, из них было заброшено после наводнения 1897 г. – 18, таким образом, имелось на линии 1132 сооружения... Пассажирских зданий построено всего 23. Все пассажирские здания деревянные на каменных фундаментах с железными крышами Больниц построено две: на ст. Верхнеудинск на 25 коек и на ст. Чита – на 30 коек. Здания деревянные, фундаменты каменные. Кроме построенных больниц, на дороге было 11 санитарных участков, возглавляемых врачом. Для помещения больных устроено 11 больниц, 22 приемных покоя и 11 фельдшерских пунктов ...» [18, с. 52].

Одной из важных дат в строительстве железной дороги для города стал день 12 сентября 1895 г., когда в Верхнеудинске была произведена закладка вокзала. «День выдался прекрасный. Масса избранной публики и толпа народа устремилась к назначенному месту, верстах в 2-х от города, на северо-восток, у опушки леса – на горе. Около 3-х часов дня прибыли: г. начальник области, генерал-майор Мациевский и преосвященный Вениамин, архиерей Читинский и Селенгинский, случайно проезжавший через Верхнеудинск. ... Совершено было торжественное молебствие, после которого начальник области генерал-майор Мациевский и преосвященный владыка направились к месту закладки, повезли рабочую тачку с землей, которую и высыпали на означенное место, открыв, таким образом, начало работ. За ними последовали и другие. Оркестр военной музыки и толпа народа, издававшая радостно-восторженные крики – довершали картину величия этого торжества. Генерал-майор Мациевский обратился к присутствующим с речью: «пожелал благого успеха в исполнении предначертанного свыше всем, прямо или косвенно, участвующим в постройке великаго сибирскаго пути – от министра путей сообщения Хилкова до последняго рабочаго включительно, и выразил уверенность, что будет построена «такая дорога, на которой не будет крушений» ... Город наш ожил. В этот день повсюду видны были признаки радостно воз-

бужденного настроения по случаю совершившагося великаго почина, а с горы доносилось несмолкаемое «ура!» [19, с. 2].

Именно на этот вокзал, спустя четыре года – 15 (27) августа 1899 г. пришел первый поезд, изменивший судьбу Верхнеудинска.

Примечания

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 577. Л. 1-3 об.
2. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 577. Л. 25.
3. Восточное обозрение. 1894. № 095(17 авг.). С. 2.
4. Восточное обозрение. 1895. № 091 (4 авг.). С. 3.
5. Байкальская повесть Транссиба / авт.-сост. Е. В. Ершова. Улан-Удэ, 2014. С. 15.
6. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6274. Л. 82-82 об.
7. Восточное обозрение. 1896. № 002 (4 янв.). С. 3.
8. Восточное обозрение. 1895. № 002 (4 янв.). С. 3.
9. Восточное обозрение. 1896. № 002 (4 янв.). С. 3.
10. Восточное обозрение. 1896. № 081 (12 июля). С. 2.
11. Жуковская Н. Л. Моисей Кроль: личность в контексте эпохи [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/krolx_m_a/text_2008_moisey_krol_lichnost_v_kontekste_epohi.shtml (дата обращения: 01.03.2019).
12. Восточное обозрение. 1896. № 053 (3 мая). С. 3.
13. Восточное обозрение. 1898. № 11 (25 янв.). С. 1.
14. Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2015 год. Улан-Удэ, 2015. С. 51
15. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6274. Л. 7-8.
16. Восточное обозрение. 1896. № 053 (3 мая). С. 3.
17. Восточное обозрение 1897. № 027 (2 марта). С. 3.
18. Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2015 год. Улан-Удэ, 2015. С. 52.
19. Восточное обозрение. 1895. № 113 (24 сент.). С. 2.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija (GARB) [The State archive of the Republic of Buryatia]. F.10. Op.1. D.577. L.1-3 ob. [In Russ.].
2. GARB [The State archive of the Republic of Buryatia]. F.10. Op.1. D.577. L.25. [In Russ.].
3. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1894. № 095(17 avg.). S. 2. [1894. № 095(August 17). P. 2]. [In Russ.].
4. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1895. № 091(4 avg.). S. 3. [1895. № 091(August 4). P. 3]. [In Russ.].
5. Bajkal'skaja povest' Transsiba [The Baikal Transsib Tale] / comp. by Ershova. Ulan-Ude, 2014. P.15. [In Russ.].

6. GARB [The State archive of Republic of Buryatia]. F.337. Op.1. D.6274. L.82-83 ob. [In Russ.]
7. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1896. № 002(4 janv.). S. 3. [1896. № 002 (January 4). P. 3]. [In Russ.].
8. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1895. № 002(4 janv.). S. 3. [1895. № 002 (January 4). P. 3]. [In Russ.].
9. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1896. № 002(4 janv.). S. 3. [1896. № 002 (January 4). P. 3]. [In Russ.].
10. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1896. № 081(12 ijulja). S. 2. [1896. № 081 (July 12). P. 2]. [In Russ.].
11. Zhukovskaya N.L. Moisej Krol': lichnost' v kontekste epohi [Moisey Krol: personality in the context of epoch]. URL: http://az.lib.ru/k/krolx_m_a/text_2008_moisey_krol_lichnost_v_kontekste_epohi.shtml (01.03.2019). [In Russ.].
12. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1896. № 053 (3 maja). S. 3. [1896. № 053 (May 3). P. 3]. [In Russ.].
13. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1898. № 011 (25 janv.). S. 1. [1898. № 011 (January 25). P. 1]. [In Russ.].
14. Kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat istorii Burjatii na 2015 god [Calendar of significant and memorable dates in the history of Buryatia for 2015]. Ulan-Ude, 2015. P. 51. [In Russ.].
15. GARB [The State archive of the Republic of Buryatia]. F.337. Op.1. D.6274. L.7-8. [In Russ.].
16. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1896. № 053 (3 maja). S. 3. [1896. № 053 (May 3). P. 3]. [In Russ.].
17. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1897. № 027 (2 marta). S. 3. [1897. № 027 (March 2). P. 3]. [In Russ.].
18. Kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat istorii Burjatii na 2015 god [Calendar of significant and memorable dates in the history of Buryatia for 2015]. Ulan-Ude, 2015. P. 52. [In Russ.].
19. Vostochnoe obozrenie [Eastern Review]. 1895. № 113 (2 sent). S. 2. [1895. № 113 (Sept. 24). P. 2]. [In Russ.].

Ваганова Е.В., Москвитина К.С.

Vaganova Ye.V., Moskvitina K.S.

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖИДИНСКОЙ
НАРОДНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ с. ПЕТРОПАВЛОВКА
ДЖИДИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

**THE HISTORY OF CREATION AND ACTIVITY OF THE DZHIDA
PEOPLE'S ART GALLERY IN THE VILLAGE PETROPAVLOVKA
OF THE DZHIDA DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

В статье рассматривается история создания Джидинской народной картинной галереи, формирование её фондов и коллекций, деятельность галереи на современном этапе развития.

The article considers the history of the Dzhida people's art gallery creation, the formation of its funds and collections, its activity at the present time of the development.

Ключевые слова: с. Петропавловка, Джидинская народная картинная галерея, деятельность музея, история музея, музейные экспонаты, музейные фонды, коллекции музея.

Keywords: Petropavlovka village, the Dzhida people's art gallery, museum activity, museum history, museum exhibits, museum funds, museum collections.

Джидинский район – это разнообразие ландшафтов, удивляющих своей красотой и первозданностью. Это вершины святого Хамар-Дабана, тайга, степи, крупные и малые реки, пресноводные и соленые озера, минеральные источники – аршаны, караванный Чайный путь, Удунгинский тракт, сплавы по рекам Темник и Джиды [1].

Кроме природного наследия у Джидинского района есть и своя богатая история. Район является родиной первого бурятского ученого Доржи Банзарова и первого Героя Советского Союза в Бурятии Гармажапа Гармаева. В период Гражданской войны на его территории происходили события, представляющие значительный исторический интерес. Так, например, в августе 1918 г. по сёлам Джиды проходил отряд Каландаришвили, отступавший на Запад на соединение с Красной Армией [7].

Позднее ветеранами Гражданской войны, Великой Отечественной войны и ветеранами труда совместно с исполкомом Джидинского аймачного Совета 2 декабря 1965 г. был создан Народный историко-краеведческий музей [3]. Этому важному событию предшествовала долгая и кропотливая работа ветеранов Гражданской войны Иннокентия Ивановича Сухарева и Николая Андреевича Цынкова. Все свое свободное время инициаторы отдавали тому, чтобы быстрее приблизить день открытия

музея. Решением Джидинского исполнительного комитета аймачного Совета депутатов было отведено две комнаты в Доме пионеров. В дальнейшем это двухэтажное здание полностью должно было перейти в распоряжение музея [3].

Первые музейные выставки были посвящены историко-революционной, трудовой и боевой славе. Здесь были представлены материалы о революционных и дореволюционных днях, о борьбе за советскую власть и о людях-героях района, о жизнедеятельности Доржи Банзарова, о Георгиевском кавалере Петре Калмынине, который был награжден за спасение Н.М. Пржевальского, о монгольских вождях – Сухэ-Баторе и Чойбалсане, которые в трудную годину нашли убежище в районе. Подробнейшие материалы были и о К.К. Рокоссовском, который принял первое боевое крещение с членами контрреволюционной вооружённой группировки (во время Гражданской войны) в селе Желтура Джидинского района [3].

Отдел природы заняли чучела животных, обитающих на территории района. Здесь же в музее были представлены отделы: «Художественный», «Образцы ископаемых», «Дореволюционный быт крестьян Джидинского района». Было собрано и большое количество фотографий героев Великой Отечественной войны Джидинского района, позже было принято решение оформить из них альбомы, которые и по сей день пользуются большой популярностью у жителей района [7].

9 мая 1969 г. Народный историко-краеведческий музей был переименован в Историко-краеведческий музей имени Доржи Банзарова. Однако его жизнь оказалась недолгой, после ухода из жизни его организаторов И.И. Сухарева и Н.А. Цынкова музей был закрыт [3].

30 июня 1987 г. по инициативе райкома КПСС и исполкома Джидинского района с целью приобщения населения к миру изобразительного искусства, в здании Историко-краеведческого музея им. Доржи Банзарова была открыта Джидинская народная картинная галерея. Вскоре после открытия музея было принято решение отвести весь первый этаж для материалов историко-краеведческой направленности: этнографии, археологии, военной истории и природы. Второй этаж занял художественный отдел, вся коллекция была сформирована по просьбе Союза художников Бурятской АССР в количестве 126 работ, в том числе: живописи – 34, графики – 81 и малой скульптуры – 11 [8]. Коллекция подбиралась с учетом национальных традиций, быта и культуры коренного населения: бурят, эвенков, русских.

Полное отсутствие финансирования музея в перестроечное время по статье «Выставочная деятельность» стимулировала создание экспозиций за счет внутренних резервов. В этих условиях музей продолжал работать, используя художественные возможности местных школ и народные таланты [2]. Так, совместно с Домом детского и юношеского творчества проводились выставки детского рисунка на заданную тему. В кон-

курсах участвовали многие школы района и дошкольные учреждения с. Петропавловка.

9 марта 1988 г. была открыта выставка минералов и драгоценных камней, собранных из различных уголков Сибири геологом И.Д. Мельниковым [3].

В 1993 г. был открыт отдел природы. В нем было сформировано несколько экспозиций: «Животный мир лесостепной, степной и таежной зон», «Лекарственные растения», «Полезные ископаемые», «Пушно-меховое сырье» и «Палеонтологическая» [5].

В марте 1997 г. в музее была оформлена выставка «Предметы быта и археологии». В основе коллекции – подъемный материал, собранный на многочисленных поселениях человека и случайно обнаруженных жителями района. Нахождение подъемного материала объясняется тем что, около 8-14 тыс. лет назад на территории района обитали мамонты, шерстистые носороги, забайкальские яки, буйволы, бизоны. Кости вымерших животных местные жители находили при производстве земляных работ, в стенках канав временных водотоков, в береговых обнажениях реки Джиды. Найденные жителями Джидинского района кости вымерших животных приносили в музей, благодаря чему и сложилась палеонтологическая коллекция [3].

Значительная часть коллекции домашней утвари была собрана еще во время существования Историко-краеведческого музея им. Доржи Банзарова. В коллекции имеется домашняя утварь, в основном посуда: утюги, котлы, горшки, чашки, а кроме того сельскохозяйственный инвентарь (деревянная соха, вилы, грабли, цепи), изготовленный местными жителями в 1970-х гг. специально для музея [7].

В 1995 г. в музее открылась выставка «Великой Победе – 50 лет», в экспозиции был представлен обширный материал, собранный у местного населения: боевые награды, благодарственные письма, фотографии, различные документы. После ее закрытия большая часть материалов была возвращена владельцам [7].

Музей всегда был востребован и пополнялся новыми экспонатами ежегодно, но немалую роль в жизни музея сыграли местные жители, благодаря дарению различных предметов собранных на территории Джидинского района было составлено и дополнено множество коллекций. Выставки, созданные сотрудниками музея, имели различное направление, некоторые из них существуют и по сей день. По состоянию на 2018 г. в Джидинской картинной галерее числится 4036 музейных предметов [6]. Фондовое собрание включает музейные коллекции всех видов: этнография, нумизматика, археология, фалеристика, декоративно-прикладное искусство, фотоматериалы, редкие книги и документы, произведения изобразительного искусства, естественно-научную коллекцию [7].

На протяжении многих лет ведется работа по хранению музейных экспонатов, по музейной нормативной документации. Но состояние фондовой работы в галерее находится на невысоком уровне, что связано с ра-

дом причин: отсутствием финансирования, нехваткой площадей для хранилищ, ограниченным количеством сотрудников, отсутствием оборудования для поддержания оптимальных условий в фондохранилищах. Немалая поддержка в музейной работе оказывается со стороны Национального музея Республики Бурятия [7].

Множество работ было принято в дар от художников, это В.И. Переяславец, «После ночных полётов», А. Джафаров, «Мать и сын», А.И. Духанин, «Перегон отары», Ц. С. Сампилов «Любовь в степи», Т. А. Рудь «Здесь начинается Ангара», В. Д. Архипов «Хоккей на Байкале», И. И. Стариков «Шаман-камень» и др. [4].

На постоянной основе действует выставка картин и панно бывшего директора музея И.Д. Мельникова, выполненных им лично из кусочков меха, из перьев птиц, из песка минералов [3].

Значимое место в экспозициях музея занимает нумизматическая коллекция, она включает в себя монеты и бумажные купюры времен царствования императорской династии, советского времени, а так же собрание юбилейных монет [7]. Еще одним достоянием Джидинской народной картинной галереи является коллекция кукол из красной глины ручной работы, выполненных Натальей Анатольевной Аверьяновой, жительницей с. Большой Нарын [7].

В фондах музея хранятся материалы по военной истории: Гражданской и Великой Отечественной войнам (боевые награды, медали, ордена, благодарственные письма, различные документы), имеются материалы послевоенного времени (купчие, квитанции, фотографии, грамоты, и др.). Все перечисленные музейные предметы довольно активно используются на выставках и в постоянных экспозициях музея, дополняя интерьеры и другие музейные комплексы [7].

В 2018 г. музейный фонд Джидинской народной картинной галереи пополнился на 30 предметов [6]. Например, мебель для оформления экспозиции «Казачья изба» и предметы бытового обихода людей XX в. и др. В дар музею была предоставлена коллекция картин из перьев птиц, меха животных и минерального песка И.Д. Мельниковым.

Сегодня в музее на постоянной основе действуют 4 выставки: «Зал боевой и трудовой славы», «Предметы быта и археологии», «Отдел природы» и «Боно-нумизматический отдел» [3]. Он по-прежнему продолжает располагаться в одном здании с районным культурно-досуговым центром «Гармония» (ранее «Дом пионеров»). В течение нескольких лет ведется большая работа с архивами, по запросам жителей района сотрудники музея предоставляют информацию и архивные материалы по интересующим вопросам [7].

В 2017 г. была подготовлена выставка мастеров декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов [7]. Активно ведется работа по инвентаризации, пересчету музейных предметов и организация необходимой документации. В 2018 г. состоялась регистрация музея в Государственном каталоге Российской Федерации [8].

Музей со времен своего создания активно участвует в образовательно-воспитательном процессе подрастающего поколения, активно сотрудничает со школами и детскими садами, предоставляет возможность поиска информации для участия в научно-практических конференциях [7].

Но не стоит забывать о том, что любому музею со временем требуется модернизация, это необходимо для того, чтобы он в полной мере выполнял свои обязанности по сохранению, выявлению, экспозиционированию музейных предметов. Именно поэтому было принято решение о капитальном ремонте Джидинской картинной галереи, который был успешно завершён в ноябре 2018 г.

Таким образом, Джидинская народная картинная галерея, несомненно, имеет богатую, наполненную событиями историю. За всё время своего существования музей имел различные названия: «Народный историко-краеведческий музей», «Историко-краеведческий музей им. Доржи Банзарова», пока в 1987 г. по инициативе райкома КПСС и исполкома Джидинского района окончательно не изменил своё название на «Джидинскую народную картинную галерею». Музей занимает значимое место в культурной жизни района, осуществляет все виды музейной деятельности (фондовую, исследовательскую, экспозиционно-выставочную и просветительную). Музей является местом хранения и трансляции социальной памяти, источником знаний по истории района, его культуры. Джидинская картинная галерея активно стремится к воспитанию, социально-педагогической поддержке становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России.

Примечания

1. Джидинский район [Электронный ресурс] // Байкал – Бурятия: туризм и отдых : офиц. сайт Респ. Бурятия в сфере развития туризма. URL: <http://baikaltravel.ru/buryatia/regions/dzhidinsky.html> (дата обращения: 08.03.2019).

2. Они стояли у истоков музейного дела Джидинского района [Электронный ресурс] // Без формата : [сайт]. URL: <http://ulanude.bezformata.com/listnews/muzejnogo-dela-dzhidinskogo-raiona/63186685/> (дата обращения: 06.02.2019).

3. Жупикова Н. Где хранится память прошлого // ТВ Дубль. 2017. №29. С. 3.

4. Джидинская картинная галерея [Электронный ресурс] // Культурный Навигатор-РФ. URL: <http://prosvetcult.ru/r/respublika-buryatiya/places/6394> (дата обращения: 24.02.2019).

5. День министра культуры Бурятии прошёл в Джидинском районе [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Бурятия. URL: http://egov-buryatia.ru/minkult/press_center/news/detail.php?ID=30134 (дата обращения: 10.03.2019).

6. Отчет Дзидинской народной картинной галереи за 2018 г. Петропавловка, 2019.

7. ПМА (Полевые материалы автора). Беседа с заведующей Дзидинской картинной галереей Беломестновой Н. С., 1982 г.р., жительницы с. Петропавловка Дзидинского района. 24.02.2019 г.

8. Управление культуры и туризма МО «Дзидинский район» [Электронный ресурс]. URL: <http://ok-djida.narod.ru/nargal/nargal.htm> (дата обращения: 05.02.2019).

References

1. Dzhida rajon [Dzhida rajon] // Baikal-Buryatija: turizm i otdykh : oficialniy sait Resp. Buryatija v sfere razvitija turisma [Baikal-Buryatia: tourism and recreation: official site of the Republic of Buryatia in the sphere of tourist development]. URL: <http://baikaltravel.ru/buryatia/regions/dzhidinsky.html> (08.03.2019) [In Russ.].

2. Oni stojali u istokov muzejnogo dela Dzhidinskogo rajona [They were at the source of the museum activities of the Dzhida district] // Bez formata [Without any format]. URL: <http://ulanude.bezformata.com/1istnews/muzejnogo-dela-dzhidinskogo-rajona/63186685/> (06.02.2019) [In Russ.].

3. Zhupikova N. Gde khranitsja pamat' proshlogo [Where the memory about the past is kept] // TV Dubl' [TV Take]. 2017. № 29. P. 3. [In Russ.].

4. Dzhidinskaja kartinnaja galereja [The Dzhida picture gallery] // Kulturnyj navigator [Cultural navigator]. URL: <http://prosvetcult.ru/r/respublika-buryatiya/places/6394> (24.02.2019) [In Russ.].

5. Den' ministra kulture Buryatii proshel v Dzhidinskom rajone [The day of the Minister of culture of Buryatia passed in the Dzhida district] // Ministerstvo kulture Respubliki Buryatija [Ministry of Culture of the Republic of Buryatia site]. URL: http://egov-buryatia.ru/minkult/press_center/news/detail.php?ID=30134 (10.03.2019) [In Russ.].

6. Otchet Dzhidinskoj kartinnoj galereii za 2018 g. [The 2018 report of the Dzhida art gallery]. Петропавловка, 2019. [In Russ.].

7. ПМА (Polevye materialy avtora). Beseda s zaveduyschej Dzhidinskoj kartinnoj galerejej Belomestnovoj N.S. 1982 g.r., zhitelnitsy s. Петропавловка Dzhidinskogo rajona [Talk with the head of the Dzhida art gallery Belomestnova N.S., born in 1982, inhabitant of the village Петропавловка of the Dzhida district (24.02.2019) [In Russ.].

8. Upravlenije kulture i turisma MO «Dzhidinskij rajon»: [sait] [Management of culture and tourism of the municipality «Dzhida district» [site]. URL: <http://ok-djida.narod.ru/nargal.htm> (05.02.2019) [In Russ.].

Одорова Т.Л.

Odorova T.L.

**КАДРОВАЯ СИТУАЦИЯ В БИБЛИОТЕКАХ БУРЯТИИ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946-1949 гг.)**

**THE STAFFING SITUATION IN THE LIBRARIES OF BURYATIA IN
THE FIRST POST-WAR YEARS (1946-1949)**

В статье рассмотрены формы подготовки, переподготовки и повышения квалификации библиотечных работников, направления методической работы библиотек, проблемы в кадровой ситуации. На основе архивных документов приведены количественные данные о персонале библиотек, обучающих мероприятиях. В рассматриваемый период наблюдалось расширение кадрового состава библиотек. Республиканской библиотекой применялись различные формы обучения библиотекарей, в том числе курсы, практикумы, семинары.

The article considers the forms of training, retraining and professional upgrading of the librarians, the directions of the libraries methodical work, the staffing situation problems. On the basis of archival documents, quantitative data on library personnel, training events are given. In the period under review, there was an expansion in library staffing. The republican library used various forms of personnel training, including courses, workshops, seminars.

Ключевые слова: библиотекари, кадровый состав, Бурятия, подготовка и переподготовка кадров, повышение квалификации.

Keywords: librarians, staffing, Buryatia, training and retraining of library personnel, professional upgrading.

Библиотечное дело в Бурятии в послевоенные годы развивалось в сложных условиях сокращения материальных и людских ресурсов, и вместе с тем, роста социальной мобильности, самосознания народа. Важнейшими задачами библиотечного строительства стали скорейшее восстановление деятельности отдельных учреждений, кадровое обеспечение постепенно расширяющейся сети библиотек, повышение профессиональной компетентности библиотекарей.

В довоенный период мероприятия в области подготовки и повышения квалификации кадров осуществляли, главным образом, областная (с 1938 г. Республиканская) библиотека в сотрудничестве с Бурнаркомпросом; Кяхтинская политико-просветительная школа (с 1936 г.). Определенный вклад в профессиональное развитие кадров внесли общественные библиотечные организации – библиотечные объединения 1920-1930-х гг. К формам обучения, повышения квалификации библиотекарей относи-

лись курсы, практикумы, ученичество, семинары, совещания разного уровня, методические консультации.

Дефицит квалифицированных сотрудников, высокая текучесть кадров являлись характерными особенностями довоенного периода. В Республиканской библиотеке во второй половине 1930-х гг. работники с неполным средним образованием составляли около половины персонала; преобладали сотрудники с небольшим стажем работы в библиотеке (менее года). Низкий образовательный уровень имели заведующие избами-читальнями: из 154 человек только 25 имели семилетнее образование [5].

В годы Великой Отечественной войны библиотеки развернули «военно-шефскую» работу среди населения, в эвакуогоспиталях. Библиотекари Бурятии приняли участие во Всесоюзном соревновании массовых библиотек Наркомпроса (1944 г.), в рамках которого помимо обязательства повышения показателей работы, решили собрать литературу среди местного населения для освобожденных районов страны [6; 7].

Негативную роль играла переброска библиотекарей на другую работу, частая сменяемость работников, в 1943 г. сменились заведующие большинства (десяти) аймачных библиотек. В 1944 г. только 4 из 15 заведующих сельскими библиотеками имели среднее образование [8]. Осуществлялась подготовка и переподготовка библиотечных работников, включавшая периодически проводимые краткосрочные курсы, семинары, практикумы.

В годы войны сеть массовых библиотек Бурнаркомпроса оставалась в количественном отношении примерно на одном уровне с довоенным периодом [3; 4]. Временно закрытыми или бездействовавшими вследствие слабости ресурсной базы были, например, 15 библиотек в 1944 г. В целом по стране сеть общедоступных библиотек сократилась на 45 %; восстановление ее было завершено к концу 1940-х гг. [1].

Как известно, в 1946-1948 гг. были приняты партийные постановления, приведшие к ужесточению политики в области идеологии и культуры. Постановления ЦК ВКП (б) 1946 г. по идеологическим вопросам, связанные с критикой низкопоклонства перед культурой Запада, необходимостью пропаганды социалистических идеалов, воспитания подрастающих поколений в духе социалистического патриотизма и интернационализма, были восприняты как основное указание по руководству всей системой библиотечного дела. Республиканская библиотека организовала два совещания сотрудников республиканской и городских библиотек, где провела проработку доклада А. Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград» [9, л. 1].

В послевоенные годы в стране усилилось государственное и партийное руководство библиотечным делом; была проведена реорганизация государственного управления учреждениями культуры. В 1945 г. при Совете министров Бурят-Монгольской АССР было создано управление по делам культурно-просветительных учреждений.

Особенностью развития библиотечной сети страны в эти годы были более высокие темпы ее роста в сельской местности, нежели в городах. Советом министров Бурят-Монгольской АССР 20 сентября 1946 г. принято постановление «О мерах по укреплению аймачных и сельских библиотек» [10].

Сеть государственных массовых библиотек в 1947 г. выглядела следующим образом: Республиканская библиотека – 1, городские – 6, детские – 2, районные – 22, сельские – 26, всего – 57. В сравнении с 1939 г. заметен рост числа районных и сельских библиотек, на 8 и 13 единиц соответственно [11; 12, л. 35].

Если в 1938 г. в 35 действующих (из 41) массовых библиотеках Бурнаркомпроса трудились 47 работников [5], то в 1947 г. только заведующих государственными массовыми библиотеками насчитывалось 57. Сокращение заведующих избами-читальнями со 154 в 1939 г. до 148 в 1947 г. [12, л. 74] происходило вследствие объединения некоторых изб-читален с сельскими библиотеками.

Количественный состав персонала Республиканской библиотеки варьировался. В штате библиотеки в 1938 г. состояло 15 библиотечных работников, в 1940 г. – 11 сотрудников [13], в 1946 г. – 16 (вместе с вспомогательным персоналом) (Таблица 1).

Таблица 1

Структура Республиканской библиотеки
и распределение сотрудников по отделам (1946 г.) [9, л. 2]

№	Наименование отделов и подразделов	Количество работников
1.	Читальный зал	2
2.	Абонемент для взрослых	2
3.	Отдел обработки	4
4.	Межбиблиотечный абонемент	1
5.	Справочно-библиографический отдел	1
6.	Дирекция	2
7.	Методический кабинет	- (1 – до сентября 1946 г.)
8.	Бухгалтерия	1
9.	Контролер	1
10.	Низший служебный персонал	2
	Всего	16

Увеличение числа сотрудников в отделе обработки литературы было вызвано потребностью работы с значительными поступлениями из Государственных фондов литературы Москвы и Ленинграда.

Таблица 2

Состав работников Республиканской библиотеки на 01.01.1947 г. [9, л. 3]

Категория работников	Кол-во	Образование					Стаж (лет)			
		высшее общее	неокончен. высшее общее	среднее общее	среднее специальное	неокончен. среднее	до 1 года	1- 5	5- 10	свыше 10
директор	1	1								1
зам. директора	1		1				1			
зав. отделами	3		1	1	1			2	1	
библиограф	1		1				1			
старший библиотекарь	3			3			2	1		
классификатор	1					1	1			
методист	-									
всего	10	1	3	4	1	1	5	3	1	1

Половина работников имела только среднее образование (общее и специальное) и стаж менее года. Лучшими работниками являлись 5 человек. Специальные работы с разными категориями читателей – научными работниками, учителями – не проводились из-за «неподготовленности библиотеки к таким мероприятиям и боязнью работников браться за это» [9, л. 7].

Работа по оказанию помощи в самообразовании и организации передвижной работы характеризовалась как «плохо поставленная», в силу отсутствия консультанта и специального работника по передвижному фонду (последний имелся в довоенный период); библиограф появился лишь осенью 1946 г., должность методиста же, наоборот, с этого времени стала вакантной [9, л. 8-9].

В Республиканской библиотеке на 1 января 1950 г. трудилось 10 человек (не считая технический персонал). Образовательный уровень сотрудников вырос, среднее специальное образование имели 50 %, в отчете отмечается о наличии 4 человек с высшим специальным образованием. Текучесть кадров несколько сократилась: стаж менее года имели 30 % работников (против 50 % в 1946 г.), 1-5 лет – 50 %, свыше 10 лет – 2 человека, в том числе директор – Иван Титович Мирошниченко. Республиканская библиотека приняла активное участие в паспортизации библиотек республики и аттестации работников [14, л. 1-5].

Ощущалась необходимость в расширении штата в соответствии со структурой библиотеки, для организации планируемых к открытию еще в 1946 г. отраслевых отделов (литературы на языке коренной национальности, краеведческой, иностранной литературы). Дополнительные штатные единицы требовались и для дифференцированного обслуживания читате-

лей (научные работники, специалисты, учителя, рабочая молодежь, инвалиды Отечественной войны, лица с ограниченными возможностями здоровья и т. д.)

Сложной оставалась ситуация с кадрами на селе. В документах той поры отмечается: «...библиотекари аймачных, сельских, совхозно-колхозных библиотек библиотечного дела не знают, поэтому библиотеки не благоустроены, книжные фонды в беспорядке, никакого учета и отчетности, сменяемость заведующих библиотеками непрерывно продолжается. Нужен методкабинет, который сумел бы оказать немалую помощь аймачным и сельским библиотекам». В отчете Республиканской библиотеки за 1946 г. среди выводов и предложений по улучшению работы предлагалось «особое внимание обратить на подготовку и повышение квалификации библиотечных работников» [9, л. 11-13].

В государственной библиотечной системе в 1946 г. доля лиц с высшим и средним образованием равнялась 35 %. В 1946 г. из 46 заведующих аймачными и сельскими библиотеками более 30 человек (более 65 %) имели только 7-летнее и начальное образование. «Курсовая сеть» не обеспечивала потребности библиотек в квалифицированных работниках [10].

Анализ кадровой ситуации сельской сети культурно-просветительных учреждений в 1947 г. показывает, что среди 148 заведующих изба-читальнями 27 % имели начальное образование, 39 % – незаконченное среднее. 61 % заведующих 57 государственными массовыми библиотеками так же имели незаконченное среднее образование. При этом не соответствующими своей должности в этих учреждениях были признаны 14 и 11 человек. Большинство работников имели стаж менее года (110 избачей и 49 библиотечарей), хотя в документах отмечалось некоторое упорядочение работы по борьбе с текучестью кадров [12, л. 74].

Причинами, вызывавшими неудовлетворительное состояние работы отдельных библиотек и изб-читален, назывались пассивность руководящих органов, заведующих отделами управления по делам культпросветучреждений, «несоответствие своему назначению инспекторов по библиотекам, которые проявляли мало контроля и заботы» [12, л. 85].

Лучшими являлись Баунтовская аймачная библиотека, создавшая разветвленную сеть передвижных библиотек (18 единиц), Быковская изба-читальня Больше-Кударинского аймака, организовавшая широкую культурно-просветительную работу (лекции, доклады, спектакли), деятельность различных кружков.

После войны значительно возросла роль и усилилась деятельность областных, краевых и республиканских библиотек и их методических кабинетов по оказанию повседневной помощи районным, сельским, колхозным и другим библиотекам села [2]. Хотя в 1946 г. методическая работа в Республиканской библиотеке возглавлялась неопытными, неподготовленными к этой работе сотрудниками, все же в сравнении с довоенным периодом можно наблюдать расширение спектра мероприятий (Таблица 3;

содержание табличных данных представлено в соответствии с архивными документами) [9, л. 10].

Таблица 3

Методическая работа Республиканской библиотеки (1946 г.)

Формы методического руководства	в с е г о	охват библиотек	в т. ч. для библиотек							
			районных		городских		детских		сельских	
			кол-во мероприятий	охват библиотек	кол-во мероприятий	охват библиотек	кол-во мероприятий	охват библиотек	кол-во мероприятий	охват библиотек
методические совещания	2	20			2	20				
семинары	1	9	1	9						
практикумы	10	12		8		4				
курсы	1									
групповые консультации										
индивидуальные консультации	19									
устные консультации	1	16		5		10		1		
письменные консультации	3	3		3						
выезды	5	5		4						
пособия	6	6			5	5			1	
вызовы	-									
методические разработки	1				5				5	
методические разработки (перепечатка)	4		5	23		10			5	1

К крупным мероприятиям можно отнести совещания, семинары, практикумы, курсы; заметны в количественном отношении показатели консультаций, методических разработок. В отчете библиотеки упоминается постоянно действующий (с еженедельной периодичностью) семинар по повышению квалификации.

В рамках смотра культурно-просветительных учреждений 1947 г., в котором приняли участие 89 библиотек, состоялись совещания с работниками изб-читален, библиотек. Республиканская библиотека направила во все

аймачные и сельские библиотеки методические письма, провела консультации с двадцатью заведующими библиотек [12, л. 18-21]. В 1949 г. проведена паспортизация библиотек республики и аттестация работников. Библиотечный совет при Республиканской библиотеке в 1949 г. не был создан, поскольку организации не выделили своих представителей в его состав.

Таблица 4

Методическая работа Республиканской библиотеки (1949 г.) [14, л. 27]

Формы методического руководства	всего	охват библиотекарей	в т. ч. для библиотек			
			по республике		по городу	
			кол-во мероприятий	охват библиотек	кол-во мероприятий	охват библиотек
Методические совещания	9	74			9	74
семинары	9	54			9	54
курсы	1	10	1	10		
устные консультации	60	65	18	23	42	42
письменные консультации	30	43	24	31	6	12
выезды в аймаки	7	12	7	12		
выходы в городские библиотеки	41	53			41	53
методические разработки	14	все аймаки				
письма	19	82	12	48	7	34
схемы лит. выставок	6	134	6	134		

За трехлетний период многократно увеличилось количество методических совещаний, консультаций, разработок и др., отмечалось установление более тесной связи методического центра с аймачными и сельскими библиотеками. Участие Республиканской библиотеки в подготовке и повышении квалификации работников выражалось, например, в 1946 г. в виде организации 10 практикумов (для двенадцати библиотек), в 1949 г. – курсового мероприятия (для десяти библиотек из сельской местности), 9 семинаров (для более чем пятидесяти городских библиотек). В 1947 г. была восстановлена работа культурно-просветительной школы в Кяхте, имеющей библиотечное отделение.

В целом, несмотря на трудности послевоенной общественно-политической и социально-экономической обстановки в республике, государственная поддержка и развивающийся кадровый потенциал библиотек способствовали поступательному движению отрасли. В этот период в Бурятии наблюдались расширение сети библиотечных учреждений, их персонала, некоторое улучшение кадровой ситуации вследствие применения

различных форм и методов подготовки и повышения квалификации работников, усиления методической помощи библиотекам.

Примечания

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие. Ч. 2. М. : Либерия, 2001. С. 91, 95.
2. Балкова И. В. История библиотечного дела : [курс лекций]. М. : Пашков Дом, 2013. С. 243.
3. Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : сб. документов. Улан-Удэ, 1975. С. 289.
4. Очерки истории культуры Бурятии. Т. 2. Улан-Удэ, 1974. С. 309.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФП-1. Оп. 1. Д. 3107. Л. 84.
6. ГАРБ. ФП-1. Оп. 1. Д. 4219. Л. 6.
7. ГАРБ. Ф.Р-667. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
8. ГАРБ. ФП-1. Оп. 1. Д. 4227. Л. 10.
9. ГАРБ. Ф.Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-3, 7-13.
10. ГАРБ. Ф.Р-1082. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
11. ГАРБ. Ф.Р-667. Оп. 1. Д. 12. Л. 436.
12. ГАРБ. Ф.Р-955. Оп. 1. Д. 23. Л. 18-21, 35, 74, 85.
13. ГАРБ. Ф.Р-667. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
14. ГАРБ. Ф.Р-955. Оп. 1. Д. 42. Л. 1-5; 27.

References

1. Abramov K. I. Istoriya bibliotechnogo dela v Rossii [History of the library services in Russia]: manual. Part. 2. M., 2001. Pp. 91, 95 [In Russ.].
2. Balkova I. V. Istoriya bibliotechnogo dela [History of library services]: [course of lectures]. M., 2013. P. 243. [In Russ.].
3. Buryatija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.) [Buryatia in the years of the Great Patriotic War (1941-1945): collection of documents. Ulan-Ude, 1975. P. 289. [In Russ.].
4. Oчерki istorii kul'tury Buryatii [Feature stories of the history of culture of Buryatia]. Ulan-Ude, 1974. T. 2. P. 309 [In Russ.].
5. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatija (GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. P-1. Op. 1. D. 3107. L. 84 [In Russ.].
6. GARB. F. P-1. Op. 1. D. 4219. L. 6 [In Russ.].
7. GARB. F. R-667. Op. 1. D. 21. L. 31 [In Russ.].
8. GARB. F. P-1. Op. 1. D. 4227. L. 10 [In Russ.].
9. GARB. F. R-667. Op. 1. D. 23. L. 1-3, 7-13 [In Russ.].
10. GARB. F. R-1082. Op. 1. D. 5. L. 1 [In Russ.].
11. GARB. F. R-667. Op. 1. D. 12. L. 436 [In Russ.].
12. GARB. F. R-955. Op. 1. D. 23. L. 18-21, 35, 74, 85 [In Russ.].
13. GARB. F. R-667. Op. 1. D. 18. L. 1 [In Russ.].
14. GARB. F. R-955. Op. 1. D. 42. L. 1-5; 27 [In Russ.].

Цыденова Д.Ю.

Tsydenova D.Yu.

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

THE PERSONNEL TRAINING EXPERIENCE FOR CULTURE AND ART INSTITUTIONS IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN MODERN STUDIES

В статье представлен обзор научных работ, посвященных опыту подготовки кадров для учреждений культуры и искусства в Сибири и Дальнем Востоке во второй половине XX века. Рассматриваются современные исследования кадрового вопроса в рамках реализации государственной культурной политики и развития профессионального образования в Сибири и на Дальнем Востоке.

The article presents the review of scientific works on the experience of the personnel training for the institutions of culture and art in Siberia and the Far East in the second half of the XXth century. The modern research of the personnel issue in the framework of the state cultural policy implementation and the development of vocational education in Siberia and the Far East is considered.

Ключевые слова: государственная культурная политика, Министерство культуры, подготовка кадров, институт культуры и искусств, Сибирь, Дальний Восток.

Keywords: state cultural policy, Ministry of Culture, personnel training, Institute of Culture and Arts, Siberia, the Far East.

В современных условиях кадровый вопрос в сфере культуры и искусств является одним из актуальных. Это объясняется не только ролью культуры как ресурса социально-экономического развития и показателя качества и уровня жизни граждан, но и ее функции как транслятора традиционных, моральных, эстетических и художественных ценностей. Для качественного развития всех направлений деятельности данной сферы необходимы профессионально подготовленные и творческие кадры. Однако низкая заработная плата и отсутствие системы адаптации и поддержки молодых специалистов ведет к снижению престижа работников культуры и искусства.

Для эффективного решения данной проблемы необходимо учитывать опыт подготовки кадров для учреждений культуры и искусств, накопленный во второй половине XX в. Этот период выделяется рядом обстоятельств. Во-первых, в стране в 1953 г. на территории Советского Союза, в том числе в РСФСР, был создан первый в мире орган государст-

венной власти, регулирующий данную область – Министерство культуры; во-вторых, в этот период была сформирована трехступенчатая система подготовки кадров в области художественного образования (детские школы искусств – средние специальные учреждения – высшие учебные заведения). Немаловажным фактором для поднятия престижа работников сферы культуры и искусства стало учреждение в 1964 г. почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Проблема кадрового обеспечения культуры и искусств вызывает постоянный исследовательский интерес. Поэтому в нашей статье принята попытка рассмотреть основные направления изучения данного вопроса в трудах современных исследователей.

Начиная с 1960-х гг., учеными внесен определенный вклад в изучение истории культуры и искусства в целом, рассмотрение вопросов кадровой политики в Сибири и на Дальнем Востоке. Наряду с приоритетными темами советской историографии – история Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны и др., особое внимание уделялось изучению проблем народного образования, высшей школы и культурно-просветительской работы [43]. В целом, рассматривая работы 1960-1980-х гг., следует подчеркнуть их историко-партийный характер, где ведущая роль в реализации культурной политики, решении кадрового вопроса отводилась КПСС. Переломным моментом в развитии историографии культуры становится период перестройки, когда в условиях демократических свобод, ослабления давления «сверху» и появившегося широкого доступа к архивным материалам возникает исследовательский интерес к ранее неизученным вопросам. Например, если в публикациях 1970-1980-х гг. вопросы подготовки кадров для сферы культуры детально освещались в контексте идейно-политического воспитания, то с конца 1980-х гг. стали обсуждаться проблемы качества подготовки творческих кадров.

С начала 1990-х гг. как отмечают исследователи произошел определенный перелом в изучении проблемы взаимоотношений государства и культуры, при этом «позитивизм в оценках партийно-государственной политики в области культуры сменился ярко выраженным критическим отношением» [4, с. 8]. Появляется большое количество работ, в которых сделан акцент на вопросах законодательного и экономического обеспечения отрасли культуры, анализируется роль и влияние государственной цензуры, представлено критическое осмысление государственного менеджмента в области культуры и искусства, а также кадрового вопроса.

В качестве самостоятельного направления в современной историографии следует выделить анализ государственной культурной политики в СССР во второй половине XX в., особенности ее региональной реализации.

Среди крупных работ можно выделить труды З.Д. Ильиной [16], в которых автор, основываясь на архивных материалах, пытается рассмотреть построение культурной политики через органы идеологической цен-

зуры и выделить особенности ее реализации. Комплексному анализу исследования системы государственного регулирования в области культуры и искусства в СССР посвящена монография Г.М. Галуцкого «Управляемость культуры и управление культурными процессами» [10]. В разделе монографии «Организационная структура социально-культурной сферы в СССР» анализируется система управления, подготовки кадров; автор положительно отзывается об экономической деятельности в отрасли культуры.

Также появляются более узкоспециализированные исследования, где анализируется специфика государственного урегулирования в отдельных областях художественной культуры. К данной теме относится монография В.И. Фомина [44]. Автор исследует основные этапы цензуры в кинематографии, дистанцируясь от существовавшей системы заказа и контроля. В монографии М.Р. Зезиной [15] изучается не только вопрос управления художественной культурой, интеллигенцией и творческим объединением, но и поднимаются внутренние проблемы творческой интеллигенции.

Одним из комплексных исследований является монография Н.В. Белошапка [4], в которой проанализированы особенности формирования политики в области культуры в СССР от Хрущева до Горбачева; исследован механизм ее реализации во второй половине 1960-х гг. и первой половине 1980-х гг. Автор анализирует специфику взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, формы и методы управления художественной культурой.

С начала 1990-х гг. отмечается рост числа исследователей, защитивших диссертации, предметом исследований которых стали вопросы культуры и искусства. Ряд работ посвящен изучению сущности, особенностей и механизма реализации государственной культурной политики в СССР. Особенно плодотворно над этой тематикой работают В.А. Верховская [7], Е. И. Лобынева [24], В.В. Шориков [46], И.В. Подцатова [36] и др. В диссертации, посвященной культурной политике с 1960-1990 гг., М.А. Панфилов [34] рассматривает ее основные направления в условиях завершения индустриальной модернизации. Автор анализирует влияние органов власти и художественной интеллигенции друг на друга, также выявляет особенности развития и реализации культурной политики в данный период.

В последние годы большой интерес вызывает история Министерства культуры. Выделим крупную работу по истории Министерства культуры двухтомное издание «Очерки истории Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации», автором и составителем которого является А.Д. Понько [37]. Работа охватывает период 1917-2010 гг., где автор выделил этапы формирования и развития предшествующих органов и министерства; также в работе опубликованы воспоминания ветеранов учреждений культуры, работавших в разные годы.

История формирования и развития Министерства культуры, его роль в управлении культурной жизни затрагивается в трудах таких ученых, как М.М. Гершензон [11], А. Л. Дивногорцев [14], Е.М. Раскатова [39], К.А. Стародубцева, А.С. Буянова [42]. В работах З.Д. Ильиной [16], А. Н. Камировой [17], Е.И. Кузнецова [22], В.М. Кузьмина [21], С.И. Никонова [31] и др. В контексте анализа региональной реализации государственной культурной политики должное внимание отводится в том числе и деятельности Министерства культуры.

В качестве исследовательского вектора последних лет можно рассматривать анализ создания и развития сети учреждений культуры и искусства в стране. Большое внимание отводится вопросам организации и планирования досуга населения, состоянию материально-технической базы учреждений культуры и искусства. В работах 1990-х – нач. 2000-х гг. прослеживается критика рациональности использования денежных средств и материальных ресурсов учреждений культуры.

Статьи И.В. Барашок [3], С.Н. Виноградова [8], Е.Ю. Качанова [18] посвящены проблемам развития сети культуры и искусства в Сибири и на Дальнем Востоке. В работе В.П. Халиулиной [45] раскрывается деятельность культурно-просветительных учреждений Западной Сибири и роль влияния партии на их работу в 70-е гг. XX в.

Привлекает внимание коллективный труд Е.К. Милашевской, М.Е. Прянишниковой, М.Р. Савченко «Клубы» [27], где авторы предлагают собственную систему классификации клубов и их эволюцию. В данной работе впервые была сделана попытка составления типологии данных учреждений.

Проблему кадрового вопроса в сфере искусства в своей работе затрагивает С.Д. Бортников [5]. Исследователь выделяет разные концептуальные подходы в обучении будущих специалистов в учебных заведениях, которые, по мнению автора, могли привести к конфликтам внутри коллектива.

Существенный вклад в изучение региональной кадровой политики в сфере культуры и искусства внесли работы М.В. Михайловой [28], рассматривающие проблему на материалах Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край). Автором был проведен обобщающий анализ государственной культурной политики в Восточной Сибири, взаимодействие государственных структур, культурно-просветительских учреждений и творческой интеллигенции. М.В. Михайлова подчеркивает негативное влияние централизованной власти в управлении культурной сферой, говорит об излишней политизации, но в то же время отмечает и положительные тенденции в развитии учреждений культуры: повышение престижа работника культуры, развитие материально-технической базы. Детально рассматривается и кадровый вопрос, в том числе проблема закрепления кадров на местах.

Особый интерес представляет работа О.Ю. Любимцевой [25], где автор изучает особенности культурно-просветительской работы в Хака-

сии. О.Ю. Любимцева утверждает, что в период 1960-х гг. экономические преобразования, такие как освоение целинных земель и развитие промышленности, способствовали не только укреплению материально-технической базы учреждений культуры, но и решению кадрового вопроса.

В последние десятилетия возрастает интерес исследователей к истории деятельности учебных заведений сферы культуры и искусства в регионах Сибири и Дальнего Востока. Задачи, которые ставились перед региональными образовательными учреждениями, существенно отличались от столичных. Данную тему отечественные ученые рассматривают в рамках изучения вопросов формирования и развития музыкального и художественного образования, а также рассмотрения становления учреждений культуры и искусств. Отдельных работ, посвященных проблеме, немного.

Исследования, посвященные изучению особенностей и специфики развития культуры в регионах, занимают отдельное место в современной науке. М.С. Антонова [1], М.Ц. Гончикова [12], Е. А. Григорьева [13], Т.В. Лесковой [23], Т.В. Марчишиной [26], С.Ю. Ооржак [32], А.М. Оюн [33], Л.П. Русанова [40] и др. в своих трудах отражают разные стороны формирования музыкальной и художественной культуры в регионах Сибири и Дальнего Востока как на любительском, так и на профессиональном уровне.

Среди работ, посвященных высшим учебным заведениям, особо стоит отметить статью С.В. Буцык [6] «От институтов культуры до институтов культуры: историко-педагогический анализ». Автор анализирует эволюцию развития отечественных институтов культуры на протяжении полувека с момента их создания до современности. Автор выделил три этапа в истории вузов культуры: «1. Появление институтов культур; 2. Период массового переименования институтов; 3. Изменения в высшем образовании и реализация культурной политики (2013 г.)» [6, с. 167, 169, 170].

Проблемы подготовки профессиональных кадров в региональных вузах были подняты в статье М.Г. Вохрошевой [9], в трудах С.И. Никифорова [30], Р.И. Пшеничниковой [38], Е.Ю. Перовой, И.С. Цыремпиловой [35] (Восточно-Сибирский государственный институт культуры), О.А. Костиной, С. М. Нарыжной [29], Е.Г. Поздняковой [19], С.Н. Скоринова [41] (Хабаровский государственный институт культуры), В.И. Бединой, Е.Л. Кудриной [20] (Кемеровский государственный институт культуры), И.В. Барашок [3] (Дальневосточный государственный институт искусств), Г.В. Барановой [2], Г.В. Соседкиной, И.В. Ефимовой [47] (Красноярский государственный институт искусств) и др.

Значительный вклад в изучение проблемы подготовки кадров для сферы культуры и искусства вносят сотрудники научно-исследовательских институтов, профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, училищ, колледжей культуры и искусств Сибири и Дальнего Востока. Также эти вопросы выносятся на обсуждение специальных

научных и научно-практических конференций. Широкое освещение отдельных вопросов подготовки кадров для сферы культуры и искусства имеется в публицистической литературе. Писатели и журналисты дают собственную оценку культурной жизни общества, эти публикации являются живым отображением реальной ситуации.

Представленный обзор современной научной и научно-популярной литературы свидетельствует о формировании с начала 90-х годов XX в. гуманитарной регионалистики, в поле исследования которой попали вопросы реализации государственной культурной политики, особенностей развития культуры и искусства, кадровой политики, материально-технического и финансового обеспечения. При этом возрастает количество публикаций критической направленности, тем самым авторы стремятся уйти от традиционных подходов. Однако широкий круг вопросов, отражающих специфику подготовки кадров для сферы культуры и искусств, нуждается в специальном самостоятельном исследовании.

Примечания

1. Антонова М. С. История становления и развития художественной самодеятельности в Бурятии (1923 – конец 1950-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2000. 24 с.

2. Баранова Г. В. Высшее музыкальное образование в свете культурно политики СССР 60-х – 70-х годов: опыт реализации в КГИИ // Искусство глазами молодых : материалы IX Междунар. (XIII Всерос.) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 27-31 марта 2017 года / отв. ред. Н. А. Еловская, М. В. Холодова, М. И. Чихачева ; Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2017.

3. Барашок И. В. История музыкальной культуры юга Дальнего Востока // Россия в АТР. 2007. №2. С. 141 – 148.

4. Белошапка Н. В. Государство и культура СССР от Хрущева до Горбачева. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. 320 с.

5. Бортников С. Д. Художественная интеллигенция в культурной жизни Сибири, 1960-1980 гг. : автореф. дис. ... д-ра культурологи : 24.00.01 / Алтайс. гос. ин-т искусств и культуры. Барнаул, 2001. 40 с.; Бортников С. Д. Сибирская интеллигенция и отделения творческих союзов в 60-80 годы XX века // Интеллигенция и мир. 2003. № 1. С. 66-75 ; Бортников С. Д. Театральное искусство Сибири в 1960-1985 гг. // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 39-47; Бортников С. Д. Авторитаризм и художественная интеллигенция (культурная и политическая парадигма) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2 (5). С. 22-47.

6. Буцык С. В. От институтов культуры до институтов культуры: историко-педагогический анализ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (35). С. 166-175.

7. Верховская С. А. Противоречия и альтернативы культурной политики СССР в 1956 – 1965 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Моск. ин-т управления правительства Москвы. М., 2004. 208 с.

8. Виноградова С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроперспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. С. 127-139.

9. Вохрышева М. Г. Современные тенденции развития регионального вуза культуры и искусств // Культура : управление, экономика, право. 2008. №1. С. 25-30.

10. Галуцкий Г. М. Управляемость культуры и управление культурными процессами. М. : Букинист, 1998. 463 с.; Галуцкий Г. М. Основы финансов и финансирование культурной деятельности. М. : Ассоциация экономики, науки и техники в сфере культуры, 1996. 223 с.

11. Гершзон М. М. Культурная политика Советского Союза в 1953 – начале 1954 г. (по материалам Министерства культуры СССР) // Преподаватель XXI век. 2016. Т. 4. С. 441 – 458.

12. Гончикова М. Ц. История становления и развития системы профессионального музыкального образования в республике Бурятия (1923-1991 гг.) : автореф. дис... канд. ист. наук. : 07.00.02 / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2011. 23 с.; Гончикова М. Ц. Из истории учреждения среднего профессионального музыкального образования в г.Кяхта, республика Бурятия // Художественное образование и наука. 2008. № 3. С. 53-55; Гончикова М. Ц. Подготовка кадров в сфере культуры и искусства в Бурятии в 1950-е // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 2. 28-32 с.; Гончикова М. Ц. Обзор научной литературы по истории музыкального образования в Бурятии (1923-1991 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1-4. С. 96-99 ; Гончикова М. Ц. Становление и развитие детского музыкального образования в республике Бурятия (1920-1991 гг.) // Современные гуманитарные исследования. 2009. № 3 (28). С.18-22.

13. Григорьева Е. А. Культурное развитие красноярской деревни в 1960-1980-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Краснояр. гос. пед. ун-т. Красноярск, 2004.

14. Дивногорцев А. Л. Библиотечная деятельность Министерства культуры РСФСР (1960-1970-е гг.) глазами его руководящего сотрудника // Научные и технические библиотеки. 2014. Вып. 12. С. 63-40.

15. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950 – 1960 – е гг. М. : Диалог МГУ, 1999. 396 с.

16. Ильина З. Д. Культура и власть: трансформация духовных ценностей горожан российской провинции. 1976-1991. Курск : Курск. пед. ин-т, 1999. 211 с.; Ильина З. Д. Культурная политика и духовная жизнь горожан во второй половине 70-х – 80-е гг.: на материалах Центрально-Черноземного региона РСФСР : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Курск. гос. пед. ун-т. Курск, 1999.

17. Камирова А. Н. Формирование региональной модели управления сферой культуры, как основы перспективного развития отрасли [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами. 2014. С. 1-13 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-regionalnoy-modeli-upravleniya-sferoy-kultury-kak-osnovy-perspektivnogo-razvitiya-otrasli>.

18. Качанова Е. Ю. Библиотечно-информационное образование на Дальнем Востоке: от традиций к инновациям // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 57-62.

19. Костина О. А., Позднякова Е. Г. Хроника Хабаровского государственного института искусств и культуры (1968 – 2013 гг.) // История и культура Приамурья. 2013. № 1(13). С. 26-38.

20. Кудрина Е. Л., Бедин В. И. КемГУКИ в образовательном и социокультурном пространстве Кузбасса и Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 19-33.

21. Кузьмина В. М. Отражение государственной политики 1960-1980-х гг. в творчестве художников Центрального Черноземья // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 1-1. С. 18-22.

22. Кузнецова Е. И. Государственная культурная политика (1950-е начало 1960-х гг.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 131-138.

23. Лескова Т. В. Региональные тенденции русского композиторского фольклоризма Сибири Дальнего Востока 1960-90-е годы : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02 / Новосиб. гос. консерватория. Новосибирск, 2004. 15 с.; Лескова Т. В. Некоторые особенности структуры музыкального образования Дальнего Востока и их влияние на становление профессиональных композиторских кадров региона // Состояние и проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства Дальнего Востока России, Хабаровск, 17-18 нояб. 2010 г. / Хабаров. гос. ин-т культуры и искусств. Хабаровск, 2010. Т. 2. С.152-158; Лескова Т. В. Кадровые процессы в дальневосточном отделении Союза композиторов // Состояние и проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства Дальнего Востока России, Хабаровск, 17-18 нояб. 2010 г. Хабаровск, 2010. Т. 2. С. 256-263.

24. Лобынева Е. И. Государственная культурная политика в СССР в 60-80-е гг. XX в. (на примере Красноярского края) : автореф. дис. ... канд. наук. : 24.00.01. Красноярск, 2016. 23 с.; Лобынева Е. И. Совершенствование государственного управления сферы культуры в 1960-1980-х гг. // В мире научных открытий. 2010. № 6-2 (12). С. 342-345; Лобынева Е. И. Разработка вопросов культуры в документах КПСС в 1960-1980-х гг. // Приволжский научный вестник. 2011. №2 (2). С. 26-32; Лобынева Е. И. Соревнование как форма организации культурной деятельности населения Красноярского края в 1960-1980-е гг. // В мире научных открытий. 2013. № 5-3 (41). С. 53-64; Лобынева Е. И., Николаева А. Ю. Культурно-

просветительская государственная политика в Красноярском крае в 1960-1980 –е гг. // Символ науки. 2015. № 12-2. С. 178-179.

25. Любимцева О. Ю. Культурно-просветительская работа в Хакасии, 1945-1965 гг. : автореф. дис. ... канд. наук : 07.00.02 / Хакас. гос. ун-т. Абакан, 1999.

26. Марчишина Т. В. История профессионального музыкального образования на юге Дальнего Востока России : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 21.00.01 / Дальневост. гос. техн. ун-т. Владивосток, 2004.

27. Милашевская Е. К., Приянишников Н. Е., Савченко М. Р. Клубы. М. : Стройиздат, 1990. 247 с.

28. Михайлова М. В. Государственная политика в области культуры (на материалах Восточной Сибири 1960-1980-х гг.): опыт и проблемы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 2005. 21 с.; Михайлова М. В. Решение кадрового вопроса для учреждений культуры Восточной Сибири во второй половине 1960-х – 1970-е годы // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 284-289.

29. Нарыжная С. М., Костина О. А. Хроника Хабаровского государственного института искусств и культуры (1968 – 2008 гг.) // История и культура Приамурья. 2008. № 1(3). С. 29-40.

30. Никифоров С. И. Виват, академия! История вуза 1960-2000 гг. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. 163 с.

31. Никонова С. И. Власть и интеллигенция: взаимодействие и (или) конфронтация (1965-1985 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3. С. 179-186.

32. Ооржак С. Ю. История становления детского музыкально образования в Туве // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2014. № 1(37). С. 147-151.

33. Оюн М. А. Становление и развитие детской музыкальной школы в Тувинской автономной области в 1947-1960 годы // В мире научных открытий. 2013. № 11-3. С. 126-131.

34. Панфилов М. А. Культурная политика в Российской Федерации, 1960-1990-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ин-т молодежи. М., 2000.

35. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Исторический опыт подготовки профессиональных кадров для сферы культуры и искусств в региональном вузе // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 35. С. 106-115.

36. Подцатова И. В. Исторический опыт партийно-государственной политики в сфере культурного строительства в 1985-1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Моск. гос. пед. ин-т. М., 2004.

37. Поньков А. Д. Очерки истории Министерства культуры СССР. М. : Человек слова, 2016. 197 с.

38. Пшеничникова Р. И. ВСГАКИ – 55: взгляд в будущее // Вестник Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. 2015. № 1(8). С. 5-9.

39. Раскатова Е. М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964-1985 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Моск. гос. пед. ин-т. М., 2010. 50 с.; Раскатова Е. М. Министерство культуры РСФСР в системе советской власти: особенности реализации приоритетных государственных программ в 1970-х годах // Вестник Помор. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 22-29.

40. Русанова Л. П., Семенова Н. Ф. Становление системы подготовки руководителей музыкальных коллективов // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 62-68.

41. Скоринов С. Н. Хабаровский государственный институт искусств и культуры: прошлое, настоящее и будущее // История и культура Приамурья. 2013. № 1(13). С. 8-15.

42. Стародубцева К. А., Буянова А. С. Министерство культуры РФ в системе органов исполнительной власти: полномочия, структура деятельности // Забайкальский государственный университет. 2014. Вып. 2. С. 99-106.

43. Троякова Ю. К. Советская историография культуры и творческой интеллигенции национальных районов Южной Сибири в 1965-1991 годах // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4. С. 151 – 157.

44. Фомин В. И. Кино и власть. Советское кино: 1965-1985 гг. М. : Материк, 1996. 370 с.

45. Халиулина В.П. Деятельность культурно-просветительных учреждений Западной Сибири и роль партийного влияния на их работу в 70-е годы : автореф. дис. ... канд. ист наук : 07.00.01 / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1994. 22 с.

46. Шориков В. В. Государственная культурно-образовательная политика в исторических судьбах коренных народов Севера-Востока СССР в 1950 – 1970-е гг. : на материалах Магаданской и Камчатской областей : автореф. дис. ... канд. ист наук. : 07.00.02 / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2006. 22 с.

47. Sosedkina G. V., Efimova I. V. The formation of Krasnoyarsk state institute of the arts. [Электронный ресурс]. М. : Atlantis press, 2016. P. 1389-1391. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36686778> (дата обращения: 05.03.2019).

References

1. Antonova M. S. Istorija stanovlenija i razvitija khudozhestvennoj samodejatel'nosti v Burjatii (1923 – konec 1950-kh gg.) : avtoref. dis. ...kand. ist. nauk : 07.00.02 [The history of the formation and development of amateur art in Buryatia (1923 - the end of the 1950s) : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02]. Buryat state university. Ulan-Ude, 2000. 24 s. [In Russ.].

2. Baranova G. V. Vysshee muzykal'noe obrazovanie v svete kul'turnoj politiki SSSR 60-70-kh godov: opyt realizacii v KGII [Higher musical education in the light of the cultural policy of the USSR of the 1960-70s: experience of implementation at the KGII] // *Iskusstvo glazami molodykh* [Art through the eyes of the young]: materialy IX Mezhdunar. (XIII Vseros.) nauch. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Krasnojarsk, 27-31 marta 2017 goda / otv. red. N. A. Elovskaja, M. V. Holodova, M. I. Chihacheva; Krasnoyarsk state university. Krasnojarsk, 2017. [In Russ.].

3. Barashok I. V. Istorija muzykal'noj kul'tury juga Dal'nego Vostoka [History of musical culture of the south of the Far East] // *Rossija v ATR* [Russia in the APR]. 2007. № 2. Pp. 141–148. [In Russ.].

4. Beloshapka N. V. Gosudarstvo i kul'tura SSSR ot Khrusheva do Gorbacheva [The state and culture of the USSR from Khrushchev to Gorbachev]. Izhevsk, 2012. 320 p. [In Russ.].

5. Bortnikov S. D. Khudozhestvennaja intelligencija v kul'turnoj zhizni Sibiri, 1960-80 gg. : avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii : 24.00.01 [The artistic intelligentsia in the cultural life of Siberia : dissertation thesis ... doctor of culturology: 24.00.01]. *Altajs. gos. in-t iskusstv i kul'tury*. Barnaul, 2001. 40 p.; Bortnikov S. D. Sibirskaja intelligencija i otdelenija tvorcheskih sojuzov v 60-80 gody XX veka [Siberian intelligentsia and branches of creative unions in the 60-80s of the XX century] // *Intelligencija i mir* [Intelligentsia and the world]. 2003. № 1. Pp. 66-75 ; Bortnikov S. D. *Teatral'noe iskusstvo Sibiri v 1960-1985 gg.* [Theatrical art of Siberia in 1960-1985.] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education]. 2007. № 4 (7). Pp. 39-47; Bortnikov S. D. *Avtoritarizm i khudozhestvennaja intelligencija (kul'turnaja i politicheskaja paradigma)* [Authoritarianism and artistic intelligentsia (cultural and political paradigm)] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education] 2007. № 2 (5). Pp. 22-47. [In Russ.].

6. Bucyk S. V. Ot institutov kul'tury do institutov kul'tury: istoriko-pedagogicheskij analiz [From cultural institutions to cultural institutions: historical and pedagogical analysis] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo state university of culture and arts]. 2016. № 2 (35). Pp. 166-175. [In Russ.].

7. Verkhovskaya S. A. Protivorechija i al'ternativy kul'turnoj politiki SSSR v 1956 – 1965 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Contradictions and alternatives of the cultural policy of the USSR in 1956-1965 : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02] / Moscow Institute of Moscow authorities management. M., 2004. 208 p. [In Russ.].

8. Vinogradova S. N. Formirovanie gosudarstvennoj politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: retroperspektivnyj analiz [Formation of state policy in relation to the indigenous minorities of the North Siberia and the Far East: a retro-perspective analysis] // *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola

Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. Pp. 127-139. [In Russ.].

9. Vokhrysheva M. G. Sovremennye tendencii razvitiya regional'nogo vuza kul'tury i iskusstv [Modern trends in the development of a regional higher educational institution of culture and arts] // Kul'tura : upravlenie, ekonomika, pravo [Culture : management, economics, law]. 2008. №1. Pp. 25-30. [In Russ.].

10. Galuckij G. M. Upravljaemost' kul'tury i upravlenie kul'turnymi processami [Controllability of culture and management of cultural processes]. M., 1998. 463 p.; Galuckij G. M. Osnovy finansov i finansirovanie kul'turnoj dejatel'nosti [Fundamentals of Finance and Financing of Cultural Activities]. M., 1996. 223 p. [In Russ.].

11. Gershzon M. M. Kul'turnaja politika Sovetskogo Sojuza v 1953 – nachale 1954 g. (po materialam Ministerstva kul'tury SSSR) [The cultural policy of the Soviet Union in 1953 - early 1954 (according to the materials of the Ministry of Culture of the USSR)] // Prepodavatel' XXI veka [Teacher of the XXI century]. 2016. Vol. 4. Pp. 441–458. [In Russ.].

12. Gonchikova M. C. Istorija stanovlenija i razvitiya sistemy professional'nogo muzykal'nogo obrazovanija v respublike Burjatija (1923-1991 gg.): avtoref. dis... kand. ist. nauk. : 07.00.02 [History of formation and development of the system of professional musical education in the Republic of Buryatia (1923-1991) : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02]. Buryat state university. Ulan-Ude, 2011. 23 p.; Gonchikova M. C. Iz istorii uchrezhdenija srednego professional'nogo muzykal'nogo obrazovanija v g. Kjakhta, Respublika Burjatija [From the history of establishment of secondary professional musical education in the city of Kyakhta, the Republic of Buryatia] // Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Art education and science]. 2008. № 3. Pp. 53-55; Gonchikova M. C. Podgotovka kadrov v sfere kul'tury i iskusstva v Burjatii v 1950-e [Training in the field of culture and art in Buryatia in the 1950s] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo [Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society.]. 2015. № 2. Pp. 28-32.; Gonchikova M. C. Obzor nauchnoj literatury po istorii muzykal'nogo obrazovanija v Burjatii (1923-1991 gg.) [Review of scientific literature on the history of musical education in Buryatia (1923-1991)] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat State University]. 2014. № 1-4. Pp. 96-99 ; Gonchikova M. C. Stanovlenie i razvitie detskogo muzykal'nogo obrazovanija v respublike Burjatija (1920-1991 gg.) [Formation and development of children's musical education in the Republic of Buryatia (1920-1991)] // Sovremennye gumanitarnye issledovanija [Modern Humanitarian Studies]. 2009. № 3 (28). Pp.18-22. [In Russ.].

13. Grigor'eva E. A. Kul'turnoe razvitie krasnojarskoj derevni v 1960-1980-e gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Cultural development of the Krasnoyarsk village in the 1960-1980s : dissertation thesis

... candidate of historical sciences: 07.00.02]. Krasnoyarsk state ped. univ. Krasnoyarsk, 2004. [In Russ.].

14. Divnogorcev A. L. Bibliotechnaja dejatel'nost' Ministerstva kul'tury RSFSR (1960-1970-e gg.) glazami ego rukovodjaschego sotrudnika [Library activities of the Ministry of Culture of the RSFSR (1960-1970s) through the eyes of its executive officer] // Nauchnye i tehicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]. 2014. Vyp. 12. Pp. 63-40. [In Russ.].

15. Zezina M. R. Sovetskaja khudozhestvennaja intelligencija i vlast' v 1950–1960 – e gg. [Soviet artistic intelligentsia and power in the 1950s-1960s]. M., 1999. 396 p. [In Russ.].

16. Il'ina Z. D. Kul'tura i vlast': transformacija dukhovnykh cennostej gorozhan rossijskoj provincii. 1976-1991 [Culture and power: the transformation of the spiritual values of the citizens of the Russian province. 1976-1991]. Kursk : Kursk ped. in-t, 1999. 211 p.; Il'ina Z. D. Kul'turnaja politika i dukhovnaja zhizn' gorozhan vo vtoroj polovine 70-80-kh gg.: na materialakh Central'no-Chernozemnogo regiona RSFSR : avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk.: 07.00.02 [Cultural policy and spiritual life of citizens in the second half of the 70-80s: on the materials of the Central Black Soil Region of the RSFSR : dissertation thesis ... doctor of historical sciences: 07.00.02] : / Kursk state ped. un-ty. Kursk, 1999. [In Russ.].

17. Kamirova A. N. Formirovanie regional'noj modeli upravlenija sferoj kul'tury, kak osnovy perspektivnogo razvitija otrasli [Formation of a regional model of cultural management as the basis for the future development of the industry] // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami [Economic Systems Management]. 2014. Pp. 1-13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-regionalnoy-modeli-upravleniya-sferoy-kul'tury-kak-osnovy-perspektivnogo-razvitiya-otrasli> (20.03.2019). [In Russ.].

18. Kachanova E. Ju. Bibliotechno-informacionnoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke: ot tradicij k innovacijam [Library and Information Education in the Far East: From Traditions to Innovations] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2013. № 3. Pp. 57-62. [In Russ.].

19. Kostina O. A., Pozdnjakova E. G. Khronika Khabarovskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury (1968 – 2013 gg.) [Chronicle of the Khabarovsk State Institute of Arts and Culture (1968 - 2013)] // Istorija i kul'tura Priamur'ja [History and Culture of the Amur Region]. 2013. № 1(13). Pp. 26-38. [In Russ.].

20. Kudrina E. L., Bedin V. I. KemGUKI v obrazovatel'nom i sociokul'turnom prostranstve Kuzbassa i Sibiri [KemSUCA in the educational and socio-cultural space of Kuzbass and Siberia] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2007. № 3. Pp. 19-33. [In Russ.].

21. Kuz'mina V. M. Otrazhenie gosudarstvennoj politiki 1960-1980-kh gg. v tvorchestve khudozhnikov Central'nogo Chernozem'ja

[Reflection of the state policy of the 1960-1980s in the artists' works of the Central Chernozemya] // *Obschestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2012. № 1-1. Pp. 18-22. [In Russ.].

22. Kuznecova E. I. Gosudarstvennaja kul'turnaja politika (1950-e, nachalo 1960-kh gg.) [State Cultural Policy (1950s-early 1960s)] // *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian sciences]. 2012. №. 1. Pp. 131-138. [In Russ.].

23. Leskova T. V. Regional'nye tendencii russkogo kompozitorskogo fol'klorizma Sibiri Dal'nego Vostoka 1960-90-e gody : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija : 17.00.02 [Regional trends of the Russian compositional folklore of Siberia in the Far East in 1960–90s : dissertation thesis ... candidate of art history: 17.00.02 / Novosibirsk state conservatory. Novosibirsk, 2004. 15 p.; Leskova T. V. Nekotorye osobennosti struktury muzykal'nogo obrazovanija Dal'nego Vostoka i ikh vlijanie na stanovlenie professional'nyh kompozitorskikh kadrov regiona [Some features of the structure of musical education in the Far East and their influence on the development of professional composer staff in the region] // *Sostojanie i problemy kadrovogo obespečenija sfery kul'tury i iskusstva Dal'nego Vostoka Rossii* [Condition and problems of staffing in the sphere of culture and art of the Far East of Russia], Khabarovsk, 17-18 Nov. 2010 g. / Khabarovsk state institute of culture and arts, Khabarovsk, 2010. Vol. 2. Pp. 152-158; Leskova T. V. Kadrovye processy v dal'nevostochnom otdelenii Sojuza kompozitorov [Personnel processes in the Far Eastern Branch of the Composers' Union] // *Sostojanie i problemy kadrovogo obespečenija sfery kul'tury i iskusstva Dal'nego Vostoka Rossii* [Status and problems of staffing in the sphere of culture and art of the Far East of Russia], Khabarovsk, 17-18 Nov. 2010 g. Khabarovsk, 2010. Vol. 2. Pp. 256-263. [In Russ.].

24. Lobyneva E. I. Gosudarstvennaja kul'turnaja politika v SSSR v 60-80-e gg. XX v. (na primere Krasnojarskogo kraja) : avtoref. dis. ... kand. nauk. : 24.00.01 [State cultural policy in the USSR in the 1960-80s (on the example of the Krasnoyarsk Territory): dissertation thesis ... candidate of culturology: 24.00.01] / Sib. feder. un-t. Krasnoyarsk, 2016. 23 p.; Lobyneva E. I. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo upravlenija sfery kul'tury v 1960-1980-kh gg. [Improving public administration in the field of culture in the 1960-1980s] // *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2010. № 6-2 (12). Pp. 342-345; Lobyneva E. I. Razrabotka voprosov kul'tury v dokumentakh KPSS v 1960-1980-kh gg. [Development of cultural issues in the documents of the CPSU in the 1960-80s] // *Privolzhsnij nauchnyj vestnik* [Privolzhsy Scientific Bulletin]. 2011. №2 (2). Pp. 26-32; Lobyneva E. I. Sorevnovanie kak forma organizacii kul'turnoj dejatel'nosti naselenija Krasnojarskogo kraja v 1960-1980-e gg. [Competition as a form of organization of cultural activities of the population of the Krasnoyarsk Territory in the 1960-80s.] // *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2013. № 5-3 (41). Pp. 53-64; Lobyneva E. I., Nikolaeva A. Ju. Kul'turno-prosvetitel'skaja gosudarstvennaja politika v

Krasnojarskom krae v 1960-1980-e gg. [Cultural and educational state policy in the Krasnojarsk Territory in 1960-80s] // Simvol nauki [Symbol of science]. 2015. № 12-2. Pp. 178-179. [In Russ.].

25. Ljubimceva O. Ju. Kul'turno-provestitel'naja rabota v Khakasii, 1945-1965 gg. : avtoref. dis. ... kand. nauk : 07.00.02 [Cultural work in Khakassia, 1945-1965] : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02 / Khakas. state un-ty. Abakan, 1999. [In Russ.].

26. Marchishina T. V. Istorija professional'nogo muzykal'nogo obrazovanija na juge Dal'nego Vostoka Rossii : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija : 21.00.01 [The history of professional musical education in the south of the Far East of Russia : dissertation thesis ... candidate of art history: 21.00.01] : / Dal'nevost. gos. tehn. un-t. Vladivostok, 2004. [In Russ.].

27. Milashevskaja E. K., Prijanishnikov N. E., Savchenko M. R. Kluby [Clubs]. M., 1990. 247 p. [In Russ.].

28. Mikhajlova M. V. Gosudarstvennaja politika v oblasti kul'tury (na materialakh Vostochnoj Sibiri 1960-1980-kh gg.) : opyt i problemy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [State policy in the field of culture (on the materials of Eastern Siberia of the 1960-80s): experience and problems : dissertation thesis ... candidate of history sciences: 07.00.02]: / Irkutsk state un-ty. Irkutsk, 2005. 21 p.; Mikhajlova M. V. Reshenie kadrovogo voprosa dlja uchrezhdenij kul'tury Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine 1960-1970-e gody [The solution of personnel issues for the cultural institutions of Eastern Siberia in the second half of the 1960-70s] // Vestnik Irkutskogo gosudarstennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. 2011. № 2 (49). Pp. 284-289. [In Russ.].

29. Naryzhnaja S. M., Kostina O. A. Khronika Khabarovskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury (1968 – 2008 gg.) [Chronicle of the Khabarovsk State Institute of Arts and Culture (1968 - 2008)]// Istorija i kul'tura Priamur'ja [History and Culture of the Amur Region]. 2008. № 1(3). Pp. 29-40. [In Russ.].

30. Nikiforov S. I. Vivat, akademija! Istorija vuza 1960-2000 gg [Viva, Academy! The history of the academy 1960-2000]. Ulan-Ude, 2002. 163 p. [In Russ.].

31. Nikonova S. I. Vlast' i intelligencija: vzaimodejstvie i (ili) konfrontacija (1965-1985 gg.) [Power and intelligentsia: interaction and (or) confrontation (1965-1985)] // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2008. № 4-3. Pp. 179-186. [In Russ.].

32. Oorzhak S. Ju. Istorija stanovlenija detskogo muzykal'no obrazovanija v Tuve [The history of the formation of children's musical education in Tuva] // Vestnik Cheljabinskoy gos. akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2014. № 1(37). Pp. 147-151. [In Russ.].

33. Ojun M. A. Stanovlenie i razvitie detskoj muzykal'noj shkoly v Tuvinskoj avtonomnoj oblasti v 1947-1960 gody [The formation and

development of children's music school in the Tuva autonomous region in the years 1947-1960] // V mire nauchnykh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2013. № 11-3. Pp. 126-131. [In Russ.].

34. Panfilov M. A. Kul'turnaja politika v Rossijskoj Federacii, 1960-1990-e gody avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [Cultural policy in the Russian Federation, 1960-1990s : dissertation thesis ... candidate of history sciences: 07.00.02]: / Youth institute. M., 2000. [In Russ.].

35. Perova Ye. Ju., Cyrempilova I. S. Istoricheskij opyt podgotovki professional'nykh kadrov dlja sfery kul'tury i iskusstv v regional'nom vuze [Historical experience of training professional personnel for the sphere of culture and arts in a regional university] // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Irkutsk State University]. 2018. Vol. 35. Pp. 106-115. [In Russ.].

36. Podsatova I. V. Istoricheskij opyt partijno-gosudarstvennoj politiki v sfere kul'turnogo stroitel'stva v 1985-1991 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [The historical experience of the party-state policy in the field of cultural construction in 1985-1991: dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02]. Moscow state ped. in-te. M., 2004. [In Russ.].

37. Ponkov A. D. Ocherki istorii Ministerstva kul'tury SSSR [Essays on the history of the Ministry of Culture of the USSR]. M., 2016. 197 p. [In Russ.].

38. Pschenichnikova R. I. VSGAKI – 55: vzgljad v budushhee [ESSACA is 55: a look into the future] // Vestnik Vostochno-Sibirskoj gos. akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of East-Siberian State Academy of Culture and Arts]. 2015. № 1(8). Pp. 5-9. [In Russ.].

39. Raskatova Ye. M. Sovetskaja vlast' i khudozhestvennaja intelligencija v 1964-1985 gg. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.02 [Soviet power and artistic intelligentsia in 1964-1985 : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.02] / Moscow state ped. in-te. M., 2010. 50 s.; Raskatova Ye. M. Ministerstvo kul'tury RSFSR v sisteme sovetskoj vlasti: osobennosti realizacii prioritetnykh gosudarstvennykh programm v 1970-kh godakh [Ministry of Culture in the Soviet system: features of the implementation of priority state programs in the 1970s] // Vestnik Pomor. un-ta [Bulletin of the Pomor University]. 2010. Vyp. 2. Pp. 22-29. [In Russ.].

40. Rusanova L. P., Semenova N. F. Stanovlenie sistemy podgotovki rukovoditelej muzykal'nykh kollektivov [Formation of the training system for the leaders of musical collectives] // Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. 2013. № 3. Pp. 62-68. [In Russ.].

41. Skorinov S. N. Khabarovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury: proshloe, nastojashchee i budushee [Khabarovsk State Institute of Art and Culture: Past, Present and Future] // Istorija i kul'tura Priamur'ja [History and Culture of Priamur]. 2013. № 1(13). Pp. 8-15. [In Russ.].

42. Starodubtseva K. A., Buyanova A. S. Ministerstvo kul'tury RF v sisteme organov ispolnitel'noj vlasti: polnomochija, struktura, dejatel'nost' [The Ministry of Culture of the Russian Federation in the system of executive

authorities: powers, structure, activity] // Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet [Trans-Baikal State University]. 2014. Ed. 2. Pp. 99-106. [In Russ.].

43. Trojakova Ju. K. Sovetskaja istoriografija kul'tury i tvorcheskoj intelligencii nacional'nykh rajonov Juzhnoj Sibiri v 1965-1991 godah [Soviet historiography of culture and creative intelligentsia of national regions of Southern Siberia in 1965-1991] // Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Bulletin]. 2014. Ed. 4. Pp. 151 – 157. [In Russ.].

44. Fomin V. I. Kino i vlast'. Sovetskoe kino: 1965-1985 gg [Cinema and power. Soviet cinema: 1965-1985]. M., 1996. 370 p. [In Russ.].

45. Khaliulina V. P. Dejatel'nost' kul'turno-prosvetitel'nyh uchrezhdenij Zapadnoj Sibiri i rol' partijnogo vlijanija na ikh rabotu v 70-e gody : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 [The activities of cultural and educational institutions of Western Siberia and the role of party influence on their work in the 1970s : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.01]: / Kemerov state un-ty. Kemerovo, 1994. 22 p. [In Russ.].

46. Shorikov V. V. Gosudarstvennaja kul'turno-obrazovatel'naja politika v istoricheskikh sud'bah korennykh narodov Severa-Vostoka SSSR v 1950 – 1970-e gg.: na materialah Magadanskoj i Kamchatskoj oblastej : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 [State cultural and educational policy in the historical destinies of the indigenous peoples of the North-East of the USSR in the 1950-70s.: on the materials of the Magadan and Kamchatka regions : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 07.00.01] : / Tver state un-ty. Tver, 2006. 22 p. [In Russ.].

47. Sosedkina G. V., Efimova I. V. The formation of Krasnoyarsk state institute of the arts. M., 2016. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36686778> (05.03.2019). [In Eng.].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-1-9-43-56

УДК 30

Чебунин А.В.

Chebunin A.V.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

SOCIAL HUMANITIES AS A TOOL FOR THE TRANSFORMATION OF SOCIETY

Современная социально-гуманитарная наука восходит к идеям гуманизма и плюрализма, представляет собой элемент социально-политической системы и ее идеологического апологета. Воспроизводство данной системы происходит с помощью механизмов формирования модели личности потребителя, основным инструментом чего являются социально-гуманитарные науки. Провозгласив человека высшей ценностью, гуманизм обусловил первичность его биологического начала и вторичность социальных и духовных начал. Вследствие этого, освободив человека от социального и религиозно-духовного отчуждения, гуманизм и либерализм привели его к материально-биологическому отчуждению. Экономическая сфера стала доминирующей в обществе, материальная прибыль стала базовым критерием социальной эффективности. Социальные отношения лишились морально-нравственного основания и стали формироваться по рыночным принципам. Общество встало на путь техногенно-цифрового развития, где человеку уготована роль биоробота, обслуживающего технику и лишенного духовного начала.

Modern social humanities going back to the ideas of humanism and pluralism are an element of the social political system and its ideological apologist. Reproduction of this system takes place with the help of the mechanisms of forming a consumer personality model, the main tool of which are the social humanitarian sciences. By proclaiming a human the highest value, humanism determined the primacy of his/her biological essence and the secondary character of the social and spiritual essences. Thus, giving the freedom from social, religious spiritual alienation, humanism and liberalism have led a human to material biological alienation. The economic sphere has become dominant in a society, material profit being the basic criterion of social efficiency. Social relations have lost their moral ethical foundation and started forming according to the market principles. Society has embarked on the technogenic development path where human acts as a biorobot serving the technical equipment and deprived of spiritual beginning.

Ключевые слова: социально-гуманитарная наука, общество, мировоззрение, сущность человека, гуманизм, плюрализм, духовные ценности.

Keywords: social humanities, society, worldview, human essence, humanism, pluralism, spiritual values.

В современном мире наука стала ведущей производительной силой, определяющей технологическое и экономическое развитие общества, а научное мировоззрение стало критерием истинного мировоззрения, формирующим мировосприятие людей. Подобное господство науки в материальной и духовной жизни должно было бы привести к всестороннему прогрессу и процветанию, улучшению качества жизни общества и человека. Данное положение вытекает из собственного позиционирования науки как той сферы общественной жизни, которая вырабатывает знания о мире для преобразования этого мира в целях общества и человека. В конечном итоге, именно преобразование мира является основополагающей функцией науки, которой подчинены все ее цели и задачи. Научные знания, в отличие от философского поиска истины, всегда имели практическую направленность и выступали той самой силой, с помощью которой человек преображал мир, удовлетворяя свои многочисленные потребности, и, прежде всего, потребности материального благополучия. Создание благоприятной среды не ограничивается материально-вещным миром, общество и сам человек также стали объектом преобразования, стремясь приблизиться к вековой мечте человечества об обществе всеобщего равенства и всеобщей справедливости.

Соответственно, все науки можно условно разделить на две большие группы – естественные, направленные на преобразование мира, и социально-гуманитарные, направленные на преобразование человека и общества (прикладные науки, имеющие сугубо технологический характер, остаются за рамками мировоззренческого комплекса). Подчеркнем, что данное разделение является условным, поскольку человек и общество, являясь неотделимой частью мира, подчиняются законам этого мира. Взаимосвязь природных и социальных законов представляет собой единую онтологическую систему, которая на высшем уровне выражается в определенных мировоззренческих формах и видах, где главными структурообразующими элементами выступают представления и идеи о мире, о человеке и об их отношениях [1, с. 31-32].

Однако по мере усиления господства науки и научного мировоззрения окружающий мир и само общество демонстрируют явления и тенденции, заставляющие усомниться в правильности и истинности научного подхода. Как во внешнем мире, так и в обществе наблюдаются негативные и деструктивные моменты. Глобальные экологические проблемы, выражающиеся в истощении ресурсов и разрушении природной среды, социально-политические проблемы, выражающиеся в разрушении института семьи и увеличении социально-политических конфликтов, явно об-

нажают недостаточность современного научного подхода. Более того, сама научная парадигма изначально направлена на непрерывное накопление новых знаний и все ускоряющееся собственное развитие, вследствие чего через сто лет современная научная картина мира будет такой же устаревшей, какой для нас выступает античная парадигма, а через пятьсот лет наши научные представления станут глубокой архаикой. Иначе говоря, в отношении будущей науки современная наука не истинна и несет в себе заблуждения. Поэтому абсолютизировать научные знания, полностью полагаться на них для изменения мира и общества означает следовать заведомо ложному пути. Хотя на этом пути человечество накопит множество новых знаний, в большей степени через отрицательный опыт, возникает закономерный вопрос о цене подобного отрицательного опыта и самой возможности выживания человечества.

В этом контексте встает вопрос о критериях оценки функциональной значимости науки, ибо именно критерий показывает значимость или ценность какого-либо явления, и правильный выбор критерия позволяет правильно оценить это явление. И, наоборот, ложно выбранный критерий обуславливает ложную оценку явления. То, что наука несет не только благо, но и вред, как раз и определяется теми критериями, на которые она ориентируется и которые служат оценкой ее функциональности.

Наверное, никто не станет возражать, что базовым критерием научной функциональности в идеале является благо человека. Иначе говоря, наука должна обеспечить наиболее благоприятные условия существования человека как во внешнем плане, обеспечивая материальное благополучие, так и во внутреннем плане, обеспечивая физическое и духовное здоровье. То есть наука является инструментом, обслуживающим человека, и этот инструмент должен быть использован для человека, а не против него, как это зачастую происходит.

Однако, для того, чтобы понимать благо человека, необходимо понимать, что есть человек. В этом плане, гуманитарная наука, направленная как раз на изучение человека, к сожалению, не может дать однозначного и объективного ответа. Социально-гуманитарные науки стали выражением субъективного мнения, оформленного теоретическим обоснованием, порой настолько витиеватым, что очень трудно отделить научное от художественного. Подобная субъективность, основанная на релятивизме и плюрализме, обусловила превращение социально-гуманитарной науки в своего рода искусство смысловторческого словоблудия, не несущего никакого объективного знания и смысла, но предоставляющего обильную информацию рациональной рефлексии субъективного мироощущения.

В качестве примера приведем характерную цитату современного гуманитарного дискурса: «Человек в культуре целостен. Это целостность задается через постоянное отношение к себе как другому, через самостроительство. Он относится к себе не в духе оценки, хулы и хвалы, славы или ненависти. Всякая социальность и мораль затемняют чистоту бытия человека в культуре, бытия поступающей личности» [2, с. 17]. Если в

этом тексте поменять часть слов на противоположные, можно получить точно такой же формат смыслотворческого словоблудия: «Человек в культуре дуален. Эта дуальность задается через постоянное отношение к себе как другому, через самостроительство. Он относится к себе в духе оценки, хулы и хвалы, славы или ненависти. Всякая социальность и мораль просветляют чистоту бытия человека в культуре, бытия поступающей личности». Как видно, оба текста несут определенный смысл, но настолько далекий от объективного основания, что здесь больше искусства самовыражения, чем научного знания. Говорить о каком-либо объективном понимании человека здесь совершенно невозможно.

В этом контексте, гуманитарная наука не дает нам знания о человеке, она лишь предоставляет знание о разнообразных сторонах его деятельности, обосновывая в различной степени логичности приоритет той или иной деятельности. Объективное понимание человека заменяется мнением, выражающим личные интересы, которые как раз и проявляются в разнообразной деятельности людей. И от того, какая деятельность выгодна обществу, таковая концепция человека будет даваться и обосновывается. Именно поэтому необходимы столь изысканные выверты рационализированной мысли, дабы оправдать необходимый формат отношений субъекта и объекта в определенном историко-культурном контексте.

Как отмечает В.В. Ильин: «Задача обоснования интерпретации отношений, связей субъективного и объективного, как демонстрирует практика, тривиальной, праздной не является. Она возникает вновь и вновь в материале каждой конкретной культуры и требует соответствующего адаптированного к реалиям данной культуры решения» [3, с. 28]. С одной стороны, накапливаются наши знания о внешнем мире, выступающим основным объектом человеческой деятельности, с другой стороны, меняется сам субъект этой деятельности, который приобретает новые знания и качества. Однако основополагающим моментом в субъектно-объектном взаимодействии является все же субъект и его позиционирование в отношении объекта. Иначе говоря, от того как субъект воспринимает себя в отношении объекта, таким образом он выстраивает свои отношения с ним.

В этом плане, успехи естественных наук, определяющих воздействие на природную среду и формирование сотворенной среды (материальной среды обитания человека), выглядят настолько впечатляющими, что сказки наших предков меркнут перед реальностью. При всем том, успехи социально-гуманитарных наук, призванных формировать социальную среду, как основную среду обитания человека, выглядят настолько удручающими, что впору говорить об их абсолютной ложности, приведшей общество на грань выживания. Общество превратилось в монстра, пожирающего и природную среду, и самого человека. Другими словами, человек и общество демонстрируют больше деструктивных показателей своего развития, чем конструктивных. И здесь решающее значение приобретает выбор этих показателей, определяющиеся критериями развития.

Именно вопрос критерия представляет собой базовую проблематику социально-гуманитарного знания.

Выбор критерия социального развития в большей степени определяется мировоззренческой позицией, а не объективными основаниями социального бытия. Чем измерять социальный прогресс – произведенным материальным продуктом на человека и его уровнем потребления, общественными условиями самореализации человека или уровнем нравственности – решается теми, кто управляет социально-политическими процессами, но этот выбор обуславливается мировоззренческими ориентациями. В основе же мировоззренческих ориентаций лежат идеи о человеке и его месте в мире, исходя из чего и выстраиваются отношения с этим миром.

В этом аспекте, человек представляет собой не единое и целостное существо, а противоречивую и многоуровневую систему, где чувства могут противоречить разуму, а разум, в свою очередь, вступать в конфликт с верой. В этом сложном взаимодействии различных составляющих человеческого бытия складывается определенная приоритетная иерархия, выраженная в понимании сущности и природы человека. Вследствие выбора приоритета сущность и природа человека может определяться совершенно по-разному. К настоящему времени в истории социально-гуманитарного знания сложилось три базовых концепции сущности человека.

Во-первых, биологическая концепция, рассматривающая человека в качестве высокоорганизованного организма, обладающего разумом. Научное определение человека в качестве вида *Homo Sapiens* как раз отражает эту позицию, признающей человечество вершиной органического развития Земли.

Во-вторых, социальная концепция, рассматривающая человека в качестве элемента более сложной социальной системы и, соответственно, подчиненному этой системе.

И, в-третьих, духовная концепция, рассматривающая человека в качестве духовного существа, облеченного в материальную форму и подчиненного высшей трансцендентной системе.

Данные концепции отражают именно приоритет сущностного понимания человека. Представители биологической концепции не отрицают наличие социальной и духовной составляющих, представители социальной и духовной концепций также признают наличие других составляющих в природе человека, упор делается на различие соотношения составных сущностей: кто-то говорит о первичности духовного, кто-то – биологического или социального. Эти концепции получают различную трактовку в различных учениях, выделяющих био-социальную, био-духовную или био-социо-духовную сущности человека [4]. В любом случае, измерения человека настолько различаются, что говорить об общем понимании не приходится. Более того, гуманитариями подобный плюрализм зачастую признается естественным, отражающим свободу научной деятельности и свободу личности, выбирающей собственный образ жизни.

Но если бы естественники признали плюрализм в выборе меры длины или веса, то естественные науки просто не могли бы функционировать, исследователи дискутировали бы о мерах, вместо изучения и преобразования нашего материального мира. Однако в социально-гуманитарных науках подобные дискуссии считаются нормой.

Такое положение дел во многом объясняется личной заинтересованностью, оформленной в убеждения. Убеждения закрепляют образ жизни человека на чувственном уровне, поэтому рациональные доводы для них малоэффективны. В свою очередь, образ жизни человека определяется его приоритетом потребностей и соответствующими ценностными ориентирами [1]. И именно различный субъективный приоритет потребностей обуславливает различное понимание блага для человека. Для одних – это материальное благополучие, возможность чувственных наслаждений. Для других – это счастье их близких, возможность чувствовать их любовь и радость. Для третьих – это духовный рост, возможность приближения к Богу. Соответственно, у каждого будет собственная система ценностей, а также свое оправдание и обоснование ее в виде концептуального понимания сущности человека.

В результате, социально-гуманитарная наука становится не инструментом поиска истинного знания для наилучшего преобразования человека и общества, а инструментом идеологической защиты определенной системы ценностей. Социально-политическая элита начинает использовать такую науку для формирования в обществе соответствующих ценностных установок, создавая тот тип личности человека, который согласуется с ними. Поэтому гуманитарная наука должна рассматриваться в контексте существующей социально-политической системы, и как органический элемент этой системы гуманитарная наука выполняет социально-политический заказ по формированию типа личности, воспроизводящего данную систему.

Таким образом, главная задача гуманитарной науки по формированию личности определяется не объективными знаниями, а интересами социальной системы, стремящейся к самовоспроизводству. Исходя из этой задачи, она выбирает те теоретические основания, которые наиболее плодотворно работают на это.

В настоящее время в нашем обществе уже сложилась капиталистическая социально-политическая система, где главным функциональным элементом выступает потребитель товаров и услуг. Основные же качества личности потребителя восходят к неограниченному материально-чувственному потреблению. Для того чтобы сформировать такое отношение к миру необходимо человека поставить в центре мира, чтобы мир вращался вокруг него, удовлетворяя его разнообразные потребности, где человек выступает системообразующим элементом. Одновременно необходимо ликвидировать те основания, которые препятствуют неограниченному потреблению, коими выступают чувственная сдержанность и самоограничение. В этом плане, человек должен быть выведен из сдерживаю-

щих его высших социальных и духовных систем, где человек соотносит свои потребности и цели с внешними нормами. В первом случае это будут социальные нормы, а во втором случае это будут духовные нормы, определяющие чувственное самоограничение.

Данный процесс проходил достаточно длительное время, и в своей основе опирался на идеи гуманизма и антропоцентризма. Данные идеи имплицитно присутствовали всегда, выраженные в известной формуле Протагора о человеке как мере всех вещей, однако социальный консерватизм и религия выступали мощным сдерживающим фактором их явного проявления. Триумф христианства и абсолютизация религиозной жизни привели общество к феномену глобального религиозного отчуждения, что вызвало открытый протест и поиски нового мировоззрения. В результате, на смену религиозного мировоззрения стало приходить научное мировоззрение.

Наука, как продукт Нового времени, представляет собой рациональную форму освоения мира, опирающуюся на эмпирический опыт, где главным критерием достоверности был объявлен эксперимент. Вследствие развития новой научной методологии познания мира произошло увеличение знания, превращения науки в ведущую производительную силу, что в свою очередь повлекло увеличение материального продукта. Одновременно, протестантская мораль, увязавшая материальное благополучие с Божественной благосклонностью, наряду с сохранившимся аскетизмом, позволила встать на путь накопления капитала и развития капиталистических отношений [5].

Взаимодействие научного и религиозного мировоззрения протекало весьма сложно, примером чему служит судьба Джордано Бруно и Галилея. Как религиозное мировоззрение в эпоху своего становления проходило через деятельность мучеников веры, так и научное мировоззрение завоевывало себе место в обществе через физические и идеологические испытания ученых. Если институтами формирования и воспроизводства религиозного мировоззрения были монастыри, то институтами формирования и воспроизводства научного мировоззрения стали университеты, где свободомыслие постепенно стало необходимым фактором научной деятельности. Вследствие этого, идеи антропоцентризма и гуманизма вышли из-под религиозного надзора и стали равными среди прочих идей.

Идеология гуманизма, провозгласившего человека высшей ценностью, в эпоху противостояния религиозному отчуждению играла конструктивную роль противовеса однобокого рассмотрения человека через его духовную сущность. Но по мере развития капиталистических отношений и увеличения материального продукта в обществе возник заказ на потребителя, в результате чего гуманизм стал доминирующей идеологией в западных странах. С середины XX в. можно наблюдать его полное господство в идеологической сфере в виде философии экзистенциализма и в социально-политических теориях в виде идей либерализма.

В результате диалектика исторического развития перешла от одной крайности в другую. Как господство религиозного мировоззрения привело к религиозно-духовному отчуждению, так и господство научно-гуманистического мировоззрения привело к научно-материальному отчуждению человека. Выдвижение на первый план человека автоматически отодвинуло общество и Бога на второй план, в аспекте отношений с внешним миром этот переход оформился в представлении соподчинения: не человек для общества и Бога, а общество и Бог для человека. Реальность внешнего мира для такого человека проявлена только в материальной форме. Все духовное превратилось в свойство человеческого сознания имманентное ему и обслуживающее человеческое существование, в котором на первое место вышли материальные потребности. Сам же человек превратился в материальный объект удовлетворения потребностей другого, ибо в материальном мире человек сам становится материальной вещью. Закономерным следствием гуманизма является атеизм. Это положение прекрасно выразил К. Сартр в своем характерном произведении «Экзистенциализм – это гуманизм»: «Нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует ... он есть лишь то, что сам из себя делает» [6, с. 323]. По этому поводу А.В. Васенкин отмечает: «Гуманизм в данном случае – это устранение трансцендентного из человеческой жизни, и концентрация исключительно на мире человеческой субъективности» [7, с. 25].

Хотя представители гуманизма ратуют за духовное, отождествляют духовное и человеческое, законы психологической динамики неизменны – поставив в иерархии ценностей существование или жизнь человека на первый план, они отодвинули духовность на второй, поскольку жизнь человека без онтологического статуса духовного всегда реальна только в физиологии. Другими словами, вопрос стоит в плоскости онтологического статуса реальности: отвергнув божественное, человек отказывается духовному в онтологическом статусе, которое превращается в свойство материального, сохранившему свой онтологический статус. И человек становится простым организмом, обладающим определенными духовными качествами, иерархия которых может широко варьироваться.

Таким образом, в вопросе человек для любви или любовь для человека, последовательный гуманист выберет второе. Именно здесь проходит та грань онтологической первичности реальности, которая определяет иерархию сущностей человека. Либо жизнь человека обслуживает любовь, сохраняющуюся в душе после смерти, либо любовь обслуживает жизнь человека, и в случае угрозы смерти можно отказаться от любви. Или в другом случае, когда на первый план выходят другие жизненные приоритеты. Если же гуманист выберет первое, то он является таким же гуманистом как Лао-цзы материалистом.

Если же человек отождествляется с духовным, то он объявляется Богом, стоящим над любой системой, а это является грубейшей методологической ошибкой. Человек не может существовать вне системы реаль-

ности и, отказавшись от подчинения социальной или духовно-трансцендентной системе, он неизбежно скатывается к природной материальной системе.

В результате логика гуманизма завела человечество в тупик субъективизма и материально-физиологического отчуждения: вырвав человека из социальной и духовно-трансцендентной системы, она, с одной стороны, атомизировала общество, с другой – превратила его в материальный объект. Вследствие этого происходит возврат человека к физиологическому, природному существованию из которого уходят все внутренние регуляторы нравственного поведения. В ответ на это общество вынуждено все более ужесточать внешние регуляторы, вводить многочисленные механизмы бюрократического контроля, приводящие человека к новому отчуждению, которое он вынужден терпеть ради материального благополучия, фактически превратившись в биоробота и рабочий скот. Иначе говоря, заявленная цель освобождения человечества привела его к новому рабству и инструментом этого закабаления стала идеология гуманизма, выступающая практическим инструментом расчеловечения, поскольку без высшего онтологического основания духовных ценностей человек теряет свою истинную духовную сущность. Данное положение прекрасно выразил В.С. Соловьев: «Человек, который хочет быть вполне достойным этого звания, не может оставаться только человеком: в нем должна жить и разгораться искра высшей божественной природы, поднимающая его над средою людской повседневности; человек, который довольствуется своею человеческою ограниченностью и не стремится выше, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности» [8, с. 384]. То есть, освобождаясь от социального и духовного отчуждения, человек попадает в сети материально-природного отчуждения, поскольку абсолютной «свободы от» не может быть по определению.

Однако вся современная академическая социально-гуманитарная наука строится на принципах гуманизма и плюрализма, предлагающие весьма привлекательные концепции релятивизма и свободной личности. Апогеем гуманизма стал примат личных интересов над общественными, выраженный в либеральной формуле прав человека, обуславливающих неограниченное право потребления. Идеи же о непосредственной связи господствующей идеологии гуманизма и либерализма с кризисными явлениями в обществе остаются на периферии академической науки.

Как уже отмечалось, являясь элементом социально-политической системы, гуманитарная наука вынуждена работать на эту систему, формируя и воспроизводя потребительский тип личности. Более того, либерально-гуманистическое мировоззрение глубоко укоренилось в образовательной среде, где консервативные и духовно-трансцендентные концепции воспринимаются в штыки. Тем самым социально-гуманитарные науки разрушают те основания, которые позволили человеку выйти из природной среды и создать человеческое общество. Именно социальное отчуждение позволило человеку ограничить свои первобытные инстинкты,

выработать социальные качества для кооперации и взаимодействия. Именно духовно-религиозное отчуждение позволило человеку ограничить свои эмоционально-чувственные страсти, сформировать основания нравственного поведения в рамках религиозных норм. Поэтому отвергать первичность социальной и духовной системы для человека, провозглашать человека более высокой ценностью, чем общество, является ни чем иным как прямым механизмом разрушения последнего.

Поскольку человек был объявлен высшей ценностью, подкрепленной научным авторитетом гуманитарной науки, основным способом его существования стало потребление различных благ, а не служение обществу и Богу. Соответственно, естественным критерием развития общества стал произведенный материальный продукт и уровень потребления. Вся наука начала ориентироваться на получение экономической прибыли, а общество стало обслуживающим экономику инструментом. Экономика подчинила себе все прочие сферы общества в рамках техногенной модели общества, обуславливая материальное и техногенное отчуждение человека и, вследствие этого, всесторонний кризис. Причиной же подобного положения стало искаженное понимание сущности и природы человека.

Главная проблема понимания человека заключается в соотнесении биологического и духовного, спроецированная в онтологической и гносеологической плоскости в форму основного вопроса философии, где приоритет одного над другим определяется онтологическим статусом сущности человека. Отрицая объективное существование духовно-трансцендентного, человек автоматически подчиняет духовное биологическому, ибо духовное становится свойством материального. Признавая объективное существование духовно-трансцендентного, человек начинает стремиться подчинить биологическое духовному, ибо чтобы сохранить свое существование и бытие его духовная сущность должна соответствовать высшим духовно-трансцендентным законам. В этом раскрывается вопрос спасения души. Но пока человек живет в этом мире, обладая двумя сущностями, проблема приоритета духовного или биологического будет довлеть над ним постоянно. Соотношение этих двух начал проявляется в социальной природе человека, для которого социальные отношения служат для удовлетворения материальных или духовных потребностей. Поэтому качество социальных отношений напрямую зависят от приоритета определяющей сущности человека.

В этом контексте абсолютизация как духовного, так и биологического представляет собой отсутствие диалектического мышления. Духовное в человеке не может существовать вне биологической основы, биологическое вне духовного контроля превращает человека в чистое животное. Поэтому как инструмент против абсолютизации духовного, как противовес религиозно-духовному отчуждению, гуманизм имеет вполне конструктивное значение. Но когда происходит его абсолютизация, начинается его деструктивная роль уничтожения духовного в человеке. Данная

проблема религиозными мыслителями понималась изначально [9], но научные мыслители только начинают подходить к этой проблеме. Возвращение к духовному становится реальной задачей, стоящей перед современной наукой. Питер Рассел, представитель естественной науки, указывает: «Слияние науки и духовности жизненно необходимо. В кризисную эпоху мы как никогда нуждаемся в мировоззрении, которое позволит придать научным исследованиям духовное измерение» [10, с. 160]. То, что раньше считалось религиозным заблуждением, все чаще становится объектом научных исследований [11]. Работы Р. Моуди и М. Ньютона распространяются уже не только в среде заинтересованных читателей, но и в среде научных работников. Наблюдаются, хотя еще небольшие, тенденции сближения религиозных и научных идей.

Таким образом, современный всесторонний кризис подвел человечество к новому этапу своего развития. Как когда-то религиозное мировоззрение сменилось на научное, так и нынешнее научное мировоззрение должно смениться на новое, философское мировоззрение, объединившим в себе научную рациональность и духовный интуитивизм. Конечно, не все люди смогут перейти на новый уровень мировоззрения, как и сейчас в обществе достаточно много людей с доминирующим мифологическим и религиозным мировоззрением. Вопрос стоит о социальной элите, направляющей общественное развитие. В Новое время в западных странах элитой стали представители научного мировоззрения, получившие образование в университетах, что позволило европейской цивилизации достичь выдающихся результатов и стать доминирующей в мире. В настоящее время, на качественный прогресс могут рассчитывать только те общества, которые смогут создать институты формирования и воспроизводства настоящего философского мировоззрения, а не того суррогата, который преподается в наших вузах.

В этом плане у человечества есть альтернатива техногенной модели и превращения человека в биоробота, подчиненного технике. Это духовный путь развития при измененных критериях общественного прогресса, коими должны стать уровень нравственности и духовного развития каждого члена общества. Не ВВП, а качественный духовный продукт, направленный на высшие духовные ценности, а не на низшие чувства, должен стать главным показателем социального развития. Однако для этого нынешняя экономическая элита должна быть заменена духовной элитой, для которой доминантой выступают высшие духовные ценности.

Как показывает история человеческой цивилизации, подобная замена никогда не проходит мирным путем. Вопрос стоит лишь в степени насилия и количестве жертв с обеих сторон. Опыт распространения мировых религий, а также политика Просвещения показывает, что власть может взять этот процесс под контроль, содействуя новым прогрессивным тенденциям. Для этого нужно лишь признать соответствующие идеологические ориентиры и большая часть образовательного сословия начнет работать на новую систему. Но определенная зачистка старых эле-

ментов, получающих дивиденды от уходящей системы, будет необходима, в противном случае система будет нежизнеспособна. Если же власть останется апологетом существующей экономической системы, тогда потребуются защищать систему от новых идей, которые все больше будут распространяться в обществе и, дойдя до определенной критической массы, вызовут его идеологический раскол, который приведет уже к глобальным жертвам с обеих сторон.

Развитие человеческой цивилизации подчинено объективным законам, как бы этого не отрицали сторонники релятивизма и субъективизма. Развитие и смена мировоззрения представляют собой объективный процесс развития человечества, уже прошедшего становление мифологического, религиозного и научного мировоззрения. Каждому мировоззрению соответствовали свои социальные условия, застой и регресс в идеологии означает деградацию и в конечном итоге гибель общества. Научное мировоззрение и его форма в виде либеральной идеологии, восходящей к идеям гуманизма и плюрализма, вступает в полосу кризиса вслед за всеохватывающим социально-политическим и экономическим кризисом общества. Однако старое никогда не уходит без сопротивления. По мере углубления кризиса либеральная идеология будет все более подавлять оппозиционные идеи вплоть до репрессий, как бы это не противоречило изначальному духу свободы. Логика здесь простая: раз либерализм выступает за свободу, нужно запретить все то, что ограничивает эту свободу. Поэтому идеи, ратующие за ограничение биологической сущности человека необходимо запретить. Вследствие этого возможны запреты консервативных и религиозных идей, как нарушающих права свободомыслящих, а также репрессии против инакомыслящих.

Все это вполне вписывается в русло развития общества. Коль скоро философское мировоззрение должно сменить научное, необходимы социальные условия его созревания и формирования, а для этого необходимо общественный вектор сменить с материального благополучия на духовное благополучие. Если общество под руководством власти не захочет добровольно встать на путь реформ перехода к духовно-ориентированной системе, начнут действовать объективные принудительные механизмы в виде отрыва от материального. Данный отрыв возможен лишь в условиях разрушения сложившейся инфраструктуры, причиной чего может стать все что угодно – от социально-политических конфликтов до природных катастроф. При этом само общество будет продуцировать те действия, которые будут провоцировать дальнейшее усиление кризиса.

Таким образом, социально-гуманитарные науки, являясь каркасом научно-материалистического мировоззрения, опираясь на идеи гуманизма и плюрализма, несут функцию защиты капиталистической системы, формируя и воспроизводя модель личности потребителя. Потребитель относится к социальным отношениям с точки зрения удовлетворения своих потребностей материального благополучия и отвергает высшие духовные основания бытия. Вследствие этого социальные отношения теряют

морально-нравственную опору и деградируют до утилитарно-рыночных отношений в контексте техногенного уклада, где главным критерием эффективности становится выгода, а человек превращается в биоробота, обслуживающего технику. Подобная модель вступает в противоречие с духовной сущностью человека, поэтому она способствует уничтожению его духовного начала, в противном случае эта модель не жизнеспособна и неминуемо придет к саморазрушению.

Примечания

1. Чебунин А. В. Мировоззренческие основы материальных, социальных и духовных ценностей // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. Философия. Т. 1. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2018. С. 30-41.

2. Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии. Человек в пространстве культуры. Новосибирск, 1996. 184 с.

3. Ильин В. В. Философия : учебник. В 2 т. Т. 1. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 832 с.

4. Туман-Никифоров А. А., Туман-Никифорова И. О. Постижение природы и сущности человека: от философской антропологии до гумано-логии. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. 226 с.

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. : Ист-Вью, 2002. 352 с.

6. Сумерки богов / Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. М. : Политиздат, 1990. 403 с.

7. Васенкин А. В. Экзистенциализм – это последовательный атеизм // Культура. Наука. Образование. 2018. № 1 (46). С. 17-43.

8. Соловьев В. С. Собрание сочинений. Т. 7. 2-е изд. СПб. : Просвещение, 1914.

9. Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М. : Изд. Совет Рус. Православной Церкви, 2004. 288 с.

10. Рассел П. От науки к Богу : пер. с англ. М. : София, 2005. 176 с.

11. Борегар М., О'Лири Д. Научные битвы за душу. Новейшие знания о мозге и вера в Бога / пер. с англ. У. В. Сапциной. М. : Эксмо, 2017. 544 с.

References

1. Chebunin A. V. Mirovozzrencheskie osnovy material'nyh, social'nyh i duhovnyh cennostej [The ideological foundations of material, social and spiritual values] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Buryat State University]. 2018. № 3. Filosofija [Philosophy]. Ulan-Ude, 2018. P.30-41. [In Russ.].

2. Smirnov S. A. Opyty po filosofskoj antropologii. Chelovek v prostranstve kul'tury [Experiments in Philosophic Anthropology. Man in the space of culture]. Novosibirsk, 1996. 184 p. [In Russ.].

3. Il'in V. V. Filosofija : uchebnik [Philosophy: textbook]. In 2 v. V. 1] / Rostov n/D., 2006. 832 p. [In Russ.].
4. Tuman-Nikiforov A. A., Tuman-Nikiforova I. O. Postizhenie prirody i sushchnosti cheloveka: ot filosofskoj antropologii do gumanologii [Comprehension of the human nature and essence: from philosophic anthropology to humanology]. Krasnoyarsk, 2013. 226 p. [In Russ.].
5. Veber M. Protestantskaja etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. M., 2002. 352 p. [In Russ.].
6. Sumerki bogov [Twilight of the Gods]/ Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre Zh. P. M., 1990. 403 p. [In Russ.].
7. Vasenkin A. V. Ekzistencializm – eto posledovatel'nyj ateizm [Existentialism is Consistent Atheism] // Kul'tura. Nauka. Obrazovanie [Culture. Science. Education]. 2018. № 1 (46). P.17-43. [In Russ.].
8. Solovyev V. S. Sobranie sochinenij [Collected works]. V. 7. 2nd ed. : S-P., 1914. [In Russ.].
9. Prepodobnyj Iustin (Popovich). Filosofskie propasti [The Reverend Justin (Popovich). Philosophic Abysses]. M., 2004. 288 p. [In Russ.].
10. Russell P. Ot nauki k Bogu [From science to God] / transl. from English. M., 2005. 176 p. [In Russ.].
11. Boregar M., O'Liri D. Nauchnye bitvy za dushu. Noveishie znanija o mozge i vera v Boga [Scientific battles for the soul. The latest knowledge about the brain and faith in God / transl. from English by U.V. Sapsina]. M., 2017. 544 p. [In Russ.].

Жамбалова С.Г.

Zhambalova S.G.

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ БУРЯТИИ И ЯКУТИИ
В XXI в.¹**

**PROBLEMS OF PRESERVING THE INTANGIBLE CULTURAL
HERITAGE OF THE PEOPLES OF BURYATIA AND YAKUTIA IN
THE XXIst CENTURY**

В статье исследованы современные проблемы сохранения нематериального культурного наследия в РФ, не ратифицировавшей по определенным причинам Конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия. Здесь также исследуется история включения культурного пространства и устного творчества старообрядцев-семейских и якутского героического эпоса «Олонхо» в список ЮНЕСКО. Представлены материалы поисков регионами РФ, в том числе Республики Бурятия, путей сохранения нематериального культурного наследия.

The article examines the current problems of preserving intangible cultural heritage of the Russian Federation, which, for some reason, has not ratified by the UN Convention for Safeguarding Intangible Cultural Heritage. It also explores the history of inclusion of cultural space and oral creativity of the Old Believers (Semeiskie) and of the Yakut heroic epos “Olonkho” into the UNESCO World Heritage list. The article presents the materials on how the regions of the Russian Federation, including the Republic of Buryatia, have searched the ways to preserve intangible cultural heritage.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, проблемы сохранения, ЮНЕСКО, российский путь, старообрядцы Забайкалья (семейские), якуты, буряты.

Keywords: intangible cultural heritage, safeguarding problems, UNESCO, the Russian way, the Old Believers of Transbaikalia (Semeiskie), the Yakuts, the Buryats.

Статья исследует проблемы сохранения нематериального культурного наследия у коренных народов Республики Бурятия и Республики Саха (Якутия) РФ. Здесь рассматриваются история включения шедевров нематериального культурного наследия семейских и якутов в список

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”))

ЮНЕСКО, а также поиски других путей сохранения российского нематериального культурного наследия, в том числе бурятского.

Актуализируют статью процессы по сохранению нематериального культурного наследия человечества путем включения в Список нематериального культурного наследия человечества (*Intangible Cultural Heritage List*) ЮНЕСКО в соответствии с программой ЮНЕСКО «Шедевры устного и нематериального культурного наследия». Актуально также рассмотрение другой, обратной стороны вопроса. Конвенция ООН об охране нематериального культурного наследия 2003 г. вступила в силу в 2006 г., по данным 2014 г. к ней присоединилось 161 государство. РФ не ратифицировала договор – предложенные ею существенные поправки не были приняты – и ищет собственный путь сохранения культурных элементов страны [11].

Краткая история вопроса. В 1999 г. ЮНЕСКО ввела в научный оборот новую дефиницию – «нематериальное культурное наследие» и создала проект «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия» для выявления образцов, имеющих исключительную ценность, а также наследия, над которым нависла угроза исчезновения. С 1973 г. ЮНЕСКО начинает создавать нормативную базу для охраны этого блока культуры [18]. В этот период одним из партнеров в реализации проекта ЮНЕСКО «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества» от российской стороны стал Государственный Российский Дом народного творчества (ГРДНТ). В 2003 г. создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия для активизации работы по выявлению и защите объектов нематериального культурного наследия, находящихся под угрозой исчезновения. В результате сотрудничества того периода, фактически первого этапа, два российских объекта включены в список ЮНЕСКО [18]. В более позднее время список ЮНЕСКО не пополнялся российскими шедеврами, вероятно, по вышеуказанным причинам.

После непринятия данной Конвенции РФ для сохранения культурных элементов создает концепцию программы «Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ на 2009-2013 годы» из 13 разделов и двух приложений. Проект обсуждался на VI заседании Координационного совета по культуре при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ, проходившем в Улан-Удэ 7-10 июня 2007 г. Рассматривался вопрос «О практике сохранения и перспективах развития традиционной народной культуры в Российской Федерации», состоялся круглый стол «О проекте концепции и программы “Сохранение нематериального культурного наследия народов Российской Федерации”». Исследователи считают, что заседание не достигло ожидаемого результата: не были приглашены представители рабочей группы по разработке концепции и программы; принципиальные вопросы о роли нематериального культурного наследия как необходимого условия гармоничного развития России были затенены определением политической и экономической выгоды от

реализации программы [8, с. 68]. Впоследствии Программа не получила серьезного развития и результатов. Специалисты выявили причину: многообразие мнений по ее содержательным, понятийным, структурным, экономическим параметрам; «переключение» на учреждения, не имеющие отношения к традиционной культуре, к культуре в целом; формальная сторона подготовки программы не увязана с интересами собственно предмета программы – нематериального культурного наследия, а больше с экономикой, политикой, ведомственными амбициями [8, с. 69]. Возможно, такой перекоп связан с тем объективным обстоятельством, что культурное наследие, включая материальные и нематериальные шедевры, в целом весь историко-культурный ландшафт региона, становится важным элементом мировой туристической индустрии и важным экономическим фактором [3].

В марте 2018 г. глава Комитета ГД РФ по культуре Е.Г. Драпеко на заседании Комитета по делам национальностей ГД РФ о проблемах сохранения нематериального культурного наследия объяснила причину, по которой не была ратифицирована Конвенция ООН. Отметив, что сохранение нематериального культурного наследия сохраняет образ жизни народов, а потому действительно важно для народов, не обладающих письменностью и не могущих зафиксировать свои обычаи, она сказала: «Но часто это просто является демонстрацией для туристов различных практик и обрядов и тормозит развитие этих малых народов. Также могут возникнуть проблемы традиций определенных близких народов или даже сохраняются те традиции, которые в обществе вызывают большие споры. Эти опасности заставляют наши федеральные органы очень осторожно относиться к ратификации такой конвенции» [2].

Нематериальное культурное наследие России в списках ЮНЕСКО. Культурное наследие называют «эстафетной палочкой», передающей генетический код, язык, веру, обеспечивающей саму жизнь и жизнестойкость народов, способность к самоидентификации каждого нового поколения. В эпоху глобализации самым хрупким звеном в нем оказываются нематериальные культурные ценности – обычаи, знания, навыки, обряды, празднования [11]. Д.С. Лихачев в понятие культурных ценностей/культурного наследия включает живую культуру (обычаи, обряды, навыки) как отдельных народов и малых этносов, так и государств [12, с. 635]. Этот подход близок официальной формулировке нематериального культурного наследия, как «неосвязаемого» явления, передающегося от поколения к поколению, постоянно воссоздающееся сообществами и группами людей, формирующее у них чувство самобытности, преемственности, уважения к творчеству отдельного человека для сохранения культурного разнообразия мира. По определению ЮНЕСКО в блок нематериального культурного наследия входят следующие явления и формы, состоящие из отдельных элементов: устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, от-

носящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [9].

В Представительном списке нематериального культурного наследия в ЮНЕСКО два российских объекта, оба они из Дальневосточного федерального округа. Первый объект «Культурное пространство и устное творчество семейских (2001, 2008) – староверы Забайкалья» имеет прямое отношение к Бурятии: эта этнографическая группа русских с XVIII в. проживает в соседстве с бурятами и русскими старожилами (сибиряками), благодаря конфессиональной изолированности сохраняя самобытность. Второй объект «Якутский героический эпос «Олонхо» (2005, 2008) является центральным текстом исторической памяти народа саха, транслирующим широкое информационное этническое пространство [14, с. 10-11].

История подготовки документов проекта «Культурное пространство и устное творчество семейских-староверов Забайкалья» (2001, 2008) не нашла особого отражения в научной литературе и публицистике. Возможно, есть статьи по теме, но найти их не удалось. Имеются два простых упоминания. В энциклопедическом словаре о семейских написано, что «Объявление культуры забайкальских старообрядцев шедевром устного и нематериального наследия ЮНЕСКО» является одним из мероприятий, способствующих возрождению, сохранению и развитию культуры старообрядцев [16, с. 209-210].

Более информативна публикация П.Ф. Калашникова. Развернутое описание традиционной культуры семейских, включающее различные аудио-, визуальные материалы и документы для штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже, подготовили д.и.н., проф., гнс Института археологии и этнографии СО РАН Ф.Ф. Болонев (1935-2018) и руководитель Тарбагатайского Центра культуры семейских Г.Е. Чебунина [7]. В некрологе Ф.Ф. Болоневы нет упоминания о подготовке им научных обоснований для конкурса в ЮНЕСКО [15]. Видеоряд о бытовой, обрядовой и певческой культуре старообрядцев был подготовлен режиссером Бурятского телевидения Т. Хамагановой. В документах подчеркивалась уникальность самобытного этнокультурного явления «Традиционная народная культура семейских Забайкалья», ее ценность как исторического и культурного феномена РФ в сохранении духовного опыта, утраченного у других групп русского народа. Особо отмечался реликтовый характер народно-певческих традиций, берущих истоки в средневековье, в древнерусской музыкальной культуре; мастерство и своеобразная техника многоголосного пения, вобравшая в себя множество специальных приемов; имеется риск полной утраты древней культуры семейских из-за активной глобализации [7].

Очевидно, инициатором выдвижения культуры семейских в список ЮНЕСКО является Г.Е. Чебунина. Это подтверждают материалы, выложенные 6 декабря 2018 г. на сайте Республиканского центра народного творчества Министерства культуры РБ (РЦНТ). Г.Е. Чебунина – общест-

венный деятель, собиратель и популяризатор нематериальной культуры старообрядцев Забайкалья, создатель Тарбагатайского семейского народного ансамбля «Судьбинушка» (1990) и Центра культуры семейских. Поездки с ансамблем по стране и миру для участия в фестивалях и конкурсах народного творчества способствовали установлению связей с общественными и религиозными организациями, зарубежными университетами, занимающимися сохранением, изучением и распространением устного творчества народов мира. В 2000 г. на выездной комиссии ЮНЕСКО в г. Великий Новгород Г.Е. Чебунина выступила с докладом о культуре семейских и передала членам комиссии собранные в течение 25 лет материалы для включения культуры семейских в список ЮНЕСКО. В 2001 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в г. Париже объявили о включении культуры семейских Забайкалья в список шедевров устного нематериального наследия человечества. В октябре 2001 г. в Министерстве иностранных дел РФ состоялось вручение Дипломов ЮНЕСКО «Шедевр устного нематериального наследия человечества». Диплом получали Г.Е. Чебунина и заведующий отделом культуры Тарбагатайского района РБ И.С. Чебунин [17].

Олонхо – это и жанровое понятие, и отдельные произведения этого жанра, крупные стихотворные сказания, состоящие из 5-10 или 15-25 тыс. стихов в зависимости от объема эпоса. Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», воссозданный П.А. Ойунским, содержит 36 тыс. поэтических строк, есть более объемные произведения до 50 тыс. строк. Исполнение олонхо продолжалось 7-8 часов с вечера до глубокой ночи иногда в течение месяца. Он отражает форму общественного сознания народа, его мировоззрение, историческую память и богатство духовной культуры. Он имел и познавательную, и развлекательную функции. В нем зачатки музыки, пения, поэзии, театрального и изобразительного искусств. Герои олонхо ведут борьбу за утверждение жизни на Земле, здесь взаимоотношения родов, племен, семьи, борьба со злом. Сказителя-исполнителя олонхо называют олонхосутами. В 1999 г. по инициативе ученых-фольклористов создали Республиканскую ассоциацию «Олонхо», которая проводит работу по сохранению и популяризации жанра в постсоветское время. День провозглашения олонхо шедевром устного и нематериального наследия человечества 25 ноября становится Днем Олонхо [22, с. 383-384, 386, 395].

Было несколько этапов подготовки документа. В 2000 г. международная научная конференция «Олонхо в контексте эпического наследия народов мира», организованная Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я) (ИГИ АН РС(Я), ныне ИГИПМНС СО РАН, рекомендовала выдвинуть шедевр в список ЮНЕСКО. Работа шла с 2000 по 2005 гг. Проект олонхо был выдвинут на конкурс ЮНЕСКО при поддержке в МИД РФ, Всероссийской комиссии по делам ЮНЕСКО в РФ и др. В 2004 г. была оформлена Заявка-Досье на русском (900 с.) и английском (700 с.) языках, и выдвинута в соответствии с требованиями РОО «Ассоциация

Олонхо» и зарегистрирована в Штаб-квартире ЮНЕСКО. Научное оформление было подготовлено учеными ИГИ АН РС (Я) [6, с. 149].

А.Е. Захарова пишет, что работа по приданию статуса шедевра олонхо явилась достижением Республики Саха (Якутия) последнего десятилетия. Событие состоялось благодаря народу, сумевшему сохранить в трудных условиях своеобразие, обеспечивающее этническую идентичность [5, с. 70, 72]. Сохранению эпоса на длинном отрезке времени наряду со сказителями олонхосутами в немалой степени способствовали ученые, с XIX в. до настоящего времени они записывали образцы фольклора, публиковали их, проводили научные исследования [21, с. 30-108]. Провозглашение олонхо шедевром было воспринято якутским народом как событие большого исторического и культурного значения, как интеллектуальный и творческий прорыв в мировое культурное пространство [6, с. 147].

Якутские ученые в 2013 г. опубликовали исследование о современных этнокультурных представлениях об олонхо [14]. Они отмечают, что после долгих лет забвения олонхо, бывший «культурным реликтом», реабилитирован и осознан в качестве уникального культурного достояния Якутии. Важной составляющей культурной жизни современной Якутии является активное фольклорное движение, инициируемое «сверху» (фестивали, выставки, массовые обрядовые действия, серийные научные и популярные издания о фольклорных исполнителях, аудио- и видеозаписи и т.д.). Исследователи выявили функционирование двух культур в обществе: современной этно-национальной и традиционной этнической как выражение трансляции культурной памяти народа. Важно, что конструирование современного языка этнических символов в республике принадлежит, в первую очередь, творческой и научной интеллигенции. Активизируется символическое прочтение инновационных культурных текстов на тему олонхо: театр Олонхо, Ысыах Олонхо, ритуальный комплекс Олонхо, современная геральдика локальных ландшафтов с мифологической символикой. Это свидетельство репродуктивности этно-национальной культуры. В современной Якутии олонхо – признанный мировым сообществом символ традиционной культуры народа саха, с другой символ и средство для ее сохранения и развития в эпоху глобализации [15, с. 9-10, 222].

Проблемы сохранения нематериального культурного наследия в РФ. В создавшихся условиях РФ ищет собственный путь сохранения нематериального культурного наследия народов страны. В июне 2016 г. на VI парламентском форуме «Историко-культурное наследие России» председатель ФС РФ В.И. Матвиенко говорила о том, что нельзя оставлять эту сферу без заботы и за рамками правового регулирования, поэтому необходимо принять соответствующий закон [13]. В марте 2018 г. появилась информация: Комитет по делам национальностей ГД РФ разрабатывает законопроект о сохранении и развитии нематериального культур-

ного наследия народов России, в работе участвуют региональные Министерства культуры, регионы, общественные организации и депутаты [11].

Известно, что в 64 регионах России приняты документы о нематериальной культуре, однако прямых законов нет [1]. Опережающие законы, регулирующие сферу нематериального культурного наследия приняты в Республике Алтай (2008) и Республике Тыва (2013) [10, с. 116]. В мае 2017 г. после полутора лет работы специальной комиссии Президент Республики Татарстан Р. Минниханов подписал опережающий соответствующий закон. Он вступил в силу с 1 января 2018 г. и подразумевает не только консервацию, но и возрождение, возвращение народу нематериального культурного наследия. Под нематериальным культурным наследием в Татарстане понимается следующее: это дух (душа) народа, язык, нормы и правила поведения, верования, обычаи, празднества, фольклор, технология изготовления предметов народно-прикладного искусства, музыкальные инструменты, предметы быта, народно-художественные каноны. Предполагается создание реестра объектов нематериального культурного наследия, электронной платформы реестра, экспертизы объектов нематериального культурного наследия. Реестр должен быть общедоступным для информирования населения и передачи информации будущим поколениям. Закон позволяет создавать мастерские народно-художественных промыслов, информационные порталы, сайты, телевизионные программы для популяризации традиций народной культуры, поддержку носителей объектов нематериального культурного наследия, грантовую помощь, научные исследования, образовательные и просветительские программы, издание книг [1].

В Республике Бурятия нет закона о сохранении нематериального культурного наследия. Тем не менее, здесь ведется определенная работа в данном направлении. 8 сентября 2015 г. в с. Тарбагатай в рамках Недели туризма в Сибири состоялся круглый стол «Сохранение объектов Всемирного культурного наследия» с участием экспертов ЮНЕСКО. Выбор места проведения был не случаен – здесь живут семейские. На совещании выступила А.Е. Захарова, тогда декан факультета фольклора и этнокультуры народов Арктики Арктического государственного института искусств и культуры (г. Якутск), ныне руководитель Центра нематериального культурного наследия народов РС (Я). Она поделилась опытом подготовки документов для рассмотрения комиссией ЮНЕСКО олонхо. Участники подчеркнули позитивный опыт Республики Саха (Якутия) по использованию каналов ЮНЕСКО в целях сохранения эпического наследия, духовности и языка, а также востребованность трансляции такого опыта в других регионах. Без механизмов трансляции ближайшее двадцатилетие может стать «пограничной зоной», временем разрыва традиций из-за естественного ухода носителей уникальных народных знаний, профанных и сакральных практик.

В резолюцию помимо прочего внесено: Министерству культуры РФ предусмотреть возможности привлечения исследователей региональ-

ных научных и образовательных учреждений для совместных с учреждениями культуры экспедиционных полевых исследований, а также для разработки творческих проектов, привлечение их к участию в международных конференциях и семинарах по линии ЮНЕСКО, обеспечить участие народов республики в проектах по сохранению всемирного наследия.

Свидетельством сохранения нематериального культурного наследия бурят в XXI в. является собрание электронной базы «Бурятские народные песни» («*Буриад арадай дуунууд*») в двух частях (2017, 2018). Проект осуществлен РЦНТ при поддержке Министерства культуры РБ в рамках Государственной программы республики «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия». В первой части собрания представлены фоно-записи, экспедиционные и архивные материалы из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН и РЦНТ [19]. Во второй части собраны песни, записанные работниками РЦНТ в 2017, 2018 гг. у хоринских, мухоршибирских, шэнэхэнских (хори), закаменских (хонгодоры), бичурских (сонголы), джидинских (сартулы) бурят, а так же из архивных материалов РЦНТ. Создание данной электронной базы помимо всего демонстрирует сотрудничество РЦНТ с научными кадрами региона. В работе участвовали музыковед Н.Р. Попова, заведующая Детской школы искусств им. Бау Ямпилова при колледже искусств им. П.И. Чайковского и музыковед Е.Ю. Патархеева, преподаватель колледжа искусств им. П.И. Чайковского. Вторую часть собрания сопровождают две статьи научных сотрудников ИМБТ: «Языковые особенности песен из электронной базы “Бурятские народные песни”» (Л.Б. Бадмаева) и «Собрание электронной базы “Бурятские народные песни” - свидетельство сохранения нематериального культурного наследия народа в XXI веке» (С.Г. Жамбалова) [20]. Безусловно, приведенные здесь материалы выявляют только часть практической работы по реализации культурной политики РБ по сохранению нематериального культурного наследия.

Трансграничное положение Бурятии и историческая принадлежность бурят к монгольскому кочевому миру позволяет современной культуре бурят опираться на культурные элементы Монгольского государства, включенные в списки «Нематериальное культурное наследие» ЮНЕСКО¹. В 2018 г. опубликована моя статья, в которой они исследовались в качестве образцов степной эстетики мобильности [4]. С 2003 г. по 2017 г. в список ЮНЕСКО включено 18 объектов Монголии: степные ландшафты, культ поклонения священным горам, юрта, охота с ловчими птицами, праздники, обряды, музыкальные инструменты, песни, танцы, монгольская каллиграфия. Они соответствуют требованиям, предъявляе-

¹ Следует отметить, что все приведенные ниже культурные элементы не практикуются бурятами, за исключением некоторых, изредка используемых в профессиональной концертной деятельности монгольскими артистами, работающими в республике.

мым к культурным элементам для включения в список: аутентичны, функциональны, востребованы. В списке нематериального культурного наследия ЮНЕСКО семь монгольских объектов помечены грифом нуждающихся в срочной охране. Это традиционная игра на флейте *цуур* (2009), эпос «*тууль*» (2009), народный танец «*биелгэ*» (2009), исполнение народной протяжной песни в сопровождении *лимбэ* – техника кругового дыхания (Монголия, Китай, 2005, 2008), монгольская каллиграфия (2013), ритуал «задабривания» верблюдиц (2015), монгольская традиционная практика поклонения святым местам. В Репрезентативном списке ЮНЕСКО четыре объекта: народная музыка, исполняемая на *моринхуре* (2003, 2008), традиционное певческое искусство *хоомей* (2010), традиционный праздник *Наадам* (2010), игра в кости. Соколиная охота - живое наследие человечества, которым до настоящего времени владеют монгольские казахи, внесено в список 19 странами, в числе которых Монголия (2010, 2016) [4]. С сожалением следует отметить, что не все приведенные культурные элементы Монголии практикуются бурятами.

Выводы. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что РФ, не ратифицировавшая Конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия (2003, 2006), до настоящего времени не приняла закон, регулирующий проблему сохранения данного блока культуры. В результате несколько республик (Алтай, Тыва, Татарстан) приняли опережающие законы, так как именно в национальных регионах проблема сохранения этого наследия имеет жизненно важное значение. В Республике Бурятия проводится определенная работа по сохранению культурных элементов народа. Два российских культурных элемента попали в список ЮНЕСКО на первом этапе сотрудничества РФ с ЮНЕСКО, впоследствии список не пополняется. Республика Саха (Якутия) в полной мере реализует исторический факт признания олонхо шедевром человечества: современные тенденции сохранения нематериального культурного наследия как живой традиции формируют здесь новую модель культурного ресурса. Признание шедевром человечества нематериального культурного наследия старообрядцев (семейских) осталось локальным явлением. Реализация сохранения нематериального культурного наследия возможна только благодаря сотрудничеству учреждений культуры с научными кадрами регионов.

Примечания

1. Бадретдин Г. «Бездуховный народ – это уже не народ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/348147>. (дата обращения: 23.01.2019).

2. Волкова О. Драпеко рассказала, почему РФ не приняла конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-oon-ob-okhrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html>. (дата обращения: 22.01.2019).

3. Дахин С. Д. Сохранение материального культурного наследия в

полиэтническом регионе: историко-культурный анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис... канд. ист. наук: 24.00.01. Астрахань, 2012 URL: <http://cheloveknauka.com/sohranenie-materialnogo-kulturnogo-naslediya-v-polietnichnom-regione-istoriko-kulturnyy-analiz#ixzz3p0eASHnH>. (дата обращения: 19.10.2018).

4. Жамбалова С. Г. Культурное наследие Монголии в списках ЮНЕСКО: степная эстетика мобильности // Уральский исторический вестник. 2018. № 30 (60). С. 50 – 56.

5. Захарова А. Е. Нематериальное культурное наследие народа саха как объект сохранения в контексте евразийской интеграции // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 69-74.

6. Захарова А. Е. Якутский героический эпос Олонхо – шедевр устного и нематериального культурного наследия человечества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2018. № 3 (11). С. 146-149.

7. Калашников П. Ф. Шедевр устного и нематериального наследия человечества [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.starover.net/index.php?title=Шедевр_устного_и_нематериального_наследия_человечества (дата обращения: 08.03.2019).

8. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59-71. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_3/Kargin&Kostina.pdf. (дата обращения: 08.02.2019).

9. Конвенция об охране нематериального культурного наследия : от 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] // Правозащитный центр Всемирного русского народного собора. URL: <http://pravovrns.ru>. (дата обращения: 11.01.2019).

10. Курьянова Т. С. Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных республик Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 113-117.

11. Лапунов В. ГД РФ: России нужен закон о сохранении нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://aszk.ru/prochee/indeks-kimbel-2/item/3787> (дата обращения: 22.01.2019).

12. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Раздумья о России / Лихачев Д. С. СПб. : Logos, 1999. 672 с.

13. Матвиенко: необходим закон о защите нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20160623/1449865664.html> (дата обращения: 23.01.2019).

14. Олонхо и общество: тезаурус современных этнокультурных представлений о героическом эпосе народа саха. Якутск, 2013. 272 с.

15. Скончался исследователь истории забайкальских старообрядцев Фирс Федосович Болонев [Электронный ресурс]. URL: http://ruvera.ru/news/skonchalsya_ff_bolonev (дата обращения: 08.02.2019).

16. Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию : ист.-культ. энцикл. справочник. Улан-Удэ : ЭКОС, 2015. 264 с.

17. Чебунина Галина Ермолаевна [Электронный ресурс]. URL: <http://байкалфолк.рф/lideri-kulturi/luchshie-rabotniki-kulturi-po-itogam-goda-2012-2017/luchshie-rabotniki-kulturi-po-itogam-2015-goda/chebunina-galina-ermolaevna> (дата обращения: 08.02.2019).

18. Шулбаев О. Н., Новоселова Н. В. ЮНЕСКО и российский опыт сохранения нематериального культурного наследия на современном этапе [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2017. № 1 (115). С. 108-110. URL: <http://kn.lib-i.ru/27kulturologiya/372911-1-shulbaev-oleg-nikitovich-novoselova-natalya-valerievna-yunesko-rossiyskiy-opit-sohraneniya-nematerialnogo-lturnogo.php>. (дата обращения: 22.01.2019).

19. Электронная база «Бурятские народные песни» [Электронный ресурс]. URL: <http://байкалфолк.рф/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni1/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni>. (дата обращения: 25.01.2019).

20. Электронная база «Бурятские народные песни». Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://байкалфолк.рф/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni1/elektronnaya-baza-buryatskiy-narodnie-pesni-.chast-2> (дата обращения: 25.01.2019).

21. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск : Бичик, 2008. 400 с.

22. Якуты (Саха). М. : Наука, 2013. 599 с.

References

1. Batretdin G. «Bezdukhovnyj narod – eto uzhe ne narod » ["Spiritless people – it is not a people"]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/348147>. (23.01.2019) [In Russ.].

2. Volkova O. Drapeko rasskazala, pochemu RF ne prinjala konvenciju OON ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija [Drapeko told why Russia has not adopted the UN Convention on the intangible cultural heritage safeguarding]. URL: <https://www.pnp.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-oon-ob-okhrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html>. (22.01.2019) [In Russ.].

3. Dakhin S. D. Sokhraneniye material'nogo kul'turnogo nasledija v polietnicheskom regione: istoriko-kul'turnyj analiz : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 24.00.01 [Preservation of material cultural heritage in a multi-ethnic region: historical and cultural analysis : dissertation thesis ... candidate of historical sciences: 24.00.01. Astrakhan', 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/sohranenie-materialnogo-kulturnogo-naslediya-v-polietnichnom-regione-istoriko-kulturnyy-analiz#ixzz3p0eASHnH>. (19.10.2018) (In Russ.).

4. Zhambalova S. G. Kul'turnoje nasledije Mongolii v spiskakh

UNESCO: stepnaja estetika mobil'nosti [The Cultural heritage of Mongolia in the list of UNESCO: nomadic aesthetics of mobility] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural historical bulletin]. 2018. № 30 (60). Pp. 50 – 56. [In Russ.].

5. Zakharova A. E. Nematerial'noje kul'turnoje nasledije naroda Sakha kak object sokhraneniya v kontexte evrazijskoj integracii [Intangible cultural heritage of the Sakha people as an object of preservation in the context of Eurasian integration] // Arktika. XXI vek. Gumanitarnyje nauki [The Arctic. The twenty-first century. The Humanities]. 2014. № 2 (3). Pp. 69-74. [In Russ.].

6. Zakharova A. E. Jakutskij geroicheskij epos Olonkho – shedevr ustnogo i nematerial'nogo kul'turnogo nasledija chelovechestva [The Yakut heroic epic Olonkho – a masterpiece of oral and intangible cultural heritage of mankind] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Serija: Eposovedeniye [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series: Epic Studies]. 2018. № 3 (11). Pp. 146-149. [In Russ.].

7. Kalashnikov P. F. Shedevr ustnogo i nematerial'nogo nasledija chelovechestva [A Masterpiece of oral and intangible heritage of mankind]. URL:http://wiki.starover.net/index.php?title=Шедевр_устного_и_нематериального_наследия_человечества (08.03.2019) [In Russ.].

8. Kargin A. S., Kostina A. V. Sokhraneniye nematerial'nogo kul'turnogo nasledija narodov RF kak prioritet kul'turnoj politiki Rossii v XXI veke [Preservation of intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation as a priority of cultural policy of Russia in the XXI century] // Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе [Knowledge. Understanding. Skill]. 2008. № 3. Pp. 59-71. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_3/Kargin_&_Kostina.pdf (08.02.2019) [In Russ.].

9. Konvencija ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija : ot 17 okt. 2003 g. [Convention on the intangible cultural heritage safeguarding: 17 Oct. 2003] // URL: <http://pravovrns.ru>. (11.01.2019) [In Russ.].

10. Kurjanova T. S. Sokhraneniye nematerial'nogo kul'turnogo nasledija: opyt nacional'nykh respublik Juzhnoj Sibiri [Preservation of intangible cultural heritage: the experience of the national republics of southern Siberia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state University]. 2015. № 391. Pp. 113-117. [In Russ.].

11. Lapunov V. GD RF: Rossii nuzhen zakon o sokhranении nematerial'nogo kul'turnogo nasledija [State Duma of the RF: Russia needs a law on the preservation of intangible cultural heritage]. URL: <http://aszk.ru/prochee/indeks-kimbel-2/item/3787> (22.01.2019). [In Russ.].

12. Likhachov D. S. Deklaracija prav kul'tury [Declaration of the rights of culture] // Razdumja o Rossii [Thoughts about Russia]. S.-P., 1999. 672 p. [In Russ.].

13. Matvienko: neobkhodim zakon o zashchite nematerial'nogo kul'turnogo nasledija [Matvienko: we need a law on the protection of intangible cultural heritage]. URL: <https://ria.ru/20160623/1449865664.html>

(23.01.2019) [In Russ.].

14. Olonkho i obshchestvo: tezaurus sovremennykh etnokul'turnykh predstavlenij o geroicheskom epose naroda Sakha [Olonkho and society: a thesaurus of modern ethno-cultural ideas about the heroic epic of the Sakha people]. Yakutsk, 2013. 272 p. [In Russ.].

15. Skonchalsja issledovatel' istorii zabaikal'skikh staroobrjadcev Firs Fedosovich Bolonev [The researcher of the history of the Trans-Baikal Old Believers Firs Fedosovich Bolonev died]. URL: http://ruvera.ru/news/skonchalsya_ff_bolonev (08.02.2019) [In Russ.].

16. Staroobrjadcy (semejskije) Burjatii: k 250-letiju pribytija pervykh pereselencev-staroobrjadcev v Burjatiju: ist.-kul't. encikl. spravochnik [Old Believers (Semeyskiye) of Buryatia: to the 250th anniversary of the arrival of the first Old believers' settlers in Buryatia : historical-cultural reference book]. Ulan-Ude, 2015. 264 p. [In Russ.].

17. Chebunina Galina Ermolaevna. URL: <http://байкалфолк.рф/lideri-kulturi/luchshie-rabotniki-kulturi-po-itogam-goda-2012-2017/luchshie-rabotniki-kulturi-po-itogam-2015-goda/chebunina-galina-ermolaevna> (08.02.2019) [In Russ.].

18. Shulbaev O. N., Novosjolova N. V. UNESCO i rossijskij opyt sokhraneniya nematerial'nogo kul'turnogo nasledija na sovremennom etape [UNESCO and the Russian experience of intangible cultural heritage safeguarding at the present stage] // Almanakh sovremennoj nauki i obrazovanija [Almanac of modern science and education]. Tambov, 2017. № 1 (115). Pp. 108-110. URL: <http://kn.lib-i.ru/27kulturologiya/372911-1-shulbaev-oleg-nikitovich-novoselova-natalya-valerievna-yunesko-rossiyskiy-opit-sohraneniya-nematerialnogo-kulturnogo.php>. (22.01.2019) [In Russ.].

19. Elektronnaja baza "Burjatskije narodnyje pesni" [Electronic database "Buryat folk songs"]. URL: <http://байкалфолк.рф/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni1/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni>. (25.01.2019) [In Russ.].

20. Elektronnaja baza "Burjatskije narodnyje pesni". Ch. 2 [Electronic database "The Buryat folk songs". Part 2]. URL: <http://байкалфолк.рф/elektronnaya-baza-buryatskie-narodnie-pesni1/elektronnaya-baza-buryatskiy-narodnie-pesni-.chast-2> (25.01.2019) [In Russ.].

21. Ergis G. U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru [Essays on the Yakut folklore]. Yakutsk, 2008. 400 p. [In Russ.].

22. Jakuty (Sakha) [The Yakuts (Sakha)]. M., 2013. 599 p. [In Russ.].

Цибудеева Н. Ц.
Tsibudeeva N. Ts.

**ПЕРЕКРЁСТНАЯ МИГРАЦИЯ КИТАЙ←→ БУРЯТИЯ И ФАКТЫ
АККУЛЬТУРАЦИИ В НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**
**CROSS-MIGRATION BETWEEN CHINA ←→ BURYATIA
AND THE ACCULTURATION FACTS IN THE NEW
CIRCUMSTANCES**

В статье речь идёт о мигрантах, как вынужденных переселенцах в поисках лучшей доли для себя и своих близких. Социальная адаптация мигранта в новых местах обитания способствует выявлению скрытых возможностей собственного организма и выведению его на иной качественный уровень.

The article deals with migrants as internally displaced persons in search of better life for themselves and their relatives. Social adaptation of a migrant in new settlements helps identify the hidden possibilities of his/her own body and bring it to a different quality level.

Ключевые слова: миграция, аккультурация, беженцы, диаспора, *хуацяо*, старатель, прииск, артель, культурная революция, ревизионизм, *гурда*, экстремальный, экстерриториальный, пассионарный, чабан.

Keywords: migration, acculturation, refugees, diaspora, *khuatsyo* (the Chinese living abroad), prospector, mine, artel, cultural revolution, revisionism, *gurda* (chief), extremal, extraterritorial, passionary, shepherd.

Миграция как добровольный переезд из одной страны в другую совершается по разным причинам. Массовая миграция бывает вызвана, как правило, крупными социально-политическими или природно-климатическими катаклизмами, индивидуальная – достижением материального благополучия или воссоединением с семьёй.

История соседствующих народов России и Китая пережила несколько волн миграции, обусловленных, главным образом, социально-экономическими причинами. В нашем случае речь пойдёт о взаимобратимых процессах переселения как из Китая в Бурятию, так и из Бурятии на север Китая в образованный для проживания бурятской диаспоры Автономный район Маньчжурии (АВРМ) в КНР. В такой пересадке на чужбине самым неожиданным образом переплетаются судьбы людей, которые приспособляются к новым обстоятельствам и не просто выживают, но, выявив скрытые возможности своего организма, отрываются от своих соплеменников, продолжающих оставаться в привычной среде.

Так, в музыкально-театральном искусстве Республики Бурятия свой заметный след оставили два полукровка «хуацяо», т.е. китайцы, жи-

вущие за границей. Это два солиста БГАТОиБ (Бурятского государственного академического театра оперы и балета) им. Г.Ц. Цыдынжапова, народные артисты РСФСР Николай Ян Вентун (Саян Раднаев) и Владимир Ян Чинфан (Буруев). Уроженцы Курумканского района РБ, они с детства проявляли свои певческие наклонности, выступали в школьной художественной самодеятельности и состоялись на сценических подмостках как профессиональные вокалисты. В бурятской оперной труппе они прожили на двоих около века, а широкий слушатель искренне полюбил их как родных, почувствовав, что театр стал для них стихией, позволившей полнокровно и естественно реализоваться в творчестве.

Народный артист России, лауреат Государственной премии РБ Николай Ян-Вентун (1935-2013) олицетворял собой такой тип актёра, который безотказно вёз нелёгкую ношу закулисных будней, чтобы в день спектакля явить зрителю праздник. Мужественно обаятельный и на редкость фактурный, он располагал публику редким соединением актёрского дара с прекрасной внешностью и голосом незаурядного диапазона.

Артист убедительно вживался в образ и правдиво воссоздавал всю гамму эмоциональных переживаний своих персонажей от человеческого величия до его падения: патриотический пафос князя Игоря и смятение царя Бориса, томимого кошмаром кровавых видений, победную ослепительность тореадора Эскамильо и иезуитское коварство Яго [6]. В нём присутствовало породное изящество и вместе с тем беспримерная удаль белого офицера пана Грициана Таврического в оперетте «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова и в то же время капризное своенравие Эрхэ-мэргэна в первой бурятской опере «Энхэ-Булат Батор» М. Фролова, когда казахская певица бурятского происхождения Ирина Атанова выразилась: «в сцене ломания луков молодой актёр забирает на себя всё внимание зала».

На гастролях зрительская аудитория оперного театра Бурятии, в составе которого многие годы выступал Н. Ян Вентун, охватывала громадное пространство от Дальнего Востока и Сибири до Украины и Ставрополя, за рубежом: в Китае, Корее, Японии и Монголии. Иркутские же рецензенты отмечали его работу в «Аттиле» Дж. Верди как героя, сочетающего в себе жестокое варварство с прощающим великодушием.

Творческий путь Н. Ян Вентуна начинался в стенах Улан-Удэнского музыкального училища, в классе бурятского певца-баса, народного артиста СССР Л. Линховойна, где он занимался со своим однокурсником и земляком Владимиром Ян Чинфаном.

Обладатель «бархатного» лирического баритона народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РБ Владимир Яковлевич Ян-Чинфан (1936-1999) также обладал врождённым чувством сцены. Тонкую внутреннюю интеллигентность и своеобразный аристократический лоск всегда отмечали преданные почитатели артиста.

Став одним из победителей художественных смотров районного, затем городского этапа, юноша поступил в Улан-Удэнское музыкальное

училище и дебютировал в 1961 году в роли Валентина в опере «Фауст» Ш. Гуно. Однако самым любимым его героем был Фигаро – воплощение молодой радости, дерзкого упоения жизнью, юного, светлого задора, значилось в печати [2].

Что же касается происхождения Н. Ян Вентуна и В. Ян Чинфана, то некогда их дальние предки проживали в китайской провинции Шаньдунь – на родине великого мыслителя Конфуция. Однако из-за нехватки земли для хозяйственных нужд вынуждены были заняться отхожим промыслом на стороне. Так они оказались на территории забайкальского севера с климатическими невзгодами и значительными температурными перепадами. «Зимой от великого холода там не живут ни зверь, ни птица», - писал в XIII в. венецианский путешественник Марко Поло [4]. Зато помимо проживания пёстрой разнонациональной смеси из русских, бурят, эвенков, китайцев, евреев, этот суровый край служил местом перевоспитания для политического интернационала из ссыльнопоселенцев и каторжан.

Эта малоизвестная сибирская тайга была кладезем несметных богатств из природных ископаемых, «мягкой рухляди» в виде пушнины и т.д. Когда в 1846 г. на горе Бохоригту были открыты золотоносные месторождения, они стали приманкой для искателей удачи [7]. Ибо кустарная добыча золота осуществлялась на ту пору усилиями старателей-артельщиков из вольнонаёмных одиночек. Поскольку редконаселенные территории Дальнего Востока не представляли до некоторых пор хозяйственно-практического интереса и объекта для исследований, то до 1858 г. Россия не имела чётко установленной границы с Китаем. Пекинский договор о разграничении земель был подписан в 1860 г.

Так предыдущие поколения Н. Ян Вентуна и В. Ян Чинфана оказались в Забайкалье, где нашли свой интерес на золотодобывающих приисках Баунта и Курумкана. «С достоверностью можно сказать, что в Шаньдуне нет такой семьи, члены которой не побывали бы на заработках у русских в Приамурье, Сибири или в Северной Маньчжурии», - писал в 1912 г. уполномоченный Министерства иностранных дел В.В. Граве в своём отчёте «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» [3].

Женившись на аборигенках, родители наших героев поселились с семьями в местности Барагхан вблизи Курумкана и стали жить земными радостями и потребностями. Отец Н. Ян Вентуна вступил в колхоз им. Ленина, где за полвека упорного труда заработал ряд правительственных наград, в том числе и почётное звание «Ударник коммунистического труда» за создание кормовой базы Курумканского района. Будучи потомственным огородником, он разводил картофель, помидоры, арбузы, табак и т.д., наладив доставку семян из Поднебесной. Отец В. Ян Чинфана, обнаружив поблизости глиняные залежи, занялся производством кирпича и снабжал результатами своего труда односельчан, возводивших дома с печным отоплением. Сыновья же тем временем с успехом выступали в г. Улан-Удэ.

Ухудшение отношений между странами в результате проведения «культурной революции» в КНР и политики «ревизионизма» в СССР в 60-е годы повлекло к смене фамилий Н. Ян-Вентуна и В. Ян Чинфана на материнские: Раднаев и Буруев. Но никак не отразилось на симпатиях к ним со стороны простого зрителя и вышестоящих органов. Об этом свидетельствуют факты их биографий с присуждением высоких правительственных званий и наград.

Что же касается обратного процесса и исхода бурятского населения из СССР на территорию соседнего государства, то несколько волн организованной миграции были вызваны непониманием местного крестьянства революционных событий XX века и нежеланием участвовать в кровавой мясорубке Гражданской войны, разыгравшейся следом. Веками занимавшиеся разведением крупных и мелких рогатых животных, сельчане были напуганы политикой новой власти по отношению к чересполосному землепользованию и коллективизацией с объединением в крупные хозяйства на основе обобществления домашнего скота. Поэтому от 60 до 120 тысячи бурят, при общей их численности в 300 000 душ покинуло в первой трети XX века историческую родину и осело в районе г. Хайлара [5].

Правительство КНР выделило беженцам территорию площадью ≈9000 км, называемую Шэнэхэн (от бурятского слова «новенький»). На протяжении длительного перехода они сохранили собственное поголовье КРС и продолжили его разведение на новом месте, создавая продовольственную базу страны, давшей им приют.

Лидером, вокруг которого консолидировались вынужденные переселенцы разных сословий и состояний, стал сельский учитель Уржин Гармаев (1888-1947), выросший до *гурды* – главы всей бурятской эмиграции [1]. По окончании офицерской школы он сделал военную карьеру и дослужился в 1934 г. до генерала-майора кавалерии и командующего Северо-Хинганским военным округом армии Маньчжоу-Го – независимого государства, существовавшего на севере КНР с населением 30 млн. человек в 1932-1945 гг.

Однако советская власть не простила Уржину Гармаеву его позиции по созданию идеи панмонгольского государства в период великой смуты 20-х годов и боевых разведывательных действий в пользу милитаристской Японии во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 1947 г. его арестовали с последующей конфискацией всего имущества и расстреляли, а спустя годы, в 1992 г., реабилитировали.

Трагическим событиям массовой переколёвки бурят посвящён спектакль «Ветер минувших времён» («*Үнгэрһэн сагай һэбишэн*») по произведениям драматурга Валерия Басаа в Государственном академическом театре бурятской драмы им. Х.Н. Намсараева.

Сегодня незаурядная фигура Уржина Гармаева воспринимается неоднозначно по обе стороны российско-китайской границы, вызывая споры и дискуссии вокруг оценки его вольного или невольного участия

на вражеской стороне в 1941-1945-х гг. Однако всё это не умаляет масштабов его личности, сумевшей в жёстких экстерриториальных обстоятельствах проявлять свои пассионарные свойства и совершать рискованные поступки, представляющие угрозу его личной безопасности.

Таким образом, экстремальные условия вновь обретённой родины обнаружили у потомков китайских крестьян творческие наклонности с тягой к профессиональному пению, у сына же бурятских чабанов – способности к воинскому искусству.

Примечания

1. Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 37 с.

2. Ельцов Ю. Ах, bravo, Фигаро, bravo, bravissimo! // Совет. учитель. 1996. №5.

3. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : отчёт Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В. В. Граве. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 80 с.

4. Минаев И. П. Путешествие Марко Поло : пер. старофр. текста // Записки ИРГО по этнографии. Т. 26. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 355 с.

5. Раднаев Б. Загадка генерала Уржина Гармаева // Тайны Бурятии. Улан-Удэ, 2003. № 1. С. 18-22.

6. Цибудеева Н. Ц. Бурятская вокальная школа, её истоки. Факторы становления. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГИК, 2016. 171 с.

7. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.

References

1. Bazarov B. V. General-lejtenant Man'chzhou-Go Urzhin Garmajev [Lieutenant-General of Manchukuo Urzhin Garmajev]. Ulan-Ude, 2001. 37 p. [In Russ.].

2. Eltsov Ju. Akh, bravo, Figaro, bravo, bravissimo! [Ah, bravo, Figaro, bravo, bravissimo!] // Sovet. uchitel' [Soviet teacher]. 1996. №5. [In Russ.].

3. Kitajcy, korejcy i japoncy v Priamurje : otchet Upolnomochennogo Ministerstva Inostrannykh del V. V. Grave [The Chinese, Koreans and Japanese in the Amur region : report of the Commissary of the Ministry of Foreign Affairs V. V. Grave]. S.-P., 1912. 80 p. [In Russ.].

4. Minayev I. P. Puteshestvije Marko Polo [The travel of Marco Polo] / transl. of an old French text // Zapiski IRGO po etnografii [Notes of IRGS on Ethnography]. Vol. 26. S.-P., 1902. 355 p. [In Russ.].

5. Radnayeв B. Zagadka generala Urzhina Garmajeva [Riddle of the General Urzhin Garmajev] // Tajny Burjatii [Secrets of Buryatia]. Ulan-Ude, 2003. № 1. Pp. 18-22. [In Russ.].

6. Tsibudeeva N. C. Burjatskaja vokal'naja shkola, ejo istoki. Faktory stanovlenija [The Buryat vocal school, its origins. Factors of formation]. Ulan-Ude, 2016. 171 p. [In Russ.].

7. Tsydendambaev C. B. Burjatskije istoricheskije khroniki i rodoslovnije [The Buryat historical chronicles and genealogies]. Ulan-Ude, 1972. 664 p. [In Russ.].

*Шестак О.В.**Shestak O.V.***ИЗУЧЕНИЕ ИМИДЖА МУЗЕЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА****STUDY OF A MUSEUM PUBLIC IMAGE AS A SOCIOCULTURAL
PHENOMENON**

Статья посвящена исследованию феномена имиджа музея. Междисциплинарный характер понятия «имидж» позволяет рассматривать его (имидж) как многокомпонентную систему. Большое значение для исследования имеет идентичность и различие понятий «имидж» и «образ». Выявление полисемантической сути понятия «образ» позволяет определить значительное число компонентов образа музея, полиморфность его интерпретации. Авторская трактовка понятия «имидж музея», культурологическая исследовательская модель имиджа музея дают возможность как формирования, так и проведения исследований на национальном, региональном, муниципальном уровнях. Данная модель адаптивна к другим учреждениям культуры.

The article concentrates on studying the phenomenon of a museum public image. The interdisciplinary nature of the notion «public image» allows to consider it as a complex system. The equivalence and differences of the notions «public image» and «image» are of great importance for the study. The identification of the polysemantic essence of the notion «image» allows to determine a considerable number of components of a museum image and its polymorphism. The author's interpretation of the notion «museum public image», its culturological research model enable to carry out research on the national, regional and municipal levels. The given model can be adapted to other cultural institutions.

Ключевые слова: имидж, образ, имидж музея, модель имиджа музея.

Keywords: image, museum public image, museum public image model.

Процесс социально-экономических преобразований в России актуализирует вопросы культурологического исследования музея как социокультурного института и феномена имиджа музея. В рамках данной статьи рассмотрим ключевые тезисы, раскрывающие понятие «имидж музея», а также основные положения исследовательской модели имиджа музея.

В современном поле научных исследований не сформировано единого целостного представления об имидже. Следовательно, для формулировки понятия «имидж музея» необходимы анализ и систематизация данных о сути феномена имиджа. В качестве исследуемого материала выделим информацию, содержащуюся в энциклопедических изданиях, освещающих достижения профильных дисциплин: «Новый иллюстрированный энциклопедический словарь» [12, с. 278]; «Современный словарь по общественным наукам» [20, с. 132]; «Политическая наука» [19]; «Новейший психологический словарь» [11, с. 161]; «Современный социоэкономический словарь» [18, с. 175]; «Социологический словарь» [21, с. 145]. Сравнительный анализ содержащихся определений позволяет выделить ключевые слова и их суть: полиморфность понятия «образ»; «реклама» (как цель, задача); «эмоциональная окраска» (психологическое воздействие, впечатления); «стереотип», «массовое/индивидуальное сознание»; действия, связанные с формированием имиджа.

Ряд авторских трактовок, связанных с понятием «имидж», значительно дополняет исследуемый материал авторов: Г. Г. Почепцов [17, с. 17], Е. Б. Перельгина [14; 15, с. 12], В. М. Шепель [25, с. 79], А. Ю. Панасюк [6, с. 120], Е. С. Кузьмина [8, с. 12], М. В. Томилова [22].

Уместно отметить, что практически каждое определение имиджа раскрыто через понятие «образ», важным является развитие социологического (предполагающего в качестве носителя имиджа любого объекта окружающей действительности), коммуникационного и адаптационного научных подходов.

В отечественной науке дискуссионным является вопрос о частичной идентичности понятия «образ» и «имидж» в российской действительности. В рамках исследуемой темы релевантной точкой зрения являются высказывания В. М. Шепель [25], О. А. Феофанова [23] и А. Ю. Панасюка [6].

Уточним, что понятие «имидж» не включено в «Российскую музейную энциклопедию». Анализ культурологических энциклопедических изданий [9, с. 6, 102] позволяет сделать следующее заключение: понятие «образ» является полисемантическим и многоуровневым; категорию «образ» можно отнести практически к любому объекту или предмету в культуре. Следовательно, образ музея проявляется посредством его основополагающих компонентов (образ музейного предмета, экспозиции, здания музея, образ сотрудников, образ музея как социокультурного института и многое другое), разнообразие единиц восприятия, которые формируют неповторимую интерпретацию на индивидуальном и социальном уровнях. Образ, созданный из множества комбинаций, моделируется «в соответствии с априорно предварительно заданными культурно-смысловыми клише» [13], что, в конечном счете, может отражать процесс целенаправленно формируемого образа музея, его имиджа.

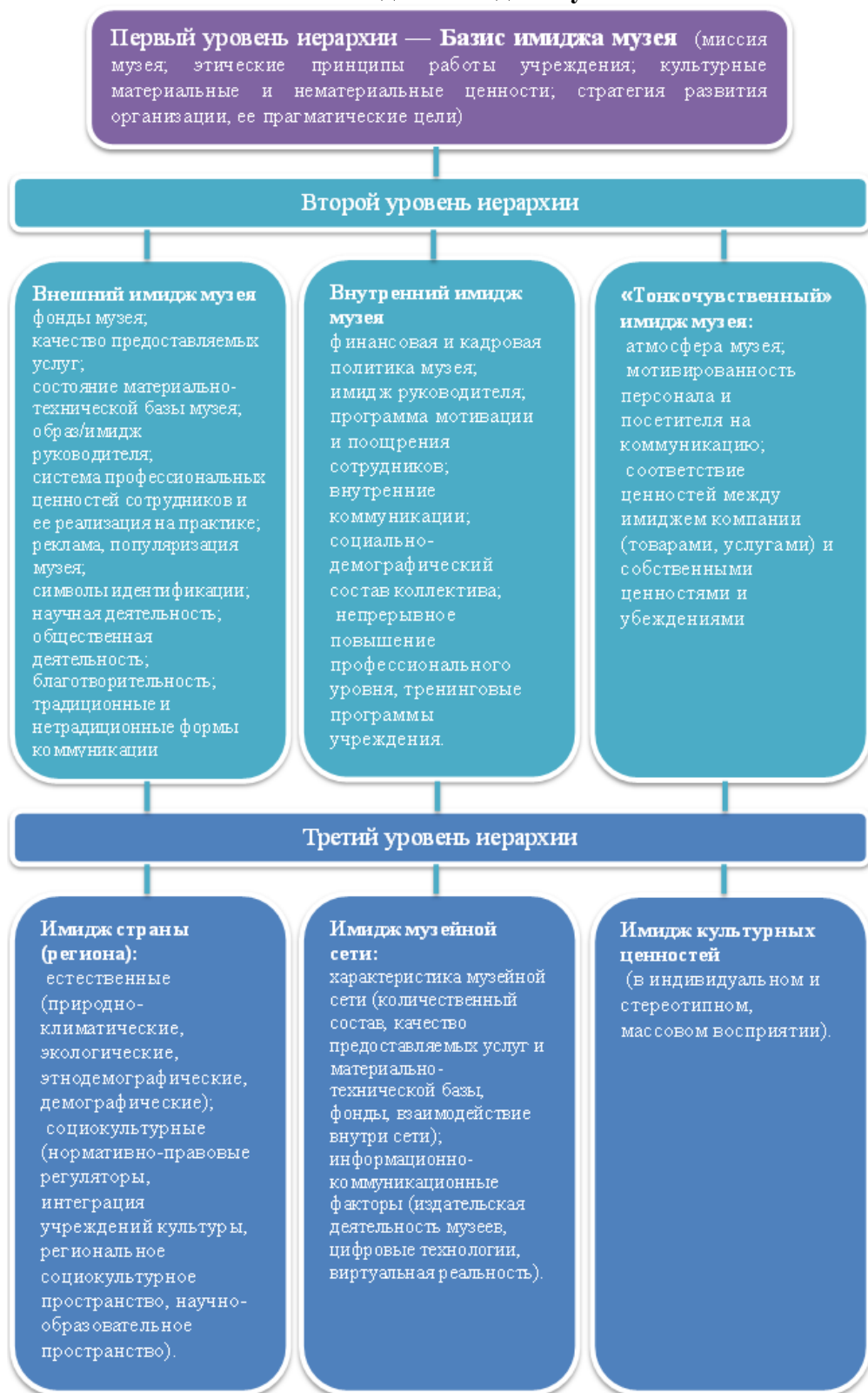
Для введения в научный оборот нового понятия «имидж музея» отметим важность базовых дефиниций, использующихся в российской музеологии и включенных в «Словарь актуальных музейных терминов» — «музей» [10, с. 641] и «миссия музея» [10, с. 639].

Таким образом, анализ соответствующей литературы и синтез множественных смыслов имиджа позволяют предложить следующее авторское определение: *имидж музея может определяться как образ заявленной социально-культурной позиции, основанной на миссии музея, т. е. такой целостный образ, который данное учреждение создает и транслирует различным целевым группам с целью формирования их определенного (позитивного) отношения к данному учреждению.* Раскрывая суть определения, отметим важность формирования позитивного отношения реальной и потенциальной музейной аудитории, решение аксиологических вопросов, а также проблематики социального взаимодействия, понимание места и роли имиджа учреждения в современном обществе.

Рациональный процесс формирования и управления имиджем учреждения опирается на его (имиджа) модель, которая имеет свою структуру. Для нашего исследования наиболее релевантными являются *модели/структуры* американской исследовательницы Б. Джи [3], австрийского профессора и специалиста-практика Г. Даулинга [2], а также модель М. В. Томиловой [22].

Впервые разработанная автором исследования модель имиджа музея основана на интеграции обозначенных выше вариантов, имеет следующие графическое изображение.

Модель имиджа музея

Первый уровень иерархии включает фундаментальные составляющие, культурологическую основу данного процесса.

Второй уровень состоит из совокупности элементов, различная комбинация которых позволяет целенаправленно формировать имидж музея среди реальной и потенциальной музейной аудитории.

Третий уровень отражает взаимообусловленность деятельности музея и окружающего пространства.

В заключение отметим, что для теоретического обоснования отдельных элементов выделенной модели большое значение имеют работы следующих авторов: И. Ю. Хитарова [24]; А. Ю. Гиль [1]; А. А. Добрикова [4]; Д. Н. Замятин [5]; Г. М. Казакова [7]; С. Б. Подкар [16]. Дополнительно установлена важность применения эмпирического метода познания феномена имиджа музея. Существенный объем информации для его применения создают выступления и публикации музееведов, основанных на опыте работы их организаций, связанным с имиджем и брендом музея.

Таким образом, процесс формирования и продвижения имиджа музея весьма динамичный и зависит от многих научных и практических условий и обстоятельств. Поэтому важно отметить взаимозависимость, взаимное соответствие, соотношение понятий «имидж» и «образ» в процессе целенаправленного или стихийно созданного имиджа музея. Многоуровневая модель имиджа музея позволяет, как рационально управлять данным процессом, так и выделять место и роль имиджа музея в национальном, региональном и муниципальном пространствах. Следовательно, существует потребность в развитии темы образа и имиджа музея на основе результатов теоретических и эмпирических исследований.

Примечания

1. Гиль А. Ю. Музей в культуре информационного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск. 2009. 23 с.
2. Даулинг Г. Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности : пер. с англ. М. : ИНФРА-М, 2003. 368 с.
3. Джи Б. Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение. СПб. : Питер, 2000. 224 с.
4. Добрикова А. А. Имидж региона в социокультурной коммуникации (на примере Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2012. 24 с.
5. Замятин Д. Н. Культура и пространство. М. : Знак, 2006. 488 с.
6. Имидж : энцикл. словарь / авт., сост. А. Ю. Панасюк. М. : РИПОЛ классик, 2007. 768 с.
7. Казакова Г. М. Регион как пространство геоландшафтное и социокультурное // Единое социокультурное пространство: теоретические и управленческо-технологические проблемы : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2009. С. 29–33.
8. Кузьмина Е. С. Онтологический статус имиджа в современной культуре : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012. 22 с.

9. Культурология. XX век : энциклопедия. Т. 2. СПб. : Университет. кн., 1998. 447 с.
10. Музейное дело России. 3-е изд. испр. и доп. / под ред. Каулен М. Е. М. : ВК, 2010. С. 641.
11. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д. : Феникс, 2005. 808 с.
12. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин [и др.]. М. : Большая Рос. энцикл., 2001. 912 с.
13. Пелипенко А. А. Психический образ как компонент формирования смысла // Мир психологии. 2009. № 4. С. 130–142.
14. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа. М. : Аспект Пресс, 2002. 223 с.
15. Перелыгина Е. Б. Имидж как феномен интересубъектного взаимодействия: содержание и пути развития : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 63 с.
16. Подкар С. Б. Определение места и роли музея в позиционировании бренда крупного индустриального города (на примере Нижнего Новгорода) : автореф. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2009. 23 с.
17. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М. : Рефл-бук : Ваклер, 2002. 576 с.
18. Райзенберг Б. А. Современный социоэкономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2010. 629 с.
19. Санжараевский И. И. Политическая наука : словарь-справочник. Изд. 6-е испр. и доп. Тамбов, 2016. URL: glos.virmk.ru (дата обращения: 25.12.2015)
20. Современный словарь по общественным наукам / под. общ. ред. О. Г. Данильяна. М. : Эксмо, 2005. 528 с.
21. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов. М. : ИНФРА-М, 2014. 608 с.
22. Томилова М. В. Модель имиджа организации // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 1. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/1998/1/23.html> (дата обращения: 15.10.2016).
23. Феофанов О.А. Реклама. Новые технологии в России. СПб. : Питер, 2000. 384 с.
24. Хитарова И. Ю. Философско-культурологический анализ информационной безопасности культурного наследия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2008. 33 с.
25. Шепель В. М. Имиджелогия. М. : Нар. образование, 2002. 613 с.

References

1. Gil A. Yu. Muzej v kul'ture informacionnogo obshchestva [Museum in the culture of the information society]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. [dissertation thesis... candidate of Philos. science]. Tomsk. 2009. 23 p. [In Russ.].

2. Dowling G. Reputacija firmy: sozdanie, upravlenie b ocnka effektivnosti. [Creating Corporate Reputations. Identity, Image, and Performance] / transl. from English. M., 2003. 368 s. [In Russ.].

3. Gee B. Imidzh firmy. Planirovanie, formirovanie i prodvizhenie [Company Image. Planning, Forming, Promoting]. S.-P., 2000. 224 p. [In Russ.].

4. Dobrikova A.A. Imidzh regiona v sociokul'turnoj kommunikacii (na primere Cheljabinskoj oblasti) [Image of the region in socio-cultural communication (Chelyabinsk Oblast as an example)]: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii [dissertation thesis... candidate of Culturology]. Chelyabinsk, 2012. 24 p. [In Russ.].

5. Zamyatin D.N. Kul'tura i prostranstvo [Culture and Space]. M. : Znak, 2006. 488 p. [In Russ.].

6. Imidzh: encikl. slovar' [Image: encyclopedic dictionary] / comp. by A. Panasyuk]. M., 2007. 768 p. [In Russ.].

7. Kazakova G.M. Region kak prostranstvo geolandshaftnoe i sociokul'turnoe [Region as a geo-landscape and socio-cultural space] // Edinoe sociokul'turnoe prostranstvo: teoreticheskie i upravlenchesko-tehnologicheskie problem: materialy nauch.-prakt. konf. [Unified socio-cultural space: theoretical, managerial and technological problems: proceedings of the scientific conference]. Chelyabinsk, 2009. P. 29–33. [In Russ.].

8. Kuzmina E.S. Ontologicheskij status imidzha v sovremennoj kul'ture [Ontological status of image in modern culture]: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii [dissertation thesis... candidate of Culturology]. S.-P., 2012. 22 p. [In Russ.].

9. Kul'turologija. XX vek : enciklopedija [Culturology. XX century: encyclopedia] V. 2. S.-P., 1998. 447 p. [In Russ.].

10. Muzejnoe delo Rossii [Museum business in Russia]. 3rd ed. / edited by Kaulen M. E. M., 2010. P. 641. [In Russ.].

11. Novejshij psihologicheskij slovar' [The Latest Psychological Dictionary]/ pod obsch. red. V.B. Shaparja [edited by V.B. Shaparya]. Rostov n/D., 2005. 808 p. [In Russ.].

12. Novyj illjustrirovannyj enciklopedicheskij slovar' [New Illustrated Encyclopedic Dictionary] / edit. board: V. Borodulin [et al.]. M., 2001. 912 p. [In Russ.].

13. Pelipenko A. A. Psihicheskij obraz kak component formirovanija smysla [Mental image as a component of formation of meaning] // Mir psihologii [World of Psychology]. 2009. № 4. P. 130–142. [In Russ.].

14. Perelygina E.B. Psihologija imidzha [Image Psychology]. M., 2002. 223 p. [In Russ.].

15. Perelygina E.B. Imidzh kak fenomen intersub'ektnogo vzaimodejstvija: sodержanie i puti razvitija [Image as a phenomenon of intersubjective interaction: content and ways of development]: avtoref. dis. ...

d-ra psihol. nauk [dissertation thesis...Doctor of Psychology]. M., 2003. 63 p. [In Russ.].

16. Podkar S. B. Opredelenie mesta i roli muzeja v pozicionirovanii brenda krupnogo industrial'nogo goroda (na primere Nizhnego Novgoroda) [Determining the place and role of the museum in positioning the brand of a large industrial city]: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk [dissertation thesis... candidate of Sociology]. N.Novgorod, 2009. 23 p. [In Russ.].

17. Pocheptsov G. G. Imidzhelogija [Imageology]. M., 2002. 576 p. [In Russ.].

18. Raizenberg B.A. Sovremennyj socioekonomicheskij slovar' [Modern socio-economic dictionary]. M., 2010. 629 p. [In Russ.].

19. Sanzharaevskiy I.I. Politicheskaja nauka: slovar'-spravochnik [Political science: reference book]. 6th ed. Tambov, 2016. URL: glos.virmk.ru (25.12.2015). [In Russ.].

20. Sovremennyj slovar' po obshchestvennym naukam [Modern social sciences dictionary] / edited by O. G. Danilyan] M., 2005. 528 p. [In Russ.].

21. Sociologicheskij slovar' [Sociological dictionary] / executive ed. G.V. Osipov. M. , 2014. 608 p. [In Russ.].

22. Tomilova M.V. Model' imidzha organizacii [Organization image model] // Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and abroad]. 1998. № 1. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/1998/1/23.html> (15.10.2016). [In Russ.].

23. Feofanov O.A. Reklama. Novye tekhnologii v Rossii [Advertising. New technologies in Russia]. S-P., 2000. 384 p. [In Russ.].

24. Khitarova I.Yu. Filozofsko-kul'turologicheskij analiz informacionnoj bezopasnosti kul'turnogo nasledija [Philosophic and culturological analysis of information security of cultural heritage]: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk [dissertation thesis...Doctor of Philosophy]. S-P., 2008. 33 p. [In Russ.].

25. Shepel V.M. Imidzhelogija [Imageology]. M., 2002. 613 p. [In Russ.].

Оюн О.М.-о., Мишакова О.Э.

Oyun O.M.-o., Mishakova O.E.

**ИГРЫ И ИГРУШКИ ТУВИНЦЕВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВРЕМЕННОЙ ВЫСТАВКИ НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ ИМ. АЛДАН-МААДЫР РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)**

**TUVAN GAMES AND TOYS
(ON THE TEMPORARY EXHIBITION MATERIALS OF THE
NATIONAL MUSEUM OF THE TUVA REPUBLIC NAMED AFTER
ALDAN-MAADYR)**

В рамках статьи авторы на материале одноименной временной выставки Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва показывают эволюцию традиционных игр тувинских детей и проникновение в игры кочевого народа советской игрушки и дворовых игр. Последовательно описаны тематические разделы выставки с наиболее интересными экспонатами.

Также авторы раскрывают формы взаимодействия музея с посетителем в рамках данной выставки, обобщаются ее задачи. В заключении уделено внимание перспективе дальнейшего изучения темы, в том числе в рамках культурно-образовательной деятельности музея.

On the material of the eponymous temporary exhibition of the National Museum of the Tuva Republic after Aldan-Maadyr the authors of the article show the evolution of traditional games of the Tuvan children and the penetration of the Soviet toys and yard game into the games of the nomadic people. Thematic sections of the exhibition with the most interesting exhibits are described subsequently.

The authors also reveal the forms of interaction of the museum and its visitors in the framework of this exhibition and summarize its objectives. In conclusion, the perspective of the further topic study including cultural and educational activities of the museum is paid attention to.

Ключевые слова: Республика Тыва, Национальный музей им. Алдан-Маадыр, временная выставка, игрушка, традиционная игра, дворовая игра, экспонаты.

Keywords: the Republic of Tuva, the National Museum named after Aldyn-Maadyr, temporary exhibition, toy, traditional game, yard game, exhibits.

Выставка – временно действующая музейная экспозиция, создаваемая с целью актуализации наследия, удовлетворения запросов различных целевых аудиторий музея, расширения коммуникативных возможностей музея [20].

Национальный музей Республики Тыва в целях повышения эффективности использования своих коллекций, а также привлечения посетителей постоянно обновляет стационарные экспозиции, проводит различные тематические выставки и культурно-досуговые мероприятия.

Во время осенних школьных каникул 2018 г. для организации досуга детей сотрудниками музея была впервые разработана выставка, посвященная играм и игрушкам тувинцев. Ответственным за разработку выставки был назначен отдел культуры, искусства и религии в лице научного сотрудника, автора О. М. Оюн. В первую очередь, началось изучение фондовых коллекций и отбор музейных предметов – будущих экспонатов. Благодаря слаженной работе отдела фондов и учета, а также выставочного отдела выставка была оформлена в достаточно короткие сроки.

Согласно пространственному решению концепции выставки она разместилась в фойе музея и просуществовала с 1 ноября по 03 декабря 2018 г. Посетителям были представлены 668 экспонатов. Тематическая структура состояла из восьми разделов.

Первый раздел был посвящен детству и роли ребенка в тувинских семьях. Ядром, т.е. ведущим экспонатом этого раздела, стала картина «Счастливое детство», автор А. И. Дондуп (1987 г., г. Кызыл, холст, масло, 100x80 см) [3].

Также в данном комплексе посетители могли познакомиться с бытом тувинского народа, традициями и обычаями оберегания детей.

Отметим, что среди кочевников была высокая смертность детей, поэтому со временем развились верования и обычаи, направленные на оберегание младенцев, а также ожидаемых детей. Например, новорожденным давали псевдонимы и обереги, а также сохранялась пуповина. Подобные традиции были показаны при помощи подлинных экспонатов: Адыг ээрен (Дух «Медведь») – лапа медведя (Тува, XX в., шкура, ткань, ручная работа, выделка, шитье, 15x12,5 см) [15]. Тувинцы издревле почитали медведя великим, могущественным животным, который отпугивает злых духов. Такие ээрены укладывались на дно колыбели или подвешивались рядом. Далее, Ээрен Эвегелчин (Дух «Эвегелчин» – мех, кожа, ткань, бисер, вышивка, ручная работа, выделка, вышивка бисером, шитье, XX в., 18,5x26 см) [9]; Ээрен (Тува, XIX в., ткань, войлок, дерево, камень, ручная работа, шитье, выделка, резьба, мешочек – 29x19; люлька – 14x5,8 см) – шаманский религиозный атрибут, используемый во время камлания, который изготавливался для конкретного человека [4].

Таким образом, богатством тувинских семей были и остаются дети. Продолжатель рода – мерило семейного благополучия и залог счастливой старости.

С приходом советской власти в Тыву и оседлого образа жизни в быт и повседневную жизнь тувинцев проникают обычные для советского ребенка игры, в том числе дворовые, а также массового производства игрушки, что было не типичным и нетрадиционным для тувинского народа.

Тем не менее, в XX в. продолжают сохраняться традиционные игры. В одном из разделов выставки, это подтверждается экспонированием национальных игр. Здесь же детям предлагали разыграть по ролям игру «Сайзанак», в которую играли их сверстники, живущие на чабанской стоянке. Сайзанак (игра в аал) – одна из самых древних игр тувинцев. Используя камешки или деревянные палочки, дети исполняют роли мамы, папы, чабана, табунщика, разыгрывают свадебные и культовые обряды. Во время игры они ходят, друг к другу гости, угощают едой и чаем. К этой игре подходит тувинская поговорка: «Огге кирген, аяк эрмээ ызырар», что означает – тот, кто заходит в юрту, тот обязательно должен касаться губами края пиалы.

Кроме того, игра «Сайзанак» развивает речь и воображение детей.

И. У. Самбу исследователь, автор монографии «Из истории тувинских игр» пишет: «В основном в игру Сайзанак играли дети-пастухи. Во время пастьбы скота из разных камней строят миниатюрные изображения аала или одной юрты со всеми принадлежностями и скотом. Как правило, домашние вещи должны быть расставлены строго по древним обычаям. У самой глубины юрты – дорде, на ширтеке сидит хозяин юрты, от него вправо – тоже на ковре (дожек баарынын ширтээ) сидит хозяйка юрты. За спиной у хозяина стоят два аптара – сундука, от них влево барбы – кожаные мешки, вся половина левой части юрты занята ягнятами и козлятами. Между барбами и ягнятами есть небольшое пространство (чуък узуу), на случай увеличения поголовья скота или приобретения нового инвентаря...» [21].

В жизни кочевого тувинского народа главную роль играла лошадь. Тувинцы разводили также мелкий и крупный рогатый скот, в том числе яков и верблюдов. Мясо и шкура животных обеспечивала семью едой и одеждой в течение всего года.

Заметим, что тувинцы костей животных не бросали. Находки астрагалов известны археологам по многим памятникам, начиная с эпохи энеолита. Однако смысл и предназначение этой вещи зачастую вызывает некоторые споры у исследователей. Так, например, одни считают, что астрагалы использовались только как игральные кости, другие – предметом обрядов и магических культов. Некоторые современные специалисты сходятся во мнении, что астрагалы использовались древними людьми и как игральные кости и как элемент культовых обрядов [1].

Предки современных тувинцев, считали, что кости-астрагалы приносят счастье и способствуют размножению поголовья скота, его сохранности. А игра в кости называется «Кажык». Существует много вариаций этой игры: «кажык кагар» (битье астрагала), «аът чарыштырар» (бег коня), «дорт берге» (игра на счастье). Тувинцы всем четырем сторонам кости давали названия: выпуклой стороне – баран, обратной с ямочкой стороне – коза, стоящей верхней ровной стороне – лошадь, менее ровной стороне – корова.

Другая не менее распространенная игра «Тевек» (почекушки) – игра интернациональная. Она распространена в соседних регионах (Республиках Алтай, Бурятия, Хакасия). Суть игры заключается в том, что играющие поочередно подбрасывают «тевек» ногой, соревнуясь в наибольшей ловкости. «Тевек» изготавливают из свинцовой пластины, через которую продевают пучки гривы или хвоста лошади. Различные варианты представляют собой все более усложняющееся продолжение основной игры. Игра усложняется в том случае, если противники соревнуются с одинаковым успехом. Вначале избирают самый простой способ игры, когда один из игроков подкидывает «тевек» одной ногой, обычно правой и старается подбрасывать «тевек» как можно дольше, не уронив его на землю.

Усложненные этапы игры: Далгыыр-тевек подбрасывали то одной, то другой ногой. Чиннээри – противник, стоя на одной ноге, подбрасывает «тевек», при этом, не опуская его на землю, если отлетал в сторону, игрок может настичь его, подскакивая на одной ноге. Кызыл чиң – от предыдущего отличается тем, что игрок подбрасывает «тевек», стоя на одном месте.

Это одна из сложнейших и интереснейших тувинских игр, которая укрепляла физическое здоровье и сноровку у детей и взрослых. В настоящее время игру «тевек» играют во время празднования Шагаа – нового года по лунному календарю [2].

В одной из витрин первого тематического комплекса были расположены астрагалы для игры Хирлээш, игральная доска, 24 маленьких и два больших (2 быка) камня для игры Буга-Шыдыраа/Бичьи (шахматы). В соседней витрине можно было увидеть безликую куклу из обычного камня, обернутого в кусочек ткани, в которую играли дети простых араатов-чабанов. А рядом, используя один из экспозиционных приемов, была показана кукла, сшитая из войлока в национальной одежде, изготовленная на заказ более состоятельными родителями для своих детей.

Второй раздел был посвящен празднику «Новый год», который особенно ожидается детьми, и узнаваем по фабричным игрушкам и сувенирам. Среди экспонатов центральное место комплекса заняла распространенная в домах советских людей искусственная елка, украшенная соответствующими игрушками. Например, такими яркими символами праздника, как Дед Мороз и Снегурочка, выполненные из пенопласта, стеклянные новогодние шары и елочки, дымковские глиняные игрушки (свистулька в виде лошади – дымковский конь (глина, лепка, краска, 5,5x6,7 см) [19], «Барыня» в расширяющейся книзу колоколообразной юбке с передником и чепчиком (глина, керамика, ручная лепка, роспись ангобом, т.е. жидко разведенной глиной другого цвета, обжиг, гуашевая краска, лак, 13x8 см) [11], «Певница» в расширяющейся книзу колоколообразном платье (глина, керамика, ручная лепка, роспись ангобом, обжиг, гуашевая краска, лак, 16x8,5 см) [12], сувенир-кукла «Русская матрешка» (дерево, резьба, роспись, покраска) [14], «Ло-

шадка, запряженная в телегу» с колесиками (дерево, резьба, роспись, покраска) [13].

Особенно посетителей музея не оставили равнодушными аттрактивные игрушечные деревянные качели, на которых с обеих сторон стоят и качаются жеребята (дерево, резьба, 10x17,7 см) [5], а также металлическая игрушка, состоящая из двух петухов, клюющих зерно из одной тарелки на длинном бревне (металл, заводское производство, 15,5x14,5) [18].

Интересным дизайнерским решением явилось то, что задним фоном витрины с советскими новогодними игрушками стала подлинная картина известной советской художницы Нади Рушевой из серии «Эскизы костюмов к школьному карнавалу». На цветной бумаге изображены дети в маскарадных костюмах «Редиска», «Котенок», «Кенгуру», выполненные фломастером и пастелью (бумага цветная, фломастер, пастель 14,4x28,2см, вторая половина XX в., г. Москва) [10].

В центре выставочной площади была представлена коллекция оловянных солдатиков, подаренная музеем А. В. Поповым, жителем г. Кызыла. Он собирал солдатиков, будучи советским школьником. Среди коллекции есть спартанский командир, фракийский пельтаст, лакедемонский командир, греческий трубач, афинский гоппит, кельтский воин, самурай, асигару [16].

Следующий раздел был посвящен пионерии. После Гражданской войны в России в 1917-1922 гг. в коммунистических кругах стала ощущаться необходимость создать организацию для работы с детьми. В итоге были созданы пионерские организации. Пионер означает «идущий впереди», пионерские символы, атрибуты и ритуалы – важнейшая часть пионерских традиций, что помогало пионерам быть патриотами. На выставке данное направление нашло свое представление через вымпелы, значки, платки пионеров, пионерский барабан. Репрезентативно были показаны советские куклы в школьной форме пионеров. В рамках экскурсии посетители торжественно читали клятву пионера, после чего воспроизводилась аудиозапись барабана и пионерского горна. Такие экспонаты, как – диапроектор, музыкальный проигрыватель, радиола, объектив слайдоскопа вызывали восхищение у маленьких посетителей.

На одной из витрин следующего раздела были выставлены личные вещи Нади Рушевой. Набор цветных карандашей «Искусство» 18 шт. в картонной бумаге, переданный в дар музеем мамой Натальей Ажыкмаа-Рушевой 16 декабря 1999 г. [7]. Альбом для фотографий с коллекциями открыток на тему «Сказки», оформленный Н. Рушевой [6], ее книги: «Серая шейка», «Дикие лебеди», журнал «Мурзилка» и ее рисунки из серии «Танцуйте все!», экспонируемые на выставке впервые.

Шестой раздел рассказывал о советских детских периодических изданиях. Газета «Пионерская правда» №71 (6070) от 3 сентября 1976 г. [8], первая тувинская газета для детей и молодежи, которая выходит и в

настоящее время «Сылдысчыгаш» № 1 от 24 февраля 1945 г. [17] (с 1959 г. по 1990 г. газета не издавалась).

Как показало наблюдение, самым притягательным для детской аудитории оказался седьмой раздел «Дворовые игры советских ребят». В черно-белых фотографиях запечатлены моменты игры, когда тувинские дети только узнавали прятки, футбол, хоккей и т.д. В разделе были представлены ракетки и волан для игры в бадминтон, хоккейная клюшка с шайбой. Для посетителей стали открытием такие советские дворовые игры, как стрельба из рогатки; «копейки»; «резинка», «классики».

В конце экскурсии детям разрешалось принять участие в некоторых дворовых играх. Например, игру «Классики» начертить мелом в стенах музея не представлялось возможным, но современные средства разметки – лента с двухсторонним скотчем заменили его. Восторг у посетителей вызвали и национальные тувинские игры «аскак-кадай», «почекушки» и др.

Подводя итог, следует отметить, что за месяц работы выставки было проведено двенадцать тематических экскурсий. Проект посетило 333 человека. Из них число школьников составило – 292, дошкольников – 14, среди которых были дети-лица с ОВЗ по слуху в сопровождении помощников. А в день всероссийской акции – «Ночь искусств» выставку посмотрели более 800 человек.

Таким образом, на выставке была прослежена эволюция игр и игрушек тувинских детей от национальных, наделенных традициями и обычаями, до советских, знакомых каждому ребенку страны. Основным замыслом выставки было донести до посетителя идею того, что игра является средством умственного, нравственного и физического воспитания.

Тематические экскурсии с детьми проводились в диалоговой форме, использовались игровые техники и мастер-классы. Книга отзывов пополнилась благодарностями за информативную выставку.

Но последующий анализ работы выставки выявил, что в настоящее время дети далеки от дворовых игр и мало знакомы с традиционными играми.

В планах у автора выставки стоит разработка серий о тематических лекциях для школьников начальных и средних классов: «Тувинские традиционные игры» и «Дворовые игры советского времени».

Примечания

1. Астрагалы – это атрибут для обрядов или банальная игра в кости? // Непознанный мир. 04.12.2016. URL : <http://tainy.net/54371-astragaly-eto-atribut-dlya-obryadov-ili-banalnaya-igra-v-kosti.html>. (дата обращения: 14.11.2018).

2. Мендот И. Э.-о. История становления и развития национальных видов спорта тувинского народа : дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2015. 160 с. URL : <http://bsu.ru/content/disser/129/dissertaciya-mendot.pdf#2> (дата обращения: 14.11.2018).

3. Национальный музей Республики Тыва им. А. Маадыр (НМРТ). КП-9584. Ф. Живопись и графика. Скульптура.
4. НМРТ. ВХ-1739/1. Фонд временного хранения.
5. НМРТ. ВХ-988. Фонд временного хранения.
6. НМРТ. КП-10537/33. Ф. Этнография.
7. НМРТ. КП-11058/55. Ф. Документально-письменные источники.
8. НМРТ. КП-11188. Ф. Этнография. Ткань и Кожа.
9. НМРТ. КП-11228/1212. К.о. Ф. 23. Живопись и графика. Скульптура.
10. НМРТ. КП-11517/7. Ф. Декоративно-прикладное искусство.
11. НМРТ. КП-11517/8. Ф. Декоративно-прикладное искусство.
12. НМРТ. КП-11587/3-4. Ф. Декоративно-прикладное искусство.
13. НМРТ. КП-11869/1-7. Ф. Декоративно-прикладное искусство.
14. НМРТ. КП-5027. Ф. Этнография. Ткань и Кожа.
15. НМРТ. КП-8323/2. Инв. № Ш-79 Ф. Этнография. Ткань и Кожа.
16. НМРТ. НВ-2331/1. ВХ-1713/1 Фонд временного хранения.
17. НМРТ. НВ-643/8 Ф. Документально-письменные источники.
18. НМРТ. ПВП. Фонд временного хранения.
19. НМРТ. ПВП. Фонд временного хранения.
20. Российская музейная энциклопедия. Т. 1 / гл. ред. А. А. Сундиева ; ред. Э. В. Расшивалова ; сост. М. М. Кленина, О. В. Кульбачевская. М. : Прогресс : Рипол Классик, 2001. 416 с.
21. Самбу И. У. Из истории тувинских игр. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1974. С. 23-24.

References

1. Astragaly – eto atribut dlya obryadov ili banal'naya igra v kosti? [Is astragalus an attribute for ceremonies or a banal dice game?] // Nepoznanny mir. [Elektronnyy resurs]. URL : <http://tainy.net/54371-astragaly-eto-atribut-dlya-obryadov-ili-banal'naya-igra-v-kosti.html> (14.11.2018). [In Russ.].
2. Mendot I. E.-o. Istoriya stanovleniya i razvitiya natsional'nykh vidov sporta tuvinskogo naroda. Dissert. na soisk. uch. step. kand. ped. nauk. [The history of the formation and development of national sports of the Tuvinian people]. Ulan-Ude. 2015. 160 p. URL : <http://bsu.ru/content/disser/129/dissertaciya-mendot.pdf#2> (14.11.2018). (In Russ.).
3. Natsional'nyy muzey Respubliki Tyva im. A. Maadyr (NMRT). KP-9584. F. «Zhivopis' i grafika. Skul'ptura». [National Museum of the Republic of Tuva named after A. Maadyr (NMRT). KP-9584. F. «Painting and Graphics. Sculpture»]. [In Russ].
4. NMRT. VKH-1739/1. Fond vremennogo khraneniya. [NMRT. BX-1739/1. Temporary storage fund]. [In Russ].
5. NMRT. VKH-988. Fond vremennogo khraneniya. [Hmrt BX-988. Temporary storage fund]. [In Russ].

6. NMRT. KP-10537/33. F. «Etnografiya». [Hmrt KP-10537/33. F. «Ethnography»]. [In Russ.].
7. NMRT. KP-11058/55. F. «Dokumental'no-pis'mennyye istochniki». [Hmrt KP-11058/55. F. «Documentary and written sources»]. [In Russ.].
8. NMRT. KP-11188. F. «Etnografiya. Tkan' i Kozha». [Hmrt KP-11188. F. «Ethnography. Fabric and Leather»]. [In Russ.].
9. NMRT. KP-11228/1212. K.o. F. 23 «Zhivopis' i grafika. Skul'ptura». [Hmrt KP-11228/1212. Ko F. 23 «Painting and graphics. Sculpture»]. [In Russ.].
10. NMRT. KP-11517/7. F. «Dekorativno-prikladnoye iskusstvo». [Hmrt KP-11517/7. F. «Decorative and applied art»]. [In Russ.].
11. NMRT. KP-11517/8. F. «Dekorativno-prikladnoye iskusstvo». [Hmrt KP-11517/8. F. «Decorative and applied art»]. [In Russ.].
12. NMRT. KP-11587/3-4. F. «Dekorativno-prikladnoye iskusstvo». [NMRT. KP-11587/3-4. F. «Decorative and applied art». (In Russ.).
13. NMRT. KP-11869/1-7. F. «Dekorativno-prikladnoye iskusstvo». [NMRT. KP-11869/1-7. F. «Decorative and applied art»]. (In Russ.).
14. NMRT. KP-5027. F. «Etnografiya. Tkan' i Kozha». [NMRT. KP-5027. F. «Ethnography. Fabric and Leather»]. [In Russ.].
15. NMRT. KP-8323/2. Inv. № SH-79 F. «Etnografiya. Tkan' i Kozha». [NMRT. KP-8323/2. Inv. № SH-79 F. «Ethnography. Fabric and Leather»]. [In Russ.].
16. NMRT. NV-2331/1. VKH-1713/1 Fond vremennogo khraneniya. [NMRT. NV-2331/1. VKH-1713/1. Temporary storage fund]. [In Russ.].
17. NMRT. NV-643/8 F. «Dokumental'no-pis'mennyye istochniki». [NMRT. NV-643/8 F. «Documentary and written sources»]. [In Russ.].
18. NMRT. PVP. Fond vremennogo khraneniya. [NMRT. PVP. Temporary storage fund]. [In Russ.].
19. NMRT. PVP. Fond vremennogo khraneniya. [NMRT. PVP. Temporary storage fund]. [In Russ.].
20. Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [The Russian Museum Encyclopedia]. V. 1 / chief ed. A.A. Sundieva; ed. E. Rashivalova; comp. by M.M. Klenina, O.V. Kulbachevskaya. M., 2001. 416 p. (In Russ.).
21. Sambu I. U. Iz istorii tuvinskikh igr [From the history of the Tuvinian games]. Kyzyl, 1974. Pp. 23-24. [In Russ.].

Адеева Ю.Э.

Adeeva Yu.E.

**ОБЪЕКТЫ МЕМОРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ с. КАБАНСК
КАБАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

**MEMORIAL HERITAGE OBJECTS OF THE VILLAGE KABANSK
OF THE KABANSK DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA**

В статье представлен материал по объектам мемориального наследия села Кабанск Кабанского района, Республики Бурятия. В исследовании определено его современное состояние, история создания памятников, прописан статус объектов мемориального наследия.

The article presents the memorial heritage objects material of the village Kabansk of the Kabansk district of the Republic of Buryatia. Its modern condition as well as the history of monuments erection are specified in the study. The status of the objects of the memorial heritage is described.

Ключевые слова: наследие, мемориальное наследие, объекты наследия, историческое наследие, памятник, мемориальные памятники.

Keywords: heritage, memorial heritage, heritage objects, historical objects, monument, memorial monuments.

Потребность в мемориальных объектах свойственна многим народам мира и связана с приданием долговечных форм памяти, запечатлевающие отдельного человека или выдающееся событие [2].

Под «мемориальными объектами», кроме воинских захоронений, можно понимать специально созданные памятники, мемориальные доски, монументы, установленные в местах, где когда-либо происходили значимые исторические события. Они устанавливались на месте рождения известных исторических личностей, в общественных местах и посвящены известным историческим личностям, событиям, имеющим как общегосударственное, так и региональное значение [2].

Как правило, объектами мемориального наследия можно считать памятники истории, объекты исторического наследия. К историческому наследию относятся свидетельства о событиях прошлого, относящихся к конкретной исторической эпохе, историческому событию или связанных с историческим лицом, а также объекты, имеющие историческую значимость, в данном случае градоформирующие объекты, созданные людьми в определенный исторический период [12].

На территории всей России находятся объекты мемориального наследия, и наша республика не исключение. На сегодняшний день в Кабанском районе на государственной охране находятся 56 объектов, которые с полным правом можно назвать объектами мемориального наследия,

17 из них посвящены Гражданской войне, 38 – Великой Отечественной войне. В самом Кабанске расположено 6 таких объектов: 2 памятника связаны с Гражданской войны и 1 – с Великой Отечественной, которые находятся на государственной охране, и 3 выявленных объекта, не имеющих такого статуса [13, с. 249].

За свою более чем 300-летнюю историю Кабанск был сначала заимкой, затем сторожевым острогом, волостным центром и провинциальным уездным городком. Топоним «Кабанск» произошел из-за того, что в данной местности водилось много кабанов, отсюда же и название реки Кабанья, и населенный пункт Кабанск [8, с. 17].

В 1663 г. недалеко от р. Кабаньей участники одного из казацких отрядов первопроходцев, которые пришли в Кударинскую степь из Баргузина по берегу Байкала, основали казачью заимку. Желая обезопасить себя с тыла, они организовали сторожевой пост – кордон, который получил название Кабаний [3, с.19].

За короткий срок воевода Степан Казанец, по приказу окольничего Федора Головина, заложил Кабанский острог. Однако к середине XVIII в. он утратил значение острога и стал именоваться «Кабанской слободой». К сожалению, острог не сохранился, поскольку он был деревянным и пострадал во время пожаров в XIX в. Сегодня место, где он находился, является памятным историческим и мемориальным объектом [7, с. 11]

С начала XVIII в. Кабанск стал играть заметную роль в торговле с Китаем. Этому способствовало удобное расположение близ Байкала и российско-монгольской границы. Кяхтинским купцам был необходим короткий путь к Московскому тракту для перевозки товаров и чая в Иркутск и далее на Запад. Через район проходил знаменитый караванный Чайный путь. С начала века здесь ежегодно стали проводить две торгово-промышленные ярмарки [7, с. 19]. Однако тракт использовали не только для перевоза грузов. По большому Московскому тракту шли тысячи арестантов и ссыльных. Через Мысовую этапировали каторжников в Акатуй, Нерчинск и др., и в 1886 г. в Мысовой был построен пересыльный пункт [2, с. 27].

В Кабанске на поселении жил декабрист М. Н. Глебов. Михаил Глебов был коллежским секретарем, членом Северного общества и являлся участником восстания на Сенатской площади. Вследствие чего был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. 10 июля 1826 г. был осужден по V разряду и по конфирмации, приговорен на каторжную работу на 10 лет, позже срок был сокращен до 6 лет. В сентябре 1830 г. декабрист прибыл в Петровский завод [4, с. 29]. В августе 1832 г. по окончании срока был отправлен на поселение в с. Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Декабристом было подано прошение о переводе из-за болезненных припадков в Братский острог Нижнеудинского округа для проживания рядом с декабристом П.А. Мухановым. Однако в прошении было отказано по «замеченной закоснелости последнего в своих заблуждениях» [10].

В Кабанске он прожил 19 лет, на поселении занимался торговлей и хлебопашеством. 19 октября 1851 г. декабрист скончался в Кабанской слободе, по официальным сведениям, в 47 лет от побоев и отравления, виновными в этом оказались унтер-офицер Кабанской этапной команды Илья Жуков и крестьянская дочь Наталья Юрьева. Остались лишь немногочисленные сведения о пребывании Михаила Николаевича в Кабанске. Могила считается ныне утраченной, и сегодня это мемориальный объект [7, с. 15-16]. В 2018 г. был установлен верстовой столб рядом с Кабанским краеведческим музеем, связанный с пребыванием декабриста М.Н. Глебова [9]. Такие столбы устанавливаются по проекту «По пути декабристов. Чита – Петровский завод» по инициативе жительницы Забайкалья Галины Самариной и отдела Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова [10].

Большая часть объектов мемориального наследия Кабанского района приходится на советский период. Одним из важных этапов установления советской власти были события Гражданской войны, которые не обошли и Республику Бурятию. В феврале 1920 г. Кабанск был занят отступающими каппелевцами. На территории района формировались партизанские отряды, такими были заградительный отряд в количестве 40 человек и Тимлюйская дружина под командованием С. С. Чувашева в составе 60 человек. Эти отряды участвовали в перестрелке с каппелевцами, после чего оставили Кабанск и отступили в селения Пашино и Каргино. Каппелевцы в этом бою потеряли 70 человек убитыми, большое число раненых, 32 человека были взяты в плен [12, с. 269]. Противнику стало ясно, что партизаны не разбиты и снова попытаются взять Кабанск. Также они располагали сведениями, что в Усть-Селенгинском районе насчитывается до 12 тысяч вооруженных партизан, чтобы обезопасить себя в ночное время от внезапного наступления красных, они поджигали на окраинах села стога соломы и сена [5, с. 127].

Партизаны готовились к новым наступлениям противников. В ночь на 16 февраля 1920 г. в с. Каргино и с. Пашино находились около двух тысяч партизан, они готовились к контр наступлению. С рассветом партизаны перешли в наступление и с боями заняли Кабанск. Каппелевцы не были готовы к сражению и отходили к железной дороге. Их отступление было настолько поспешным, что, по свидетельству бывшего командира партизанской роты В.И. Елизова, они не успели выпечь хлеб, сырое тесто увезли в мешках [11, с. 256]. В ходе сражений партизанами было захвачено 100 каппелевцев, в том числе генерал, который командовал тяжелыми артиллерийскими дивизионами колчаковской армии, а также 30 подвод с военным снаряжением [12, с. 269]. Кабанск находился в руках партизан до окончательного изгнания белогвардейцев из района. Белогвардейцы совершали набеги, отбивали обозы, преграждали пути к населенным пунктам, лишая тем самым возможности пополнять продовольственные запасы, сужали пути отступления. Куда бы белогвардейцы

ни посылали свою разведку, всюду натыкались на сильные партизанские заставы [1].

На своем пути отступавшие безжалостно расправлялись с мирными жителями, забирали у крестьян лошадей с упряжью, резали скот и птицу, из амбаров выкатывали бочки с зерном и мукой, вскрывали бочки и все содержимое рассыпали по улицам. А тех, кто поддерживал Советскую власть и партизан, брали в плен и расстреливали [12, с. 270] Места расстрелов являются мемориальными объектами. Такие объекты находятся на территории всего района, например, в г. Бабушкин, с. Таракановка, ст. Боярская и др.

Во время боев партизаны взяли в плен более 230 каппелевцев и семеновцев, убили и расстреляли более 400 белогвардейцев (без учета убитых), захвачено было свыше 100 подвод с упряжью, много военного снаряжения (винтовок, пулеметов, патронов) и большое количество награбленных вещей. Партизаны же потеряли в боях 30 человек; раненных 50 человек. На сторону повстанцев добровольно перешло из семеновской армии около 350 солдат и офицеров [6, с. 78].

Погибшие партизаны-батареицы были похоронены в ограде Христорождественской церкви Кабанска. В настоящее время на ее месте находится Дом детского творчества. На его территории сохранилась Братская могила партизан, в которой захоронены партизаны и красногвардейцы, павшие в бою с каппелевцами в феврале 1920 г. Известно несколько имен погибших: партизаны из Кабанска Л. Перетолчин, П.И. Шадрин, А.П. Сокольников, Ратьков; из с. Каргино – И.Г. Михалев; из с. Береговой – Я. Котов, И.М. Ананьев, П. Боровков, Ипатьев, Котов. Памятник на могиле представляет собой прямоугольный бетонный постамент, на котором находится мраморная плита с именами погибших партизан. Памятник является мемориальным объектом регионального значения [5, с. 122]. По воспоминаниям старожилов, здесь же похоронены около 10 бывших солдат Березовского гарнизона (под Верхнеудинском), добровольно перешедших из семеновских войск на сторону партизан и активно боровшихся за власть Советов [3, с. 58].

От событий Гражданской войны остались объекты, которые находятся по всему Кабанскому району: в г. Бабушкин, с. Кабанск, с. Большая речка, с. Колесово, п. Каменск, с. Выдрино, п. Селенгинск, с. Тимлюй, с. Таракановка, железнодорожных станциях Посольская, Боярская [13, с. 262].

В с. Кабанск в 1929 г. был установлен памятник красногвардейцам и партизанам Усть-Селенгинского района, павшим за власть Советов в 1918-1920 гг., который находится в сквере за универмагом. Памятник представляет собой бетонную скульптурную группу: советский воин и мальчик – пионер с пальмовым венком в руках, он стоит на квадратном постаменте, который имеет усеченную пирамидальную форму, а также на стилобате и двухступенчатой площадке. Сегодня объект находится в критическом состоянии, на постаменте имеются сколы. Согласно Постанов-

лению Совета министров Бурятской АССР № 379 от 29.09.1971 г. памятник является объектом регионального значения [4, с. 123].

Великая Отечественная война оставила огромный след в истории нашей страны. В 1941 г. с ее началом из Кабанского района было призвано около девяти тысяч бойцов на фронт. Они сражались в боях под Москвой и Ленинградом, Сталинградом и Курском, форсировали Днепр и Вислу, штурмовали Берлин, освобождали города и села Польши и Румынии, Венгрии и Югославии, Австрии и Болгарии, Манчжурии и Кореи. В память об этих событиях в Кабанском районе установлено 38 объектов мемориального наследия [10, с. 69]. Это памятники воинам-землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, в г. Бабушкин, п. Каменск, п. Селенгинск, с. Кабанск, с. Береговая, с. Большая речка, с. Фофоново, с. Шерашово, с. Шергино, с. Тресково, с. Сухая и др. [13, с. 254-262].

За годы войны 37 уроженцев Бурятии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 10 воинов стали полными кавалерами ордена Славы. Так, И.И. Быков, Н.Ф. Суворов участвовали в боях под Сталинградом и стали полными кавалерами ордена Славы. До сих пор не подсчитано количество погибших солдат, которые ценой своей жизни продвигали страну к победе, свидетельство томуobeliski и памятники павшим землякам по всему району [8, с. 115].

Только в одном Кабанске на каменной стеле высечено более 200 фамилий героев, павших в боях за Родину [8, с. 54]. Памятник представляет собой скульптурную композицию: на трапециевидном постаменте расположена рука, которая держит зажжённый факел. На постаменте имеется надпись: «Павшим за Родину». По обеим сторонам скульптурной композиции находятся мемориальные доски. С левой стороны представлены кавалеры ордена Славы, с правой стороны списки погибших. Памятник стоит на государственной охране и имеет региональное значение [5, с. 124]. Великая Отечественная война и памятники, связанные с ней, имеют огромное значение для общества. Они позволяют наглядно продемонстрировать подвиг наших предков и вызвать чувство гордости, что особенно важно для воспитания патриотизма будущих поколений.

На территории с. Кабанск находятся 6 объектов мемориального наследия: 2 памятника связаны с Гражданской войны и 1 – с Великой Отечественной, они находятся на государственной охране, и 3 выявленных объекта, не имеющих такого статуса. Таким образом, сохраняя и изучая памятники, мы овладеваем опытом наших предков, приумножаем его и передаем будущим поколениям. Сохранение памятников в настоящее время является важным условием для формирования в обществе правильного, неискаженного мировоззрения, помогающего реалистично оценить настоящее и поставить перед собой реальные цели, и будет способствовать созданию стабильного общества, выросшего на основе истинных, а не ложных знаний о себе, своих предках и своей стране.

Примечания

1. ПМА (Полевые материалы автора). Беседа со Слепневой Верой Иннокентьевной, 1959 г., уроженка с. Кабанск Кабанского района.
2. Исторические источники [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.su/11_12073/_istoricheskiy-istochni.. (дата обращения 15.03.2018).
3. Ворота Забайкалья : 80-летию Кабанского района посвящается / сост. Тамарханов А. К. Улан-Удэ : НоваПринт, 2007. 158 с.
4. Гольдбфарб С. И. Экскурсии по Байкальской Сибири : историко-краеведческий справочник. Иркутск : Репроцентр А1, 2011. 308 с.
5. Историко-революционные памятники Бурятии / сост. А. В. Ти-ваненко [и др.]. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1987. 158 с.
6. Лукьянов М. А. Андрей Плис. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. 120 с.
7. Лукьянов М. А. Кабанск. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 50 с.
8. Любовь и гордость наша – Кабанский район. 90 вопросов и ответов о районе / авт. - сост. Водолазова Л. К. Улан-Удэ : НоваПринт, 2017. 360 с.
9. На территории Кабанского музея установили "верстовой столб" в память о декабристе Михаиле Глебова [Электронный ресурс]. URL: http://minkultrb.ru/news/detail.php?SECTION_ID=116&ELEMENT_ID=20329. (дата обращения: 20.02.2019).
10. Наследие земли Кабанской: историко-культурные и природные достопримечательности, исторические лица, события и поселения Кабанского района / сост. Дорохова Н. Г., Мохосоева Н. А. Улан-Удэ : НоваПринт, 2009.
11. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35686146> (дата обращения: 20.02.2019).
12. Партизаны Прибайкалья : (вспоминая участников Гражданской войны в Бурят-Монголии). Улан-Удэ : Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1957. 269 с.
13. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / Респ. служба гос. охраны объектов культурного наследия ; [редкол. : В. К. Гурьянов и др.]. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010.

References

1. The author's field material (AFM). Beseda so Slepnevoj Veroj Innokentjevnoj 1959 g.r., urozhenska s. Kabansk Kabanskogo rajona [Talk with Slepneva Vera Innokentyevna, born in 1952 in Kabansk of the Kabansk district [In Russ.].

2. Istoricheskije istochniki [Historical sources]. URL: http://studopedia.su//11_12073/_istoricheskij-istochnik.html (15.03.2018) [In Russ.].
3. Vorota Zabaikalja : 80-letiju Kabanskogo rajona posvyaschaetsya [The gate of Transbaikalia: to the 80th anniversary of the Kabansk district is devoted to] / comp. by Tamarkhanov A.K. Ulan-Ude, 2007. 158 p. [In Russ.].
4. Goldfarb S.I. Ekskursii po Baikalskoj Sibiri: istoriko-kraevedcheskij spravochnik [Excursions along Baikal Siberia: historical local history reference book]. Irkutsk, 2011. 308 p. [In Russ.].
5. Istoriko-revolucionnije pamyatniki Buryatii [Historical-revolutionary monuments of Buryatia] / comp. by A.V. Tivanenko [and others]. Ulan-Ude, 1987. 158 p. [In Russ.].
6. Lukyanov M.A. Andrej Plis [Andrew Plis]. Ulan-Ude, 1984. 120 p. [In Russ.].
7. Lukyanov M.A. Kabansk [Kabansk]. Ulan-Ude, 1970. 50 p. [In Russ.].
8. Lubov' i gordost' nasha – Kabanskij rajon. 90 voprosov i otvetov o rajone [Our love and pride – the Kabansk district. 90 questions and answers about the district] / author-comp. Vodolazova L.K. Ulan-Ude, 2017. 360 p. [In Russ.].
9. Na territorii Kabanskogo muzeja ustanovili «verstovoj stolb» v pamyat' o dekabryste Mikhaile Glebove [«The milepost» was erected on the territory of the Kabansk district in honor of the Decembrist Michael Glebov. URL: http://minkultrb.ru/news/detail.php?SECTION_ID=116&ELEMENT_ID-20329 (20.02.2019) [In Russ.].
10. Nasledije zemli Kabanskoj: istoriko-kulturnye i prirodnye dostoprimechatelnosti, istoricheskije litsa, sobytija i poselenija Kabanskogo rajona [Heritage of the Kabansk land: historical-cultural places of interest, historical faces, events and settlements of the Kabansk district] / comp. by Dorokhova N.G., Mokhosoeva N.A. Ulan-Ude, 2009. [In Russ.].
11. Pamaytniki i voinskije zakhoroneniya: obj'ekty istoriko-kulturnogo nasledija ili memorial'nye obj'ekty [Monuments and warrior graves: objects of historical-cultural heritage or memorial objects]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=35686146> (20.02.2019) [In Russ.].
12. Partisany Pri-Baikalja : (vospominaniya uchastnikov Grazhdanskoj vojny v Buryat-Mongolii [Partisans of Pre-Baikal (recollections of the participants of the Civil war in Buryat-Mongolia)]. Ulan-Ude, 1957. 269 p. [In Russ.].
13. Svod obj'ektov kulturnogo nasledija Respubliki Buryatija [Code of the cultural heritage objects of the Republic of Buryatia] / Republican service of state preservation of cultural objects heritage. Ulan-Ude, 2010. [In Russ.].

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2019-1-9-99-107

УДК 394.3(=512.36)

Н. Наранхуар

N. Narankhuar

МОНГОЛЬСКИЙ ТАНЕЦ «АНДАЙ»: ОТ ШАМАНСКИХ МИСТЕРИЙ ДО СОВРЕМЕННОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

MONGOLIAN DANCE «ANDAI»: FROM SHAMANIC MYSTERIES TO MODERN CHOREOGRAPHIC ART

История танца «Андай», бытующего в современном хореографическом искусстве монголов Автономного района Внутренняя Монголия КНР, своими истоками восходит к эпохе хунну. В традиционной культуре монголов действие под этим названием представляло собой шаманский ритуал, исполнявшийся с целью излечения больного, вызванного вредоносными действиями духов. С середины XX в., когда Китай встал на новый путь социально-экономического развития, это действие при полной трансформации своего внутреннего содержания, сохранило присущую ему внешнюю форму и получило новое развитие как наследие народной художественной культуры. В связи с этим в исследовании процесса трансформации древнего шаманского действия в современные массовые хореографические композиции следует учитывать изменения, произошедшие в мировоззрении всего населения КНР.

The roots of the dance «Andai» in the modern choreographic art of the Mongolian people of the Autonomous district of the Inner Mongolia of the Chinese People's Republic are traced in the epoch of the Huns. In the Mongols' traditional culture, the act under such name was like a shamanic ritual performed with the aim of treating a sick person whose illness was caused by the harmful actions of the spirits. From the middle of the XXth century when China started its new social economic development that act kept its peculiar outer form under full transformation of its inner content and developed in a new way as the heritage of folk art culture. In this connection, in studying the process of ancient shamanic act in modern mass choreographic compositions the changes in the worldview of the whole Chinese population should be taken into account.

Ключевые слова: Андай, шаманское действие, ритуал, искусство танца «Андай», культ, мировоззрение, художественное действие.

Keywords: Andai, shamanic act, ritual, dance art of «Andai», cult, outlook, artistic act.

В последние годы танцевальное действо, известное в традиционной культуре монголов под названием «Андай», стало предметом изучения таких научных направлений, как история культуры, музыковедение, этнохореография, медицина и религиоведение. Исследования многих учёных доказывают что население аймака Хурээ хошуу города Тунляо Внутренней Монголии КНР сохранило традицию исполнения танца «Андай», имеющего историю более 300-летней давности. Относительно происхождения этого танца бытуют два отличных друг от друга мнений. Так, монгольский исследователь Ц. Буянзая пишет, что танец «Андай» сложился у наших предков в результате совокупного развития поэзии, музыки и танца». Из изученных нами китайских источников (Нанкиад) обнаруживаются прямые указания на существование танца под этим названием еще во времена хуннской империи. В источниках сообщается, что «постукивающий танец Хүн очень прекрасен», а в сопровождающих его исполнение текстах песен говорится, что когда поет и танцует Андай, то

Очень жесткую землю
Постукиваем до пустоты,
Очень крепкую землю
Постукиваем до разлома ...

По этой своей характеристике хуннский танец близко совпадает с описанием коллективных круговых плясок монголов эпохи Чингисхана, известным по средневековой летописи «Сокровенное сказание монголов»:

Землю со стороны горы облысивая,
Землю со склона горы опустошая ... танцевать.

Таким образом, можно сказать, что танец «Андай», бытующий в современной монгольской хореографии, имеет очень древние исторические истоки и является наследием художественной культуры, полученным от наших предков [1, с. 68-69].

Ряд исследователей высказывают другое мнение. Они считают, что в ранних культурных традициях монголов «Андай» относился к обрядово-ритуальной практике шаманов. В этой связи китайский ученый Юнь Минг пишет: «Шаманский ритуал, во время которого люди излечивали какую-нибудь болезнь, напевая и приплясывая хороводом, назывался Андай» [2, с. 162]. Хадач Г. также относит его происхождение к лечебной практике шаманов: «Шаман сперва диагностирует больного путем бесед с членами его семьи, затем определяет – нужно ли ему «петь Андай» т.е. совершать ритуал излечения. Если да, то когда, в какой день его устраивать» [3, с. 26].

Анализируя структуру и функции танца, следует выделить его внешние составляющие и внутреннее содержание. К внешней форме относятся ритмически организованные пластически выразительные движения и позы человеческого тела, эмоционально и образно сочетающиеся

с мелодией, сопровождающих их песен. Все вместе они воплощаются в хореографической композиции.

Более сложно его внутреннее содержание, оно непосредственно связано с образом мышления и соответствующей картиной мира общества, имевшей свои особенности в разные исторические эпохи. В традиционной культуре соотношение внешней формы танца с внутренним состоянием исполнителя были взаимообусловлены и согласованы. При этом реальной действительностью была только внешняя форма, выраженная в пении и танце.

В соотношении «внешнее» и «внутреннее» в обрядово-ритуальном действе, представлявшем собой шаманское камлание с пением и танцем, целью которого было исцеление больного, огромное воздействие на человека оказывали время, пение и танец, воспринимавшееся исполнителями и всеми присутствующими как магический способ установления связей с миром духов. К этому ряду относится и специально подготовленное место, где происходило все действие. Сюда приводили и помещали больного, оно воспринималось носителями этой традиции как сакральное пространство. Таким образом, место и исполнение обрядового пения и танца «Андай», посредством которого шаман диагностировал причину болезни, магическим способом устранял ее из жизни человека, изгонял злых духов и тем самым пробуждал как в самом больном, так и в его близких веру в выздоровление.

Попытаемся выявить, какие элементы в современном исполнении танца сохранились в качестве культурного наследия, а что подверглось трансформации. В этой связи речь может идти о традициях и новациях в его внешней форме.

В настоящее время район (аймаг) Хурээ хошуу города Тунляо на территории АВР образно называется как «земля искусства Андай Китайской Народной Республики». Здесь трансформации подверглись цель и содержание танца, вследствие чего произошла утрата его связи с шаманизмом. В результате всех новаций по-иному стали восприниматься основные художественно-выразительные средства танца, изменились костюмы, их цветовая гамма, в соответствии с нашей современностью танец «Андай» приобрел статус художественного наследия народного творчества. Он стал восприниматься как культурный бренд аймага Хурээ хошуу.

В трансформированном виде древний танец в своих основных движениях сохранился в сценическом танце, элементах физических упражнений, проводимых во время перерыва в средней школе и занятиях фитнесом. Таким образом, внешняя форма нового «Андай» в условиях нашей современности стала соответствовать его новому содержанию. Ярким показателем трансформаций, произошедших с целью и задачами древнего танца, выступает изменение семантики его основных движений. Если семантика движений традиционного танца означала магические действия отгоняющего характера как «поди дальше», когда «изгоняли

дьяволов», то в современном танце они приобрели совершенно противоположный смысл. Они стали осмысливаться как призыв-приглашение «иди сюда», торжественное приветствие на празднике, на большом праздничном пиршестве.

Сравнительно-сопоставительный анализ формы и содержания традиционного и нового «Андай» показывает, что в древнем танце его внешняя форма и внутреннее содержание были взаимосвязаны. В этом комплексе утрата одного элемента его внешней формы, выраженной в пении, беседе-диалоге или танце, непременно могла оцениваться как искажение его внутреннего смысла, направленного на процесс излечения больного. В настоящее время, как уже отмечалось выше, сохранилась и развивается лишь его внешняя форма. Относительно истории этого процесса, исследовательница из АБР Внутренняя Монголия Саруул Д. пишет: «Если до 1947 года традиционный «Андай» был популярен как религиозный ритуал для излечения какой-либо болезни, то новый «Андай» развивался с 1956 года как жанр искусства» [4, с. 56].

С целью наглядности представим сравнительный анализ традиционного и нового Андай в таблице:

Классификация	Традиционный Андай		Новый Андай	
Социальная роль	Религиозное значение		Художественная культура	
	Внешняя форма (диалог, пение и танец)	Внутреннее бытие (поклонение)	Внешняя форма (пение и танец)	Внутреннее содержание (цель – эксплуатировать)
	Сущность	Цель	Сущность	Цель
	Религия и искусство	Излечивать психическое заболевание	Искусство	- Рынок, Посредничество, эксплуатация, - культурная традиция, - физкультура
Влияние	Относительно идеи		Относительно реальной идеи	
Церемониальный	Сильно		Слабо	
Цель – религиозное поклонение	Есть		Нет	

Таблица демонстрирует, что целью традиционного танца «Андай» было поклонение духам. Новый «Андай» стал сценическим действием, произведением искусства, выражающим радость и веселье.

Приведем анализ процесса унаследования основных движений Андай в сценических постановках. В этой связи, прежде всего, остано-

вимся на вопросах степени сохранности унаследованных от древней традиции элементов, составлявших внешнюю форму шаманского танца.

- *Сохранность основных движений.* А. Хасчимэг отмечает, что «В 1956 году хореограф Жан Лун обучался четырем движениям Андай под управлением народных талантов Бухбаяр и Хадаа в рамках государственной политики сохранения национальной культуры». «Первое движение – раскачивать руки и топтать ногами. Второе – стоя на цыпочках двигаться вперед. Третье движение – бросать платок вверх-вперед. Четвертое – танцевать хороводом» [5, с. 469]. Из изложенного можно заключить, что эти четыре движения сохранились в современном танце «Андай» как его фундаментальная основа. Они используются в неизменном виде при переводе его традиционной формы, представлявшей собой шаманское действо, к новым формам, где танец уже представляет собой явление хореографического искусства.

- В процессе исполнения традиционного «Андай» только больной держал в руках платок, тогда как в современных сценических постановках платок является атрибутом каждого танцора. Таким образом, можно сказать, что применение платка, несмотря на различия в его размерах и цвете унаследовано от традиционного танца.

- По сообщению исследователя Наранмандал, «участники пения традиционного «Андай» бросают все, что у них в руках, некоторые даже бросают раскачивая нижние части их костюмов». В новом танце до сей поры сохраняется движение выбрасывать платок от себя – наружу.

- В неизменном виде сохранилась музыкальная мелодия песен, а трансформация произошла в содержании их текстов. В традиционном «Андай» слова заклинания и слова песни создавались непосредственно на месте его проведения, настраивая на психофизическом уровне больного. В нашей действительности песни «Андай» сохраняют связь с древними традициями лишь в том, что они сочиняются самими его участниками. Кардинально изменилось содержание их текстов, отражающих мышление и мировосприятие современного человека.

- Во внешней форме танца изменениям подвергся цвет платка. Относительно цвета платка Хадач Г. писал, что «согласно ритуалу Андай, в руки больному давали синий или белый платок с завернутыми в одном его конце семенами зерен пяти злаков» [3, с. 39]. Цветовая семантика платков исходит из мифологических представлений, выраженных в монгольском шаманизме в их связи с пантеоном небесных божеств, почитаемых как «чистые», «добрые». «Согласно монгольской мифологии и шаманским представлениям белый цвет – это солнечный свет, и представляет цвет белого и синего 55-ти западных тэнгри...» [6, с. 18].

После революции 1947 г. в Китае традиционный «Андай» был запрещен как «суеверие», а после создания нового правительства в КНР в 1957 г., подвергался критике даже в новом сценическом варианте. Причиной этому послужил цвет платка – неизменного атрибута танца. Поэтому «в 1958 г. в зале партийного комитета Жирим аймак впервые танцевали Андай, держа в руках красный платок – символ победы революции» [3, с.

30]. С тех пор все его исполнители стали использовать платок красного цвета как средство выражения партийной идеологии. В отличие от традиционного обрядового действия «Андай», в котором слова песен были посвящены поиску причины болезни, описанию особенностей места, где находился больной во время проведения обряда, слова песен нового танца имели революционное значение, соответствующее политическим и социальным задачам своего времени.

Сравнительный анализ формы и содержания традиционного и нового танца показывает, что все произошедшие с ним изменения, соответствовали революционной эстетике того времени, социальным изменениям, происходящим в стране и его цели – создавать атмосферу радости и веселья в рамках культурных мероприятий. Например, на празднике работников культуры всей Внутренней Монголии в 1960 г. при исполнении «Андай» напевались такие слова: «Раскачивай красный платок куда угодно и как угодно...» [7, с. 328].

- Изменение внутреннего содержания:

Согласно социальным изменениям произошла трансформация и его внутреннего содержания. Если целью традиционного «Андай» было пробуждение веры в исцеление, устранение чувств боязни и тоски у больного, то их утрата полностью разорвала его связь с религиозно-магическими представлениями.

В последние годы XX в. КНР проводила политику «открытой двери», развития свободной рыночной экономики и это явилось условием отношения к танцу «Андай» как рыночному продукту, который можно использовать в целях экономического развития общества. При этом активно создаются новые постановки, в которых используются местные традиции. Кроме того, как уже отмечалось выше, различные движения, составлявшие отдельные элементы танца, активно вводятся и применяются в упражнениях общественных занятий по физической культуре.

В заключение представим основные события из истории нового этапа развития древнего танца монголов «Андай»:

- в 1956 г. на фестивале профессиональных песен, танцев и драматических инсценировок ансамбль песни и пляски Внутренней Монголии впервые представил новый Андай [3, с. 34];

- в 1960 г. Андай был представлен на собрании работников культуры Внутренней Монголии в Хурээ хошуу [3, с. 37];

- в 1964 г. Эрдэнэбал из Хурээ хошуу вместе с ансамблем «Красная ветка» Внутренней Монголии впервые представил Андай на фестивале многих национальностей в Пекине [3, с. 38];

- в 1985 г. танец исполнялся на церемонии открытия выставки «Андай телега» [3, с. 69];

- в 1999 г. Андай был представлен для участников фестиваля искусства, организованном в городе Тунляо [3, с. 72];

- в 2001 г. Андай «Вечное солнце будет восходить в степи» был представлен на концерте, посвященном 80-летию создания партии [3, с. 73];

- в 2008 г. артисты Хурээ хошуу танцевали Андай на празднике Белого месяца [3, с. 67];

- в 2008 г. художественные деятели Внутренней Монголии танцевали Андай на церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине [3, с. 114].

Все вышеизложенное ярко демонстрирует исторический путь развития традиционного для монголов шаманского ритуала, истоки которого восходят ко временам хуннской империи до одного из национальных брендов культуры и искусства, востребованного в нашей современности. В процессе своей новой жизни традиционный танец монголов «Андай» был приведен к художественной форме и получил дальнейшее развитие как уникальный большой жанр искусства танца.

Примечания

1. Буянзая Ц. Историческая хроника монгольской литературы. Кн. 1. Улан-Батор, 2013.
2. Y Юнь Минг. Культура оригинального танца Китая. Т. 1. Шанхай, 2010. 巫允明《中国原生态舞蹈文化》.
3. Хадач Ган. Полная запись Андай, средний. Тунляо, 2010.
4. Саруул Д. Интерпретация культуры Андай. Хулун-Буир, 2009.
5. Хасчимэг А. Андай – традиция и развитие. Хух Хото, 2010.
6. Дулам С. Цветовая символика и символика направления в Монгольском символизме. Улан-Батор, 2011.
7. Ван Жинг Жы. Об искусстве танца Монгольских национальностей в Китае. Хух Хото, 2009. 王景致《中国蒙古族舞蹈概论》呼和浩特.

References

1. Buyanzaya Ts. Istoricheskaja khronika mongol'skoj literatury [Historical chronicles of the Mongolian literature]. Book 1. Ulaan-Baatar, 2013 [In Russ.].
2. Y Yun Ming. Kultura originalnogo tanca Kitaja [Culture of the original dance of China]. V.1. Shanghai, 2010. 巫允明《中国原生态舞蹈文化》[In Chin.].
3. Khadach Gan. Polnaja zapis' Andai, srednij [Andai full recoding, average]. Tongliao, 2010 [In Russ.].

4. Saruul D. Interpretacija kulture Andai [Interpretation of Andai culture]. Hulun Buir, 2009 [In Russ.].

5. Khaschimeg A. Andaj – tradicija i razvitije [Andai – tradition and development]. Hohhot, 2010 [In Russ.].

6. Dulam Ts. Cvetnaja simbolika i simbolika napravlenija v Mongol'skom simbolizme [Color symbology and direction symbology in the Mongolian symbolism]. Ulaan-Baatar, 2010 [In Russ.].

7. Ban Zhing Zhy. Ob iskusstve tanca Mongol'skikh nacional'nostej v Kitaje [About the dance art of the Mongolian nationalities in China]. Hohhot, 2009. 王景致《中国蒙古族舞蹈概论》呼和浩特 [In Chin.].

Дууриймаа Э.

Duuriymaa E.

СКАЗАНИЕ (СКАЗИТЕЛЬСТВО) И ГОРЛОВОЕ ПЕНИЕ, ИХ ОСОБЕННОСТИ И КОРРЕЛЯЦИЯ

STORYTELLING AND THROAT SINGING, THEIR FEATURES AND CORRELATION

Сказительство и горловое пение, являющиеся древним видом искусства, имеют сакральное значение у народов-кочевников и несут в себе символические коды традиционной культуры. На основе полевых материалов автор доказывает, что они неразрывно связаны с географией проживания, и на их формирование оказали влияние природные, климатические и географические факторы, которые выражаются в исполнении и звучании.

Storytelling and throat singing, being the ancient art forms, have sacred meaning among the nomadic peoples and carry symbolic codes of traditional culture. On the basis of field materials, the author proves that they are inextricably linked with the geography of residence and their formation was influenced by natural, climatic and geographical factors expressed in performing and sounding.

Ключевые слова: сказание, сказитель, горловое пение, культурное наследие, исполнитель горлового пения.

Keywords: legend, storyteller, throat singing, cultural heritage, performer of throat singing.

В становлении этноса, в формировании и передаче его культурного наследия большую роль играют география проживания, природно-климатические условия, флора и фауна и многие другие факторы. Монголы, испокон веков ведущие кочевой образ жизни, имеют уникальные традиции, обряды, и на формирование их характерного мировоззрения, мироощущения и символики оказали влияние природные, климатические и географические факторы.

Основным фундаментальным документом, гарантирующим сохранение культурного наследия народов мира, является Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. Опираясь на положения данной Конвенции, страны проводят свою культурную политику. ЮНЕСКО высоко оценило вклад монгольского народа в наследие человечества, и в 2009 г. зарегистрировало монгольский эпос, а затем, в 2010 г., внесло в реестр нематериальных культурных ценностей и монгольское горловое пение [9].

До настоящего времени исследователи изучали эпосы и горловое пение как явление национальной культуры [3]. Однако методы и технологии сказительства и горлового пения как предмет нематериальной культуры почти не были изучены. И, исходя из вышесказанного, в нашем исследовании мы поставили цель – изучить сказительство и горловое пение в живом исполнении с точки зрения выражения символики.

Время возникновения сказительства и горлового пения невозможно установить, но очевиден тот факт, что, передаваясь как устное народное творчество, эти виды искусства со временем развивались, шлифовались и совершенствовались.

Эпос и горловое пение у монголов возникли как выражение своеобразного мировоззрения, способ выражения образа мышления, эстетического восприятия мира, которые были детерминированы кочевым образом жизни и бытом монголов, тесной связью с природой. Сказительство, эпос и горловое пение имели вербально-музицированное выражение. В рамках нашего исследования мы ставим следующие задачи:

1. Раскрытие понятий «сказительство» и «горловое пение», пояснение их исполнительской методики.
2. Выявление общих черт сказительства и горлового пения.
3. Выявление отличий сказительства и горлового пения.
4. Исследование обрядов и традиций, связанных со сказительством и горловым пением, выявление их символики.

Под термином «сказительство» имеется в виду нематериальное культурное наследие как поэтическое произведение, анимированное оригинальным исполнительским мастерством сказителя [6]. В том числе:

1. Устно-фольклорное наследие, оживленное с помощью особых артикуляционно-произносительных действий сказителя (посредством языка, нёба, зубов, губ, гортани, носоглотки).
2. Устное музыкальное произведение, в котором вербальное поэтическое идеализировано с помощью мелодии.
3. Уникальное гармонизированное сочетание музыки и поэзии в монгольском фольклоре.
4. Уникальное соединение мелодии и поэзии.
5. Ведомый духами гор и степей, созданный в высшем человеческом сознании духовный продукт, олицетворяющий единение человека с природой.

Исходя из вышесказанного следует, что сказительство – это выражение внутреннего мира, мировоззрения самого сказителя, которое проявляется в результате вдохновения как комплексное эстетическое фольклорное творчество, имеющее музыкальные и поэтические характеристики.

Горловое пение возникло на стыке триады: человек-природа-животные и дошло до наших дней. Авторство, время и место возникновения горлового пения не установлено. С точки зрения искусства горловое пение может быть охарактеризовано как специфическое создание звуков и

мелодий в результате напряжения артикуляционных органов произнесения [1; 5].

Горловое пение возникло как связь человека с природой, которая выражается в специфичном приеме пения, таком как:

1. Устное мелодизированное выражение исторической информации.

2. Древняя монгольская мелодия, возникшая на основе тройственной связи человека, природы и животных.

3. Выражение красоты природы и мира, мировоззрения, познания мира с помощью произносительных органов речи как процесс культуры.

Вышесказанное показывает, что горловое пение – это традиционное народное искусство монголов, которое основывается на вдохновении, живом народном творчестве исполнителя горлового пения.

На формирование и развитие сказительства и горлового пения оказывали влияние природно-климатические факторы. Сказительство и горловое пение формировались и развивались в условиях почитания природы, осознания зависимости от нее, поэтому были направлены на умиротворение и задабривание природных сил. В связи с этим, частым мотивом творчества сказителей является воздаяние почести Алтайским горам, горным духам, пожелание благополучия для потомков, размножения скота [3].

Алтайские урианхайцы, прежде чем начать сказительство, сначала хвалили Горы Алтая, чтобы смягчить духов гор, и только затем начинали само сказание. Сказители, по обычаю, преклоняются перед всевышним вечным небом, перед духами гор и местностей, в том числе духами Алтайских гор. Об этом повествует сказитель Сундуй: *«С топшуром в руках я всегда сначала приветствую Алтайские горы. Даже в городе я выхожу с топшуром и обхожу своё жильё три раза и только потом захожу домой и начинаю новогодние приветствия. Это и есть моя вера. Вера облагораживает, просвящает человека. Без духовной практики душа человека ни что иное как пустота»* [7, с. 1011]. В фондах Радио Монголии остались записи исполнения сказания «Хвалебная песня Алтаю» с помощью протяжного горлового пения. Из рассказов старшего поколения сказителей становится очевидным тот факт, что сказительство зародилось в тесной духовной связи с природой, с окружающим миром. Рассказы исполнителей горлового пения, сказаний подтверждают тесную связь их мировоззрения с природно-географическими условиями проживания, их малой родины.

При горловом пении и сказительстве соблюдались определенные обычаи и обряды, которые имели определенную символику. Горловое пение и сказительство сосуществуют вместе с традициями, обрядами и не мыслятся без них. Традиции и обряды монголов с глубокой древности возникли и развивались на фоне природы. Именно поэтому горловое пение и сказительство в глубокой связи с символикой и традициями поддерживают жизненную связь человека с природой.

В сказительстве важную роль играет сам музыкальный инструмент – топшур, который настраивает, вдохновляет сказителя и оживляет, одушевляет само сказание. Сказители почитают свой музыкальный инструмент топшур и, перед тем как начать сказание, проводят обряд его почитания. Считается, что если соблюдать традиции при исполнении сказания, такие как выбор времени суток, времени года, угощение традиционными блюдами, тогда инструмент настраивается и звучит мелодичнее, а поэзия сама идет из уст сказителя. Мелодия инструмента в сочетании и горловым пением служит своеобразным музыкальным фоном для сказания. Сказительство использует богатые образные средства, символику, кроме того, издавна используется горловое пение и музыкальное сопровождение, в связи с чем увеличивалась образно-изобразительная возможность сказания.

Монголы, жившие и кочевавшие вдоль Алтайских гор по долинам великих озёр, имели тесные историко-культурные связи, о чём свидетельствуют пришедшее к нам в наследство горловое пение, сказительство жителей этих регионов.

«Есть одна особенность, которая отличает эпос от обычного фольклора – это почитание народом героев эпоса. Возникновение эпоса связано с почитанием определенных людей-героев, и поэтому о них складывались и сказывались эпосы с соблюдением определенных приемов» [2, с. 24]. Это показывает, что сказительство является совокупным культурным наследием, где объединяются традиции и символика. Сказители из Алтая, перед тем как начать сказание эпоса, сначала прославляют и поют хвалебную песнь Алтаю, а уже затем начинают сказание эпоса. Этим сказатели просят разрешение у хозяев гор, духов Алтая, оказывают почёт и уважение духам. Такие же традиции существуют и в отношении горлового пения. Горловое пение, как и сказительство, берет начало с традиции почитания гор и горных духов, поэтому исполнители горлового пения также почитают Алтайские горы.

Как и горловое пение, так и сказительство не имеют запретных сезонов и времени на исполнение. Тем не менее, существуют места, случаи, моменты, когда исполнение не рекомендуется. Например, во время похорон монголы на месте избегают всяких увеселительных мероприятий, песен, плясок. В Западной Монголии в подобных случаях соблюдают неписаный закон и во время траура на определенное время не исполняются горловое пение и сказания. Этот запрет носит характер табу и объясняется тем, что могут быть увеселены мертвецы и разгневана матушка-земля.

Горловое пение и сказание эпосов изначально призваны умиротворять, смягчать природу, духов гор и земель, оказывать им уважение и почёт и потому являются особым нематериальным культурным наследием. И поэтому обе формы культурного наследия хорошо воспринимаются и звучат на природе.

Горловое пение многие годы воспринималось среди населения как одна из разновидностей извлечения звука, музыкальная способность, од-

нако почти не изучалось как особая форма символики и содержания, которые существуют в сознании монголов. Ветераны искусства по-разному подходят к возникновению горлового пения. Исполнитель горлового пения, передовик искусства Р. Даваажав отмечал: *«Монгольское горловое пение исконно возникло из быта кочевника- монгола. Никто нас извне не обучал этому, мы сами обогащали это пение. Я согласен с тем, что горловое пение возникло на пастбище, когда монгол имитировал звуки природы. Лично я научился горловому пению, когда пас скот, меня никто этому не учил – только общение с природой»* [8]. На наш взгляд, сказанное говорит о том, что горловое пение находится в непосредственной связи с окружающей средой, и это проявляется во внутреннем мире и сущности исполнителя, мастерство исполнителя находит опосредованную поддержку у природы.

У монголов в первый день Нового года по лунному календарю проводится обряд поклонения духам, почитания хозяев гор, лесов и полей, называемый «обоо тахилга», предназначенный для благополучия семьи, скота [4]. В некоторых регионах Алтая во время этого обряда используют горловое пение. Об этом вспоминает исполнитель горлового пения Ц. Цогтгэрэл: *«Помню в детстве в первый день Нового года отец встал рано, все одевались в новую одежду, потом дети поздравляли родителей, садились за стол и в первую очередь пели хвалебную песнь Алтаю. Я прекрасно помню, как потом довольно продолжительное время звучало горловое пение на высоких мягких тонах, затем вся родня отправлялась к горе Жаргалант хайрхан, и там играли на топшуре и исполняли хвалу Алтайским горам. Видимо, таким образом мы доверяли свою судьбу Алтайским горам на целый год. Не помню, чтобы мы ходили в монастырь за благословением к ламам»*. Отсюда можно сделать вывод, что горловое пение и сказание эпоса замещали религию и веру, заменяя посещение службы в монастыре. Также сказитель из династии Занын Жилхар Дамдиндорж поведал нам следующее: *«В последний день уходящего года наша семья просила у духов Вселенной всего наилучшего и, тем самым отводя от нас всё худшее, чтобы оно осталось в уходящем году, и исполняла хвалу Алтаю. Это сравнимо с чтением священных молитв ламами и обещает всего наилучшего в грядущем году, и с этой мыслью исполняю эпосы»* [8]. Отсюда видно, что сокровенные мысли исполнителей горлового пения, сказителей совпадают с сущностью горлового пения и сказания эпосов. Также есть и другое интервью, выражающее подобное мнение: *«Родители мне говорили, что Алтай впоследствии остаётся вместо них, и, помня этот родительский наказ, я несколько раз в году сказываю хвалу Алтаю, исполняю горловое пение»* [8]. Интервью показывает, что исполнитель воспитан в духе преклонения перед природой, почитает символику в комплексном виде. Умение общаться с природой было завещано предками и, дойдя до наших дней, является ценным духовным наследием. Звучание и тембр являются еще одной особенностью этих видов искусств. Иными словами, сказитель выражает суть эпоса, смысл эпоса

своим мастерством – это и есть сказительство. Горловое пение также основывается на мастерстве и внутреннем чутье мастера.

В горловом пении и сказительстве, кроме мастерства и таланта, имеет значение вдохновение и внутреннее чутьё. Становится ясно, что горловое пение и сказительство настраивают и природное мастерство, и вдохновение. Исполнители горлового пения говорят, что исполнять на природе приятнее, и звук получается чище и звучнее. Вот что рассказывает Дамдиндорж: *«В прошлом году я сказывал эпос в одно семье. Со мной был мой сын, и он раскрыл книгу с текстом эпоса (книга «Наранхүү хаан», выпущенная издательством Университета города Ховд). Сын сидел рядом и сверял текст книги с моим сказом. Он сказал: Твои слова и книжный текст совсем разные». Это объясняется тем, что я сказываю тот текст, что мне говорят духи и мое вдохновение. Если я опубликую текст сегодняшнего сказа, то он не будет совпадать с последующим сказом. Но содержание будет совпадать. Иногда чуть больше сказываю о коне, иногда о чём-то другом, но всем регулирует вдохновение»* [8].

Сказительство алтайских урианхайцев отличается от сказительства захчинов, халха и баятов прежде всего тембром. *«Сказительству урианхайцев учат с 14-15 лет, они учатся напряженному сказительству в этом возрасте и голос, и физическое развитие позволяет учиться этому исполнению»* [8]. Это значит, что фоновым тембром будет напряженное гортанное исполнение в горловом пении.

Горловое пение и сказительство связаны между собой и в традициях, и в символическом, но главное в них то, что они опираются на живое исполнительское мастерство. Сказительство – это живое искусство исполнителей эпоса, горловое пение – это живое мастерство людей, использующих голосовые качества. С другой стороны, эпос может быть зафиксирован на бумаге, а горловое пение существует только в виде живого исполнительского мастерства.

Сказительство и горловое пение дошло до настоящего времени как искусство, имеющее древние корни в виде исполнительского мастерства. Они неразрывно связаны с географией проживания, с символикой народа и это выражается в исполнительстве и звучании. Эти виды искусства имеют следующие особенности:

1. Фольклорное искусство формируется в глубине народного быта и мировоззрения и выражает видение мира словесными приемами. Именно поэтому сказительство эпосов, горловое пение являются исконным наследием монгольского фольклора.

2. Сказительство основывается на внутреннем мире, мировоззрении, вдохновении и наконец на музыкальных дарованиях, и поэтому является комплексным выражением искусства и эстетики.

3. Горловое пение возникло, отталкиваясь от природных факторов, на живом исполнительском мастерстве и является коренным искусством монголов.

4. Сказания доносят до слушателей исторические сведения вербально, а горловое пение доносит информацию через мелодию.

5. Горловое пение не имеет текстовой, вербальной фиксации и поэтому имеет только живое исполнительское воплощение. В сказании текст эпоса фиксируется на бумаге и существует независимо от живого мастерства.

6. Сказительство и горловое пение – это наследие культуры, которые сосуществуют в сложной взаимосвязи с традициями и символикой.

7. Сказание и горловое пение – это старинная форма верования, в котором комплексно соединяются порядок обрядов, сами обряды, табу и верование.

8. Сказание и горловое пение как в отдельности, так и в совокупности взаимообогащаются содержательно и являются комплексными выразителями искусства, эстетики, интеллекта, художественного вкуса.

Примечания

1. Бадраа Ж. Монгол ардын хөгжим [Монгольская народная музыка]. Улаанбаатар, 1998.

2. Баясгалан Т. Монгол туулийн сэдэв, байгууламжийн судалгаа [Темы и композиция монгольских эпосов]. Улаанбаатар, 2013.

3. Дулам С. Монгол аман зохиолын онол-1 [Монгольский фольклор] // Аман яруу найраг : монгол соёлын чуулган. 5 боть. Улаанбаатар, 2007.

4. Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй-1. Тоон бэлгэдэл зүй [Монгольская символика чисел]. Улаанбаатар, 2011.

5. Жангар судлал. XIV. ОУ-н ЭШХ-н эмхэтгэл [Жангароведение : сб. сообщений междунар. науч. конф]. Улаанбаатар, 2016.

6. Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь [Краткий толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар, 1966.

7. Из золотого фонда монгольского радио. 2003. Май. С. 1911.

8. Полевые материалы автора (ПМА). г. Ховд, сомоны Чандмань, Дуут, Буянт Кобдоского аймака, 2016-2017.

9. Соёлын биет бус өвийг хамгаалах нь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.mn/p/55>. (дата обращения: 13.01.2018).

References

1. Badraa Zh. Монгол ардын хөгжим [Mongolian folk music].]. Улаанбаатар, 1998 [In Mong.]

2. Bayasgalan T. Монгол туулийн сэдэв, байгууламжийн судалгаа [Themes and composition of the Mongolian eposes].]. Улаанбаатар, 2013 [In Mong.]

3. Dulam S. Монгол аман зохиолын онол-1 [Mongolian folklore] // Аман яруу найраг : монгол соёлын чуулган. 5 боть. Улаанбаатар, 2007 [In Mong.]

4. Dulam S. Монгол бэлгэдэл зүй-1. Тоон бэлгэдэл зүй [Mongolian symbology of numbers]. Улаанбаатар, 2011 [In Mong.].
5. Zhangar sudlal. XIV. ОУ-н ЭШХ-н эмхэтгэл [Genre studies: proceedings of the intern. scient. conf.]. Улаанбаатар, 2016. [in Mong.].
6. Ceval Ja. Монгол хэлний товч тайлбар толь [Short explanatory dictionary of the Mongolian language]. Улаанбаатар, 1966 [In Mong.].
7. Iz zolotogo fonda mongol'skogo radio [From the golden fund of the Mongolian radio]. 2003. May. P. 1911 [In Mong.].
8. Polevyje materialy avtora [The author's field materials]. Khovd city, somons Chandman, Duut, Buyant of the Kobdosky aimag, 2016-2017 [In Mong.].
9. Соёлын биет бус өвийг хамгаалах нь. URL: <http://www.unesco.mn/p/55>. (13.01.2018) [In Mong.]

Мөнхбаяр Б.
Monkhbayar B.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ БУРЯТ

NATIONAL IDENTITY REFLECTION IN THE CONTEMPORARY POETRY OF THE BURYATS

Современные поэты России, Монголии и Китая, пишущие на бурятском языке, воссоздают историю своего народа в поэтической форме, выделяя ее наиболее значимые сюжеты и наиболее выдающихся персонажей. Обращение к древности, привлечение широкого исторического фона, поиски ценностей в восточной цивилизации для бурятской поэзии представляют собой поиски собственного самобытного пути. Используемые поэтами художественные образы призваны пробудить этническое самосознание современников.

The modern poets of Russia, Mongolia and China, who write in the Buryat language, reconstruct the history of their peoples in a poetic form revealing its most significant plots and most outstanding characters. The appeal to antiquity, portraying in a wide historical background, search of values in the oriental civilization represent the search of their own original way in the Buryat poetry. The artistic images used by the poets are aimed to awaken the sense of ethnic identity of the contemporaries.

Ключевые слова: поэзия, народ, национальное самосознание, культурная ценность, патриотизм.

Keywords: poetry, people, national consciousness, cultural value, patriotism.

*Я бурят, я песчинка
огромной оранжевой Азии.*

Н. Нимбуев

Монгольский литературовед Ч. Билигсайхан в произведении «Ухаарахуй» пишет: «Монгольская классическая литература всегда четко придерживалась принципов исторической объективности, основываясь на реальных событиях, либо на их «отголосках» в легендах и преданиях, стихах и песнях. Традиция ведения монгольских родословных положила начало монгольской исторической литературе. То, что вводная часть «Сокровенного сказания монголов», представляющая собой родословную Тэмуджина, была создана во время написания той родословной, не требует доказательств» [7, с. 149].

В действительности монгольские народы на протяжении многих веков с помощью письменных памятников и устных преданий передают

достоверные сведения о своем происхождении, историю своей родины, традиции кочевания, воспитывая на них подрастающее поколение. «Монгольская литература – литература кочевого народа, который, прожив бурно разные периоды своей истории, сумел, оставаясь тем же кочевником, сохранить и поддержать своеобразную культуру» [1, с. 66]. В своей литературе монгольские народы смогли не только показать историю жизни и борьбы, но и сделать ее национальной культурной ценностью, что стало одним из основных признаков поэтического мышления монгольской литературы. Именно этим буряты выделяются среди многих монгольских народов.

В XX в. было создано много произведений, содержащих древнее культурное наследие народа. Следует назвать такие стихотворения, как «Монгол туургатанай дуун» (Песня монгольских народов) Гунги Чимитова, «Миний Шэнэхээн» (мой Шэнэхэн) Б. Бадараа, «Буряад Монгол арадни» (Мой бурят-монгольский народ) Дашидондока Балжинимаева, «Буряад зомди» (Мы буряты) Б. Зийдэгмаа, «Гүн талын шибэнээн» (Шепот степи) Ирины Гомбоин, «Энэ Буряад зон» (Это бурятский народ) Г. Батсуха и др. В поэтическом произведении «Миний Шэнэхээн» Б. Бадараа говорится:

*Шэлүүхэн малгай үмдэжэ, түрүү бариһан,
Нэхы дэгэл дээрээ шонын арһан даха
хэдэржэ,
Утаһатай гуталдаа ямаан пэнише углажа
Шаргадаа мори хүллэһэн,
Саһатай үбэл најардаггүй
Сэнгүүхэн зантай миний Шэнэхээн Буряад!*

*Задагай доро наранда халажа,
самнажа барилдаһан
Зосоом тэнигэр гэжэ дуулажа нарьяһан
Хүдэр мүнгэн хутага
Шанхай дурдан бүһэдээ зүүжэ,
Хүгшэд үбгэдэй урда тээ ёһотой
номтойи ябаһан
монголын нэг угсаа
мини Шэнэхээн!*

*Намдаг ноёноймнай амбан ноёнһоо олоһон
Голой гурбан тохойтой,
гоёл нютаг Шэнэхээн
Шэртэхэдэл зохид
хадануудай шэлэл нютаг Шэнэхээн
Жэлдээ тахил обоотой,
жэгтэй гоёл Шэнэхээн!
Наадан нарьян олонтой,
намжар гоёл Шэнэхээн дээр
наян жэл нютаглаһан намтар түүхэтэй
Миний Шэнэхээн Буряад!*

В рысьей шапке впереди шагающий,
Волчью шкуру поверх дэли накинувший,

Козьи пимы поверх сапог надевший,
Коня в сани запрягший,
Круглый год
С веселым нравом мой Шэнэхэн!

На открытом солнце прогретый,
Танец орла исполняющий,
Протяжные песни исполняющий,
Крепкий серебряный нож
На шелковом поясе носящий,
Мудростью стариков воистину
образованный,
С монголами единый корень имеющий
Мой Шэнэхэн!

Намдаг-нойоном возглавляемый,
У трех излучин реки проживающий,
прекрасный мой Шэнэхэн,
Приятный на вид
горный Шэнэхэн,
Ежегодно обо почитающий
Удительно красивый Шэнэхэн!
Много праздников имеющий,
привольный Шэнэхэн,
Восьмидесятилетнюю историю имеющий
Мой Шэнэхэн!

[6, с. 31].

В начале стихотворения отражены такие особенности материальной культуры шэнэхэнских бурят, как *пэнии* ‘пимы, меховые боты с короткими голенищами, надеваемые в зимнее время поверх унтов, сапог’ [5, с. 113], *шонын архан даха* ‘шуба из волчьей шкуры’, *шэлүүхэн малгай* ‘рысья шапка’, *хүдэр мунгэн хутага* ‘крепкий серебряный нож’. Они создают детальный образ бурята, приспособившегося к природным условиям северо-восточной части Китая. В средней части произведения Б. Бадаараа говорит о своем происхождении, об обычаях и традициях, хозяйственном укладе своего народа. Именно так передавалась история с позиции объективной действительности.

Даши-Дондок Бальжинимаев в произведении «Буряд Монгол арадни» пишет: *Бүртэ-Шоно эсэгэтэй, Гуа-Марал эхэтэй, / Буурал сагаан түүхэтэй буряад монголиуд гээшэбди. / Хорилартай мэргэнэй Баргужин-гуа хатанһаа / Байгал шадар тэнжэһэн барга-буриадуд гээшэбди. / Алан-Гуа эхэмнай, Ара-Монгол нютагнай, / Хун шубуун гарбалнай, хуһан модон сэргэмнай, / Байгал номин далаймнай, Баргужин-Түхэм нютагнай, / Саяан үндэр ууламнай, заяан ехэ Монголнай! / Хамаг Монголые хамталһан Хаан Чингисэй үринэр / Хангай, Хэнтэй, Саяандаа хаяа хадхан һуунал даа. / Онон, Хэрлэн голнууднай олон арадые тэнжээгээ, / «Алтаргымнай» найр наадан аха дүүнэрые нүхэсүүлээ* [6, с. 34] ‘От отца Бүртэ-Шоно и матери Гуа-марал происхождение ведущие, / С седой историей бурят-монголы мы. / Хорилартай-мэргэном и Баргуджин-гуа вскормленные, / У берегов Байкала живущие барга-буряты мы. / Алан-Гуа – мать наша, Северная Монголия – родина наша, / Лебедь – происхождение наше, береза – коновязь наша, / Лазурный Байкал – море наше, Баргуджин-Токум – кочевье наше, / Высокие Саяны – горы наши, великая Монголия – судьба наша! / Потомки Чингис-хана, объединившие всех монголов, / Живут по соседству у Хангая, Хэнтэя и Саян. / Наши Онон и Керулен многие народы подняли, / Фестиваль «Алтаргана» братьев сплотил’. Такие имена, как Бүртэ-Шоно, Гуа-Марал, Хорилартай-Мэргэн, Баргуджин-Гуа формируют глубинный слой истории монгольской кочевой цивилизации. Главная особенность данного стихотворения в том, что автор смог передать смысл и символику происхождения и истории бурятского народа, создания им богатой культуры, проявляющейся в совместно отмечаемых праздниках.

Следует отметить, что поэты используют значимые топонимы (Баргуджин-Токум, Саяны, Хангай, Хэнтэй, Онон, Керулен) для выражения этнического самосознания. Так, Баир Дугаров пишет: *Под голову / Подложив / Подоблачные вершины Саяно-Алтая, / Обнимая весь мир, / Отдыхаю на родине. / Провожая мысленным взглядом / Последние мгновения уходящего тысячелетия* [3, с. 94]. По мнению исследователя творчества Б. Дугарова И. Н. Именохоевой, в данном стихотворении поэт объемно представил тему национальной самоидентификации, а также особой этнокультурной памяти. Культурно-исторический фон – «подоблачные вершина Саяно-Алтая». Это воплощение Родины поэта-художника –

страны, хранящей мира и предания о подвигах кочевых племен [4, с. 236].

Б. Зийдэгмаа в своем стихотворении «Буряад зомди» высказала другую точку зрения:

*...Буряад лэ хүн мүн хаа,
муухай үгэ хэлэхэ ёһогүйш.
Буряад лэ хүн мүн хаа,
муу үйлэ хэхэ ёһогүйш.
Буряад лэ хүн мүн хаа,
буряадайнгаа нэрые хухалха ёһогүйш.
Буряад лэ хүн мүн хаа,
хэлэ, ёһоо мартаха ёһогүйш.
...Үнэн даа, бидэ бултаараа буряад зомди.
Үргэн дэлхэйдэ заяа хуби нэгэтэйбди.
...Буряадайнгаа нэрые үндэртэ үргэе,
Бутанһаа үлүү амжалта гаргая.
Эб, нэгэдэл һайтай байя,
Эрэнхэн дэлхэйдэ алдараа мандуулая!*

Если ты бурят,
не говори дурных слов.
Если ты бурят,
не совершай дурных поступков.
Если ты бурят,
не позорь свою нацию.
Если ты бурят,
не забывай свой язык и традиции.
Действительно, все мы буряты.
У всех нас одна судьба на земле.
Поднимая высоко свое имя,
Достигнем исключительных высот.
Будучи дружными,
Прославим свой народ на земле!
[6, с. 36].

На первый взгляд произведение кажется полным пустых лозунгов и обращений, однако это совершенно не так. Оно выражает осознание автором своего места в обществе, осознание собственного «я». Данный прием оформился еще в древней монгольской литературе. Деятель монгольской культуры конца XIX – начала XX вв. С. Лувсандондов писал: *Эгэл хүн бүр / Ая барих эрдэмгүй / Эзэн хүн бүр / Эгнэгт манлайлах журамтай* [8, с. 79] ‘Не каждый простой человек / Может спеть песню. / Каждый хозяин / Всегда должен быть впереди’. В этом заключается жизненный принцип: «о том, что не следует нарушать устои». В его стихотворении «Буга намнахуй» (Охота на оленя) есть такие строки:

*Бугын эвэр сэрэхийх хоромд
Буун дуу тасхийн хадав
Арван салаагаа сэрвээ дээрээ үүрэн
Аварга заан шиг буга тэрийв
Аяа нөхөд минь
Буга боловч эврээ хайрладаг ахул
Бусчир явдлаа тэвчиж нэрээ хайрлалтай*

В момент, когда встрепенулись олени рога,
Раздался выстрел ружья.
Запрокинув на холку [рога] из 10 ветвей,
Подобно слону-исполину, растянулся олень.
О, друзья, даже олень жалеет свои рога,
Воздерживаясь от дурных поступков,
имя свое берегите!
[8, с. 82].

Выражение «Даже олень, умирая, жалеет свои рога» имеет подтекст того, что любой человек должен на протяжении всей жизни хранить свою честь так же, как олень хранит свои рога. С этой позиции в стихотворении «Мы бурятский народ» проявляются традиции древней монгольской поэзии, указывающие на их связь с современной поэзией.

Монгольский поэт Б. Батсук в произведении «Энэ буряад зон» отразил исторические события, особо значимые для бурятского народа:

*Энэ буриад зон
Домогой һайхан Алан-Гуае
Добу мэргэндэ мордохуулаад,
Боржогон халхын нагаса гүүлэжэ,
Бохирхо забгүй ябаһан гэдэг.*

Этот бурятский народ,
Прекрасную легендарную Алан-Гуа
к Добу-Мэргэну отправив,
Став дядей для борджигинов халха,
Чистоту свою сохранял.

...Энэ буриад зон
Харайжа ерэнэн хариинхидта
Бабжа-Баатараа ябуулхан гэдэг.
Харбаха намнахын шэдеэр
Хатуу харюу бариһан гэдэг.
Энэ буриад зон
Бадан Тураахин баабайгаа
Хаан Пётрто эльгээһэн гэдэг.
Байгал шадарай зондоо
Ханы зарлиг асаруулхан гэдэг.
Энэ буриад зон
Саһатын сагаан орондо
Агбаан хамбаяа ябуулхан гэдэг.
Санид номой ушарта
Сагнаа эртэ гэгээрһэн гэдэг.

Этот бурятский народ
К напавшим чужакам
Бабжа-Батора отправил, говорят.
С помощью магии стрельбы и погони
Жестоко отомстил, говорят.
Этот бурятский народ
Отца Бадана Туракина
К царю Петру отправил, говорят.
Народу, у Байкала живущему,
Царский указ доставил, говорят.
Этот бурятский народ
В белоснежную страну
Хамбо Агвана отправил, говорят.
Благодаря учению,
Преждевременно просветления достиг.
[6, 69-р тал].

Здесь представлены как мифологические (Алан-Гуа, Бабжа-Барас-Батор), так и реальные исторические личности (Бадан Туракин, Агван Доржиев), являющие великими деятелями не только истории бурят, но и всего монгольского мира. В данном стихотворении демонстрируется слияние древних монгольских традиций с буддийским философским миром. Поэт использует буддийский трактат как литературный код, обращаясь к теме просветления, составляющей суть учения Будды.

Наконец, глубоко символично стихотворение поэтессы из Хулун-Буирского городского округа АРВМ КНР Н. Сэмжид «Бурхан-Халдунай бүргэд – би буряад» (Я бурят – орел с Бурхан-Халдуна), в котором лирический герой воспевает свои корни, берущие начало от праматери монгольских народов Алан-Гуа: ...*Байгалһаа хүхэ дүлэ тэнгэри өөдэ аһаан харбаһан / Бартаа болон оргилой оройдо далаа шууха / Бурхан Халдунай бүргэд. / Баряа нь наран һарада үлгөөтэй сүлөөтэ удам / Би – буряад монгол* [9, р. 7] 'От Байкала к синему пламени неба взметнувшийся / Орел Бурхан-Халдуна, / Хранитель свободного рода, держащий солнце и луну. / Я бурят-монгол'. По мнению Л.С. Дампиловой, образ орла как хранителя рода может восходить к орлу, хозяину острова Ольхон. Н. Сэмжэд, выстраивает сложную ассоциативную цепочку: орел с Байкала, соединяясь с орлом Бурхан-Халдуна, символизирующего дух Чингис-хана, объединяет бурят-монгольские корни [2, с. 221-222].

Таким образом, рассмотренные произведения современной бурятской поэзии знакомят с традициями и переменами в культуре народа, его стремлениями, чаяниями и осознанием самого себя. В них прослеживается вектор этноцентризма, который, безусловно, свидетельствует о возрождении этнического самосознания бурят. Мы видим, как поэтическое творчество адаптируется к культурным кодам современности, образуя новый тип этнического самосознания.

Примечания

1. Владимирцов Б. Я. Монгольская литература // Литература Востока. СПб. : Гос. изд-во, 1920. Вып. 2. С. 90–115.
2. Дампилова Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск : Отгиск, 2016. 244 с.
3. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Улан-Удэ : Респ. тип., 2013. 208 с.
4. Именохоева И. Н. «Кочевник» как ведущий концепт в творчестве Баира Дугарова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 235–241.
5. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 2. Улан-Удэ : Респ. тип., 2008. 708 с.
6. Алтан модоной баяр: Монгол, Ород, Хятад Уластахи буряад ирагуу найрагшадай уран бүтээлэй түүбэри. Улаан-Үдэ : Буряад-Монгол ном, 2016. 254 х.
7. Билигсайхан Ч. Ухаарахуй. Шинэ үеийн уран зохиолын онол. Улаанбаатар, 2003. 158 х.
8. Шүлэгч С. Лувсандондовын бүтээл. Эмхтгэсэн М. Гүрсэд, Б. Амаржаргал, Ц. Баярсүрэн // Corpus scriptorium mongolorum. Т. 24. Ф. 1. Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 121 х.
9. Šemjid N. Künny-yin qar-a nidün ükin. Köke-qota, 2007. 116 p.

References

1. Vladimirtsov B. Ja. Mongol'skaja literatura [Mongolian literature] // Literatura Vostoka [Literature of the East]. S.-P., 1920. Issue. 2. Pp. 90–115 [In Russ.].
2. Dampilova L. S. Dukhovno-kul'turnyje kody v poezii mongol'skikh narodov [Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolian peoples]. Irkutsk, 2016. 244 p. [In Russ.].
3. Dugarov B. S. Azijskij alljur [Asian allure]. Ulan-Ude, 2013. 208 p. [In Russ.].
4. Imenokhoeva I. N. «Kochevnik» kak vedushchij koncept v tvorchestve Baira Dugarova ["Nomad" as a leading concept in the works of Bair Dugarov] // Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2014. № 3(15). Pp. 235–241. [In Russ.].
5. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Burjatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary]. Vol. 2. Ulan-Ude, 2008. 708 p. [In Bur. and Russ.].
6. Алтан модоной баяр: Монгол, Ород, Хятад Уластахи буряад ирагуу найрагшадай уран бүтээлэй түүбэри. Улаан-Үдэ : Буряад-Монгол ном, 2016. 254 х. [In Mong.].
7. Билигсайхан Ч. Ухаарахуй. Шинэ үеийн уран зохиолын онол. Улаанбаатар, 2003. 158 х. [In Mong.].

8. Шүлэгч С. Лувсандондовын бүтээл. Эмхтгэсэн М. Гүрсэд, Б. Амаржаргал, Ц. Баярсүрэн // *Corpus scriptorium mongolorum*. Т. 24. Ү. 1. Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1989. 121 х. [In Mong.].

9. Šemjid N. Künny-yin qar-a nidün ükin. Köke-qota, 2007. 116 х. [In Mong.].

Маншеева С.Ц., Гончикина М.Ц.

Mansheeva S.Ts., Gonchikova M.Ts.

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СИМВОЛОВ В ТЕКСТАХ
ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН)**

**THE ROLE AND VALUE OF SYMBOLS IN THE TEXTS OF SONG
FOLKLORE (ON THE MATERIAL OF THE BURYAT FOLK SONGS)**

Феномен символа является одним из результатов культурной деятельности человека. Это особый знак, через который была когда-то осмыслена действительность, а теперь он служит ключом к пониманию. Поэтому мы обратились к вопросу о роли и значении символов в текстах на примере бурятских народных песен, записанные С.Ц. Маншеевой во время фольклорных экспедиций в Агинском районе Забайкальского края.

The phenomenon of a symbol is one of the results of human cultural activity. It is a special sign through which the reality was once comprehended and now it serves as a key to understanding. Therefore, the authors approached the issue of the role and values of symbols in the texts on the example of the Buryat folk songs which are recorded by S.C. Mansheeva during the folklore expeditions to the Aginsk district of the Transbaikal Region.

Ключевые слова: фольклор, искусство, музыка, народные песни, жанры, символы.

Keywords: folklore, art, music, folk songs, genres, symbols.

Одним из источников эстетического воспитания личности является народная музыка, имеющая большие потенциальные возможности воздействия на человека. Наиболее распространённое и доступное средство – это песня. Народная песня, как один из ярких жанров фольклора, составляет основу традиционной музыкальной культуры.

Жизнь бурятского народа всегда была связана с песней. Она сопровождала его и в будни, и в праздники: пели песни во время частых кочевок в поисках лучших пастбищ и во время проведения праздников, различных состязаний, обрядов (проводы невесты, свадьба) и др.

Песни (*дуунууд*) – это произведения стихотворные, отличающиеся особой плавностью и музыкальностью. Они потому и называются песнями, что их можно петь (*дуулаха*). «*Дуун*» буквально в переводе на русский язык означает «звук, голос, песня». «*Дуулаха*» – петь, напевать, последовательно издавать музыкальные звуки. Однако смысл слова «*дуу дуулаха*» означает выражать определенные чувства и переживания, отношения к какому-нибудь явлению или событию при помощи конкретных слов.

В традиционной музыкальной культуре бурят преобладает сольное музицирование, часто с инструментальным сопровождением, песни имеют преимущественно куплетную форму, распространены также хоровые танцевальные композиции. Бурятской народной музыкальной культуре свойственны локальные различия соответственно географическим и этническим зонам.

Рассмотрим роль и значение символов на примере бурятских народных песен, записанных во время полевых экспедиций С.Ц. Маншеевой в Агинском районе Забайкальского края.

Итак, бурятские народные песни «Хадын модондо», «Ардагайм дурбэн туруу», «Аажам талынгаа» были записаны в 2005 г. от Аюровой Лхамы Вандановны (с. Гунэй).

«*Хадын модондо*» – это песня пронизана благодарной любовью к матери, которая своими благопожеланиями желает своим детям самого главного в жизни – счастья, где бы они не находились: далеко от родных мест, либо близко, вернувшись на прежнее место.

Подобно тому, что кукушке суждено куковать, сидя на дереве, также матери суждено своими наставлениями, благопожеланиями, назиданиями воспитывать детей, чтобы в дальнейшей своей жизни они могли жить счастливо. Соблюдение этих *урезлов* считается гарантом счастливой жизни.

Мать в народном творчестве всегда нежна, сильна и прекрасна. Трудно воспитать нравственного человека, если в нем нет чувства любви и уважения к матери. Песни «*Ардагайм дурбэн туруу*» и «*Аажам талынгаа*» близки по содержанию поэтического текста. Здесь ритмическая организация звуков подчинена единой метрической пульсации либо восьмыми (напоминающей легкий бег), либо четверными (подобно размеренному шагу лошади). Слова этих песен глубоко нравственны, пронизаны почтением к родной земле, уважением к родителям, философским осмыслением жизни.

Култ предков-родителей тесно связан с любовью к родным местам. Любовь к родным местам – это особое чувство бурятского народа, которые живут в тесном контакте с природой, которая служит неисчерпаемым источником поэтического слова, созерцательного отношения к жизни.

Песни «*Ардагхан моршем*», «*Түхэреэн шарахан нарамнай*», записанные в селе Гунэй в 1999 г. от Санжаевой Пагмы Тарбаевны, *исполнены на один напев*. По поэтическому тексту все перечисленные песни перекликаются между собой, поэтому их можно объединить в один цикл размышлений о земном бытии, единстве человека и природы. В песнях упоминается вечное солнце, круговорот земли-планеты.

Анализ этих песен позволяет нам отнести их, по классификации Д.С. Дугарова, к старинному виду музыкально-песенного искусства *до-мог дуун к следующим жанрам*:

- лирические «*Хадын модондо*», «*Аажам талынгаа*»;

- песни про родителей и детей «*Ардагайм дурбэн туруу*»;
- песни размышления о земном бытие «*Ардагхан моршием*», «*Тухэрээн шарахан нарамнай*».

Поэтическим приемом для бурятского стихосложения является параллелизм. «Два предложения или их части совпадают со стороны синтаксической структуры и смыслового содержания.

Второе предложение (или часть предложения, или строфа) повторяет мысль, высказанную в первом, и является формально построенным в полном соответствии с первым» [4, с. 67]. Например, образу родной земли может соответствовать образ милого друга, или образу коня – образ друга.

Традиционными образами песен агинских бурят являются животные – лошадь, кабарга. Так, в хороводной песне (*хатарай дуун*) «*Хатархадаа хаядалтай*» («*В беге быстрый и рысистый*») прославляется конь как верный друг степняка-кочевника. Она записана в 2001 г. у Базарай Норжомо (с. Гунэй):

Хатархадаа хаядалтай	В беге быстрый и рысистый
Хазаар дарاماар морин юм даа	Закусив удила бежит мой конь
Ханилаад ябахадам илдамхан	В дружбе верный очень нежный
Харгы замай нухэр юм даа	Дорогу указывает дружок.

В лирической песне (*гуниг дуун*) «*Зээрэнэймнай зулзаган*» («*Дикого животного детеныш*»), записанной также у Базарай Норжомо, описывается кабарга как один из видов диких животных, на которых до сих пор устраивается охота:

Зээрэнэймнай зулзаган	Дикого животного детёныш
Зулгэн дээхэнуур тарашална	На лугу играет
Хабаргаагай зулзаган	Детёныш кабарги
Хагдан дээхэнуур тарашална.	На ветоши играет.

Наиболее яркими персонажами в текстах песен также выступают птицы. Это такие птицы как орел, коршун, турпан, жаворонок, кукушка, ласточка, соловей. В различных мифопоэтических традициях птицы выступают как непреременный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями. Как отмечают исследователи, «птицы могут быть божествами, героями, ездовыми животными богов, шаманов; тотемными животными. Они выступают как особые символы верха, неба, солнца и т.п.» [3, с. 346].

В качестве примера рассмотрим песню «*Элээ бүргэд хоёр шэнги*» («*Подобно орлу и беркуту*»), которая была записана в с. Судунтуй в 2000 году у информатора Болотова Бабу Балдановича.

По жанру относится к эхэ эсэгын магтаалууд (Песни почитания родителей):

1. Элээ бүгэд хоёр шэнги	Подобно орлу и коршуну
Элидэг жэгүүртэн байхалгүй	Паряших птиц нет
Эжы аба хоёр шэнги	Подобно отцу и матери
Энхэрдэг амитан байхалгүй	Ласково заботящихся неть никого

2. Ангир бүргэд хоёр шэнги
Агаарта дэгдэдэг шубуун үгы
Аба эжы хоёр шэнги
Анхардаг амитан байхагүй

Подобно турпану и беркуту
Парящих птиц нет
Подобна отцу и матери
Нежно заботящихся нет никого

Как видно, в песне подчеркиваются образы могущественных птиц – орла, коршуна и турпана. У многих народов «орёл является символом небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия. Это одна из наиболее распространенных и обожествляемых птиц» [3, с. 258]. У бурят следы тотемических верований проявляются в почитании орла. Повсеместно был распространен запрет ловли и уничтожение орла. Поскольку в старину буряты считали, что орел имеет хозяина (*эзэтэй шубуун*), а человек, ранивший или убивший орла, непременно умрет. Учитывая, что особое положение хоринцев по отношению к огню объясняется тем, что они «происходят от орла, доставшего людям огонь от солнца» [1, с. 62].

Образы птиц упоминаются также в жанре лирических песен. Например, жаворонок и ласточка в песне «*Будалан уулын орой дээрэ*» («*На вершине горы Будалан*»):

Будалан уулын орой дээрэ
Булжамуур шубуун сомсор-сомсоргээ
Булжамхан холо нютагаа, нютагаа
Бусажал яажа хурэхэм, хурэхэм бэ.

На вершине горы Будалан
Птица жаворонок щебечет
В родные дальние края
Как же мне обратно вернуться?

Образ кукушки в песне «*Хадын арын модондо*» («*На дереве за горой*»):
Хадын арын модондо
Ханхинадаг ямар хухы гээшэб?

На дереве за горой
Что за кукушка поёт?

Образ соловья встречается в 2-х песнях: «*Ганга мурэнэй гургалдай*» («*Соловей с реки Ганга*»):

Ганга мурэнэй гургалдай
Газахануурнай жэрьенэ

Соловей с реки Ганга
Во дворе щебечет.

и «*Алтан гургалдай шэнгэн аялгаар*» («*Тонким голосом соловей*»):

Алтан гургалдай шэнгэн аялгаар
Артель дээгүүрэм жэргэн байна

Тонким голосом соловей
Над артелью щебечет

Таким образом, орёл, жаворонок, ласточка, кукушка и соловей являются традиционными образами песен у восточных бурят. Кроме того, «ангир (турпан) выступает в бурятской мифологии помощником бога в сотворении земли. Он ныряет и приносит в лапах и в клюве со дна океана ил и глину. Существует миф о том, что турпан прежде был ламой» [5, с. 28]. А также есть поверье о коршуне: «В летние три месяца они имеют своих эжинов. В это время нельзя их убивать» [5, с. 31].

Образы солнца появляются в песнях различных жанров. В качестве примера рассмотрим песню «*Түхэрээн шарахан нарамнай*» («*Золотое наше солнце красное*»), которая относится к песням почитания родителей (*эхэ эсэгын магтаалнууд*), записана у Санжаевой П.Т.

1. Түхэрээн шарахан наранайнгаа
Түбиео тойрохонь мунхэхэн байндаа.
Түрэнэн аба эжынгээ нэрыень нэрлуулжэ
Түбхинэн жаргахал мунхэхэн байндаа

Наше круглое солнце красное
Землю обойдет, как и вечно.
Своих родителей имя прославляя,
Счастливыми станем непременно

2. Алтан шарахан наранайнгаа	Золотое солнце наше красное
Араяал тойрохонь мунхэхэн байндаа.	Землю обойдет, как и вечно.
Абал эжынгээ нэрыень нэрлуулжэ	Своих родителей имя прославляя,
Алдартайл ябахамнай мунхэхэн байндаа.	Знаменитыми станем непременно.

В этой песне «солнце образует параллель образам отца и матери», что характерно для бурятского стихосложения [4, с. 67]. Д.С. Дугаров в своей работе «Исторические корни белого шаманства» указывает на то, что «хори-буряты прежде почитали солнце и луну как своих предков (гарбал). Солнце считалось праматерью, луна – праотцом» [2, с. 58]. Следовательно, соединены культы предков – отца, матери с культом солнца.

В песнях жанра буддын шажанай магтаалнууд (буддийские магталы) выделяются образы дацана и страны Шамбалы. К примеру, песня «Хурин Булгаатай тойрогшо» («Коричневый Булгатай огибая»), которая записана у Батоцыреновой Долгор 2002 г. (с. Гунэй):

Хурин Булгаатай тойрогшо	Коричневый Булгатай огибая
Хүүен байгаа Ономнай	Течёт шумный Онон
Хүүёо Ононой хойморто	На берегу шумного Онона
Хурин зандан дасан лэ	Коричневый сандаловый дацан
Хүргэжэ мүргэжэ ошоходом	Когда зашла помолиться
Хурин хүжын хангалтай.	Стоял аромат благовонной свечи.

В песне восхваляется коричневый сандаловый дацан на берегу реки Онон, в котором аромат благовония. Поэтому восхваление дацана как основного культового буддийского сооружения – традиционный прием в жанре буддын шажанай магтаалнууд (буддийские магталы).

Приведём ещё один пример буддийского магтала (буддын шажанай магтаалнууд). Песня «Шарахан сэсэгэй дэлгэртэ» («Желтые цветы распускаются») записана у Цыбенжаповой Долгор в 2004 году (с. Судунтуй):

Шарахан сэсэгэй дэлгэртэ	Жёлтые цветы распускаются
Шанга наранай хүсэл юм.	Это желание жаркого солнца
Шамбалын орондо түрэхэмнай	В краю шамбалы родиться
Шангахан буянай хүсэл юм.	Это желание добродетелей.

В ней поётся о стране всеобщего благоденствия – Шамбале.

Большое количество песен, записанных в с. Гунэй, воспевают страну, улучшившую быт людей, международную обстановку, людей настоящего времени и др. Например, песня «Хул сагаан хуринөөрөө» («На белоногом буром»), записанная в 1998 г. у Сухэбаторай Бутид (с. Гунэй):

Хул сагаан хуринөөрөө	На белоногом буром
Хүндэюулаа Ворошилов	Ворошилов верхом
Хүдэлмэришэн таряашанай хүбүүды	Сыновей рабочих и крестьян
Талнисуулаа Ворошилов.	Сдружил Ворошилов.

Традиционными образами песен советского периода стали символы технического прогресса: трактор, телефон, электричество и т. д. Приведём песни, записанные у Сухэбаторай Бутид: «Трактористын дуун» «Песня тракториста»:

Трагтор агтым аялга
Талын хүрһэ дохолуулаа
Тангил гансым аялга
Минии зүрхэ дохолуулаа.

Звук хорошего трактора
Степную почву сотрясает
Возлюбленной моей песня
Сердце моё веселит.

и «Араараа татамалхан телефоноороо» («По телефону, протянутому с севера»):

Араараа татамалхан телефоноороо
Артелин сээнтэрээ дуудуулхамнай
Арбаадхан сонхотой кабинет соогоо
Айдарнил нуугаа хаа харюусаарай

По телефону, протянутому с севера,
Центр артели вызову я
В своём кабинете с десятью окнами,
Если будешь ты, любимая, отзовись.

Таким образом, с древних времен самым любимым и широко распространенным видом устной народной поэзии являются песни (*дуунууд*), которые составляли важную часть быта бурят. В песнях воспевались красота родной природы, любовь и уважение к родителям, быстроногий скакун, любовные переживания молодых и другие, жизненные и природные явления. Особенность народной традиции пения у восточных бурят – это отсутствие динамических оттенков. Обычно поют песни «во весь голос», на широком дыхании, сильным открытым звуком. Поэтическим приемом для бурятского стихосложения является параллелизм: два предложения или их части совпадают со стороны синтаксической структуры и смыслового содержания.

Анализ представленных песен показал, что в большинстве случаев в них реализуется традиционное значение символов и при этом они играют важную роль в бытовании народных песен. Большое значение имеют образы родителей, природы, растительного и животного мира, вероисповедания, символы технического прогресса. Символ в песенном тексте закономерен, но если рассуждать о закономерностях употребления, то можно говорить о сложной сети взаимодействий между символами.

В качестве перспективы дальнейшего исследования мы видим несколько направлений. Во-первых, возможно продолжение рассмотрения более широкого круга символов в песенных текстах других исполнителей. Во-вторых, особый интерес представляет сопоставление музыкальной и текстовой сторон песенного произведения, которое позволило бы более глубоко рассмотреть специфику бытования символа в музыкальной культуре бурят.

Примечания

1. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии : материалы и исследования. Новосибирск : Наука, 1986. С. 131-159.

2. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М. : Наука, 1991. 300 с.

3. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей : Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М. : Наука, 1974. 342 с.

4. Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 167 с.

5. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ, 1960. 279 с.

References

1. Galdanova G. R. Struktura tradicionnoj burjatskoj svad'by [The structure of the traditional Buryat wedding] // Tradicionnaja kul'tura narodov Central'noj Azii : materialy i issledovanija [Traditional culture of the peoples of Central Asia : materials and research]. Novosibirsk, 1986. Pp. 131-159 [In Russ.].

2. Dugarov D. S. Istoricheskiye korni belogo shamanstva (na materiale obrjadovogo folklora burjat) [Historical roots of white shamanism (on the material of the ritual folklore of the Buryats)]. M., 1991. 300 p. [In Russ.].

3. Ivanov V. V., Toporov V. N. Issledovanija v oblasti slavjanskikh drevnostej : leksicheskiye i frazeologicheskiye voprosy rekonstrukcii textov. M., 1974. 342 p. [In Russ.].

4. Tudenov G. O. Burjatskoje stikhoslozhenije [The Buryat versification]. Ulan-Ude, 1958. 167 p. [In Russ.].

5. Khangalov M. N. Sobranije sochinenij [Collection works]. Vol. 2. Ulan-Ude, 1960. 279 p. [In Russ.].

Решетникова Т.М.

Reshetnikova T.M.

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ СИБИРИ:
СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОСОБЕННОСТИ**

**ORTHODOX TEMPLES OF SIBERIA:
STRUCTURAL-COMPOSITIONAL AND ARTISTIC PECULIARITIES**

В статье рассматривается история формирования православных храмов Сибири, анализируются их структурно-композиционные и художественные особенности на примере архитектуры ряда церквей Западной и Восточной Сибири.

The article considers the history of building Orthodox temples of Siberia. Their structural-compositional and artistic peculiarities are analyzed on the basis of the architecture of some temples of Western and Eastern Siberia.

Ключевые слова: православные храмы Сибири, «храм кораблем», «сибирское барокко».

Keywords: Orthodox temples of Siberia, «ship temple», «Siberian Baroque».

В сибирских острогах, как правило, возводились первоначально деревянные «клетские» церкви, а через какое-то время они заменялись каменными, преимущественно выполненными в стиле барокко, реже – классицизма, либо на основе их соединения. Сибирское барокко – общее наименование православной архитектуры Сибири XVIII – начала XIX вв. Архитектура сибирского барокко формировалась под влиянием множества факторов: традиций русского деревянного зодчества, новаторских тенденций в гражданской и культовой архитектуре XVII в., русского («московского»/«нарышкинского» и «елизаветинского») барокко, украинского барокко и (в некоторых случаях) буддийского (ламаистского) декора.

В русской архитектуре допетровского периода сложились следующие типы храмов: крестово-купольный, клетский, шатровый, «храм кораблем». Все эти формы, так или иначе, повлияли на культовое зодчество Сибири, поэтому остановимся на их краткой характеристике.

Первый тип храма был позаимствован из Византии. В центре основной части храма расположены четыре столба, на которых при посредничестве парусов и барабана покоится купол. Таким образом, формируется центрически организованное пространство: переступая порог помещения для молящихся, верующие как бы сразу попадают из «дольнего» мира в «горний», а не приближаются к нему постепенно как в католических

базиликальных храмах. Сохраняя общие структурно-композиционные и художественные особенности, схема церковного здания, заимствованная вместе с христианством, претерпела на русской земле и некоторые изменения. Например, при церквях (вначале только при монастырских, а затем и при других) стали устраивать обширные прямоугольные в плане помещения – трапезные.

История русской культовой архитектуры показывает, что изменения структурно-композиционных и художественных приемов в храмовых сооружениях возникают благодаря постоянным взаимовлияниям, своеобразным «качаниям» между каменным и деревянным зодчеством.

В соответствии с канонической схемой каменных православных храмов (притвор, помещение для молитвы, апсида), в основе деревянной церкви простейшего типа лежит сочетание трех срубов (клетей): большего центрального и двух меньших – для притвора (сеней) на западе и алтаря (апсиды) на востоке. Каждый сруб перекрывался высокой двускатной кровлей с главой и крестом, выделявшими церковь из других строений. Такой тип храма, основанный на многовековых традициях деревянного срубного зодчества, получил наименование клетского. Сходство этих храмов с жилыми и хозяйственными постройками свидетельствует об их конструктивном родстве [4, с. 36].

Так как храмы были единственными общественными зданиями в Древней Руси, со временем возникла необходимость увеличения их площади, что привело к появлению новых плановых приемов. Первые упоминания о столпообразных деревянных церквях, рубленых восьмериком и крытых шатром, относятся к XII в. Форма эта не была абсолютно новой. Издавна на Руси возводились высокие многогранные дозорные башни – вежи. Они служили символами надежности и защиты. Восьмериковые шатровые церкви с четырьмя прирубами (притвор, апсида, южный и северный приделы) – «круглые о двадцати стенах» – уже в XV в. считались древнейшим типом русского культового сооружения, а в XVI в. сыграли решающую роль в становлении новых форм каменной архитектуры. В них олицетворялась и устремленность вверх, к Богу, и воплощение мечты о высоте как идеале красоты. Они символизировали объединение и мощь государства. Они также являлись четкими ориентирами, по которым издали узнавали селения, и создавали значимые вертикальные акценты в городской застройке. Во второй половине XVII-XVIII вв. наибольшее распространение получили шатровые церкви, рубленые «восьмериком на четверике»: четырехстенный сруб органично переходит в восьмистенный, завершенный шатром с небольшой главкой. Эта форма перешла и в каменное строительство и особенно широко использовалась при возведении колоколен.

Для отечественного градостроительства XVII в. характерно стремление к регулярности, геометрически правильной планировке. В крупных торговых городах появляются каменные палаты богатых купцов, гостиные ряды, высокие каменные колокольни, намечается тенденция к пере-

носу элементов гражданского зодчества в культовое. Архитектурные формы как светских, так и культовых построек отражают общее стремление к нарядности, обогащению декоративных средств и включению западно-европейских ордерных деталей. Церковь вынуждена отступить под натиском просвещения с одной стороны и купеческой тяги к демонстрации своего богатства – с другой. «Возросшая политическая и экономическая сила городского населения сказалась на увеличении количества каменных приходских церквей, строящихся на «сборные» деньги и во многом воплотившая художественные идеалы посадского люда» [4, с. 236].

Под влиянием посада основным типом церковных зданий становится бесстолпный приходской храм, на строительство которого требовалось меньше затрат, чем на возведение классического крестово-купольного культового сооружения. «Основной небольшой объем храма площадью 60-65 кв. м расширялся за счет трапезной и приделов, которые не уступали по размерам в плане главному помещению. Конструкция сводчатого покрытия церкви была значительно упрощена. Вместо сложного и красивого крещатого свода, характерного для посадских храмов предшествующего столетия, возводится простой, типичный для гражданских зданий, сомкнутый свод. Интерьер церкви теряет структурную связь с крестово-купольной схемой. Смыкающиеся к центру плоскости стен с одной световой главой, а иногда даже без нее, создавали единое пространство, напоминающее палаты, чему способствовал также высокий иконостас, закрывавший алтарную часть. Отсутствие внутренних лопаток и крестообразного членения свода, отмечавших пространственные оси, предоставляло большую свободу иконописцам, которые покрывали плоскости стен многоцветным фресковым ковром, мало считаясь с архитектурной композицией» [4, с. 236]. Происходит разрушение тектонической взаимосвязи объемно-пространственной композиции с декоративными формами не только в интерьере, но и в экстерьере. «Архитектурные членения фасадов свободно размещаются на плоскости, не отвечая конструктивной структуре здания» [4, с. 236].

Тип храма «кораблем» является одним из самых распространенных в отечественной культовой архитектуре XVII-XIX вв. Его формирование происходит в XVI в. В это время в небольших монастырях стали (вероятно, в целях экономии) присоединять к комплексу церкви и трапезной колокольни. При этом колокольня могла возводиться непосредственно над зданием трапезной (церковь «под колоколы»), либо представляла самостоятельный объем, примыкающий к этому зданию. «Первый прием – «соловецкий» – когда колокольня ставится над основным объемом трапезной, завершая ее западный фасад. И второй – «суздальский» – когда она примыкает к западному фасаду трапезной либо по продольной оси, либо к одному из ее углов. Разумеется, определение указанных приемов как «соловецкий» и «суздальский» достаточно условно. Не исключено, что данного типа звонницы монастырских трапезных могли возникнуть несколько ранее или одновременно в других регионах страны. Но до нас

они не дошли» [1, с. 214]. Второй вариант со временем получил большее распространение и вышел за пределы монастырских стен. Соответственно, комплекс церковных сооружений приобретал все более вытянутый вид, отдаляющийся от первоначального центрического плана крестово-купольного типа храма, и стал напоминать корабль. «Корабль», разумеется, – это метафора и обозначает плавание по полному опасностей и соблазнов житейскому морю.

Большинство сибирских церквей XVIII-XIX вв. за редкими исключениями бесстолпные и относятся к типу «храм кораблем». Далее рассмотрим несколько примеров, отражающих характерные особенности такого типа сооружения.

Спасо-Преображенский собор в селе Нижняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области – единственный на Урале образец сибирского барокко – был построен в 1794-1845 гг. Нижний (зимний) храм с престолом в честь Покрова Пресвятой Богородицы был освящен в 1810 г., верхний (летний) храм во имя Спасо-Преображения – в 1845 г. Собор относится к типу церкви «кораблем» и имеет центрально-осевую композицию. Основные его части расположены с запада на восток следующим образом: притвор, колокольня, трапезная, храм (помещение для молящихся), апсида. Композиция здания кажется еще более удлинненной благодаря сильно вытянутому помещению притвора, расположенному при западном входе в собор. Основной объем сооружения представляет собой бесстолпный двусветный четверик, перекрытый сомкнутым сводом, над которым возвышается восьмерик, завершенный куполом на барабане, окруженном еще восемью барабанчиками с главками. Фасады прорезаны оконными проемами в форме полукуруглых арок, обрамленных наличниками, в верхней части – в виде разорванных волютообразных фронтонычков. Им вторят криволинейные фронтоны, завершающие фасады. Углы четверика обработаны пилястрами. С востока к основному объему примыкает большая граненая апсида, перекрытая высоким куполом, завершенным главкой. С западной стороны расположено более низкое здание трапезной, плоскости фасадов которой заполнены двумя ярусами больших окон, оформленных таким же образом, как и окна храма. Далее – колокольня в виде ряда уменьшающихся четвериков, поставленных друг на друга, прорезанных полукруглыми арками. Здание колокольни завершено высоким шпилем. В целом сооружение, состоящее из ряда разновысотных объемов, окрашенное в голубой цвет с добавлением белых акцентов (наличники, пилястры и проч.), с множеством компактно расположенных главок, разнообразными криволинейными элементами, круглыми окошечками, рядами полукруглых арок, выглядит чрезвычайно выразительно, нарядно и в полной мере соответствует барочной стилистике.

Спасская церковь в Тюмени сочетает в своей архитектуре сибирское барокко и псевдорусский стиль. Строительство ее длилось с 1796 по 1819 гг. Нижний (зимний) храм в честь Тихвинской Богородицы был освящен в 1798 г., а верхний (летний) в честь Спаса Нерукотворного – в

1819 г. В 1914-1916 гг. был возведен северный придел, почти точно повторяющий очертания основного объема. В итоге церковь приобрела редкую для Сибири сдвоенную форму с двумя гранеными апсидами. Западные фасады основного храма и северного придела были объединены пристройкой двухэтажной паперти-притвора с оформлением в псевдорусском стиле (шатровые крыльца, дробная пластика фасадов, «вспененные» кокошники, перспективные порталы и пр.).

Храм традиционно вытянут «кораблем». Над трапезной расположена колокольня по принципу «восьмерик над четвериком», немного выше основного храма. Нижний («зимний») храм перекрыт коробовым сводом, верхний этаж – граненым восьмилотковым. Однако объемная композиция церкви переусложнена рядом дополнительных сооружений (северный придел, двухэтажные паперти), а декоративное решение его экстерьера перенасыщено деталями (криволинейные разнообразные по узору наличники, фигурные завершения разорванных фасадов и купольных покрытий с «переломом», ярусно убывающие «восьмерики» с пластичными волютами). При этом «камуфлируется» центрально-осевое расположение частей и несколько теряется архитектоничность здания. И все же белоснежная церковь, нарядно украшенная, покрытая кровлями, окрашенными в зеленый цвет и завершенная позолоченными луковичными главками, производит сильное впечатление. Она довольно компактна, «крепко сбита», выглядит очень торжественно и величественно.

Церковь Захария и Елизаветы в Тобольске строилась с 1758 по 1776 гг. Здание церкви отличается большими размерами. Все ее части – крупный, массивный четверик, завершенный высоким куполом и увенчанный пятью главками на высоких барабанах, пятигранная апсида, завершенная «сплюснутым» луковичным куполом, высокая колокольня, прорезанная большими полукруглыми арками и увенчанная шатровым шпилем, компактный двухэтажный притвор – слиты воедино, образуя плотный монолит. Верхние углы четверика «срезаны» и украшены крупными пышными картушами с круглыми окошечками-люкарнами, органично переходящими в барабанчики угловых глав. Фронтоны фасада и основного объема храма имеют сложные дробные криволинейные очертания. Окна разнообразной формы – прямоугольные, полукруглые, круглые, четырехлепестковые – обрамлены криволинейными наличниками. Раскрепованные межкоконные и угловые пилястры, кронштейны, профилированные карнизы также способствуют созданию сложного декоративного образа церкви.

Крестовоздвиженская церковь – одна из старейших в Иркутске – вначале была деревянной (1717-1719 гг.), затем возводилась в камне (1747-1760 гг.). Типичная схема «храм кораблем» - обширная массивная паперть, высокая многоярусная шатровая колокольня, широкая трапезная с надстроенными колоколообразными завершениями в украинском стиле, монументальный четверик основной части, увенчанный сильно вытянутым трехъярусным барабаном, вырастающим из «сплюсненной» колоко-

лообразной кровли и завершенным небольшой главкой, граненая апсида, – дополняется боковыми приделами (Троицким, Успенским, Иннокентьевским). Сложная объемно-пространственная композиция храма, построенная на контрастах массивных разновысотных призматических объемов и затейливых разнообразных многоярусных завершениях вполне соответствует стилю «сибирское барокко».

Крестовоздвиженская церковь уникальна своим декором, в котором причудливым образом сочетаются московские, украинские и восточные (ламаистские) мотивы. Белоснежные стены храма украшены кружевной резьбой красно-кирпичного цвета. Значительная часть орнаментов несет на себе отпечаток буддийского влияния, стилизуя форму ступ. Это множество остроугольных сложно-профилированных перспективных элементов, не характерных православия [5].

Свято-Одигитриевский собор – первое каменное сооружение в городе Улан-Удэ, возведенное на месте одноименной деревянной шатровой церкви начала XVIII в. Он был заложен в 1741 г., а его освящение состоялось в 1785 г. Композиция собора строится на последовательном нанизывании на продольную ось «запад-восток» основных частей здания: лестница, колокольня, трапезная, храм (молельное помещение) и апсида. «Их объемы, разные по величине и архитектурной значимости, переливаясь друг в друга, создают единый организм, с габаритами в плане 47,70х13,20 м» [3, с. 22]. Основная часть собора – помещение для молящихся – представляет собой двухэтажный бесстолпный массивный четверик, перекрытый высоким сомкнутым сводом (куполом) без кровли и световым двухъярусным фонариком. К нему с востока примыкает пятигранная апсида. Далее располагается низкий и широкий «призматический» объем трапезной и высокая колокольня, относящаяся к классическому шатровому типу «восьмерик на четверике», с отчетливо выделяющимся ярусом «звона» с широкими арочными проемами. «Простая внутренняя структура отчетливо проявляется во внешнем облике здания. Невысокий нижний этаж предназначался для «теплой» зимней церкви, верхний – для летней. Вход в верхний храм осуществлялся по крутой монументальной лестнице, расположенной по оси здания, через второй этаж колокольни, а в нижний – через первый этаж колокольни с северной и южной ее сторон. В каждом случае помещения колокольни выполняли функцию сеней. Такое построение препятствовало проникновению холодного воздуха внутрь помещения для молящихся, поэтому этот прием получил широкое распространение в Сибири» [3, с. 22.]

Особенностью объемно-пространственной композиции собора является гармоничное соотношение вертикалей и горизонталей, динамики и статики разновысотных, но уравновешенных по массе и силуэту объемов храма (помещения для молящихся), колокольни и трапезной: «Мощному устремлению шпиля колокольни ввысь противопоставляется более спокойный и изящный взлет ярусного завершения церкви. Трапезная при этом играет роль почти инертной вставки, объединяющей своей массой и

сдерживающей динамику высотных объемов. Косоугольный объем крытой двухмаршевой лестницы, ведущей на второй этаж с западной стороны, и сравнительно скромный граненый объем апсиды, завершенный изящной главкой, подчеркивают органическую связь здания с землей, из которой оно вырастает, устремляясь ввысь» [3, с. 23]. Уникальной особенностью Одигитриевского собора является отсутствие кровли на сомкнутом своде (куполе) помещения для молящихся.

Помимо вышеуказанных композиционных особенностей «барочность» собора проявляется в его архитектурно-декоративном оформлении. Здесь можно обнаружить связь с формами деревянного культового зодчества и узорчатой кирпичной архитектуры Северо-Восточной Руси конца XVII в., в свою очередь развивавшейся под влиянием церковной культуры Украины и Белоруссии. «Вертикальные элементы отмечают лишь места сопряжения стен. Это однотипные лопатки, расчлененные горизонтальными выступающими валиками, – явное воспроизведение в камне мест врубок. Архитектурное оформление окон ведет свою родословную от искусства резьбы по дереву, мотивы которого перенесены на кирпичные детали фасадов» [3, с. 23].

Влияние «петровского» и «елизаветинского» барокко проявляется в оформлении стен и частей, венчающих здание. Используются упрощенно трактованные ордерные элементы. Стены «четверика» завершаются округлыми фронтонами с четырехлепестковыми окошками-люкарнами и фигурными кокошниками по углам. Все эти элементы создают эффект сглаженности, скругленности углов, криволинейности, свойственной барокко, и осуществляют плавный переход к куполу. Стенки двухъярусного фонаря, завершающего главу храма декорированы уменьшающимися по высоте волютами. Однако декоративное обрамление окон, традиционная трактовка горизонтальных тяг в виде узорчатого выступа сохраняют характер более ранней допетровской архитектуры [2, с. 38].

На фоне белоснежной поверхности стен выделяются, образуя живописно-выпуклый (также белоснежный) рельеф, различные архитектурно-декоративные элементы: лопатки, горизонтальные декоративные пояса, кружевное оформление окон. Благодаря сочетанию всего этого обрамления с насыщенно синими кровлями, позолоченными элементами, венчающими здание (шпиль колокольни, главка храма) возникает радостное ощущение жизни, совсем не мистическое, но в то же время не приземленное, а приподнятое.

Свято-Троицкая церковь г. Улан-Удэ вначале была деревянной. В 1798-1809 гг. было построено каменное здание. Главный храм был освящен в 1816 г., северный придел в честь Покрова Божией Матери – в 1818 г., южный придел в честь Святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца – в 1856 г. На единую композиционную ось сооружения с запада на восток «нанизаны» следующие элементы: притвор, колокольня, помещение для молящихся, апсида. С севера и юга к ним примыкают небольшие здания притворов. Главный храм состоит из двухэтажного строгого четвери-

ка и двух восьмериков – широкого низкого и более узкого высокого, и завершается луковичным куполом на восьмигранном основании. Колокольня имеет вполне традиционное композиционное построение: восьмерик на четверике, и завершается шпилем, вырастающим из купола.

Особенностью архитектуры Свято-Троицкой церкви является сочетание черт классицизма и барокко. Строгость, ясность, преобладание прямых линий и углов, имитация рустика, сдвоенные угловые пилястры, треугольные фронтоны над окнами, отчетливость в отделении одних элементов от других, отсутствие пышного декора – все это свидетельствует о господстве стиля классицизм в данном сооружении. Однако, ярусные построения основного объема храма и колокольни с уменьшающимися элементами, различия в их завершениях – куполообразных и шпалеобразного, криволинейные элементы в оформлении окон, вносят в архитектурное решение храма барочное звучание.

Таким образом, структурно-композиционные и художественные особенности сибирских православных храмов прямо или косвенно отражают многовековые процессы формирования отечественной архитектуры как допетровского, так и Нового времени, процессы сложного взаимодействия местных и иноземных влияний, деревянного и каменного, культового и гражданского зодчества России.

Примечания

1. Мельник А. Г. К вопросу о происхождении трехчастной осевой архитектурной композиции (церковь-трапезная-колокольня) // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991. С. 211 – 216.

2. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. 248 с. : ил.

3. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск : Наука, 1983. 191 с. : ил.

4. Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры. М. : Архитектура-С, 2007. 512 с.

5. Крестовоздвиженская церковь. Иркутск. URL: <https://posmotrim.by/article/krestovozdvizhenskaya-cerkov-irkutsk.html>.

References

1. Melnik A.G. K voprosu o proiskhozhdenii trekhchastnoj osevoj arkhitekturnoj kompozicii (cerkov'-trapeznaja-kolokol'nja) [To the matter of three-part axial architectural composition origin (church-refectory-bell tower)] // Pamyatniki istorii i kultury Verkhnego Povolzh'ja [Monuments of history and culture of the upper Volga region]. N. Novgorod, 1991. Pp. 211-216 [In Russ.].

2. Minert L.K. Arkhitektura Ulan-Ude [Ulan-Ude architecture]. Ulan-Ude, 1983. 248 p. [In Russ.].

3. Minert L.K. Pamyatniki arkhitektury Buryatii [Architectural monuments of Buryatia]. Novosibirsk, 1983. 191 p. : il. [In Russ.].

4. Pilyavskiy V.I., Tits A.A., Ushakov Y.S. Istorija russkoj architektury [History of the Russian architecture]. Moscow, 2007. 512 p. [In Russ.].

5. Krestovozdvizhenskaya cerkov' [Krestovozdvizhenskaya church], Irkutsk. URL:<https://posmotrim.by/article/krestovozdvizhenskaya-cerkov-irkutsk.html> [In Russ.].

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

DOI 10.31443/2541-8874-2019-1-9-139-145

УДК 378.147:02

Езова С.А.

Ezova S.A.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ

PRESENTATION AS MEANS OF TRAINING FUTURE LIBRARIANS

В статье освещается опыт применения презентаций и самопрезентаций в подготовке библиотечных специалистов, акцентируется внимание на достоинствах презентаций без компьютера (с интеллект-картами), презентаций, основывающихся на «живом» общении.

The article highlights the experience of using presentations and self-presentations in training library specialists with the emphasis on the advantages of the presentations made without any computer (with intellect cards) on the basis of «lively» interaction.

Ключевые слова: презентация, виды, положительные стороны, недостатки, особенности применения, эффективность.

Keywords: presentation, types, positive sides, disadvantages, particulars of the usage, effectiveness.

Презентация (от лат. present) – это способ представления информации, разновидность деловой коммуникации.

Презентовать, значит преподнести, подарить (сделать презент), оказывать почет, предъявить для ознакомления (офиц.), представить (офиц.) и т.п.

Презентация является популярным методом обучения в высшей школе и активной формой библиотечно-информационного обслуживания пользователей в библиотеках различного типа и вида.

В статье освещен опыт проведения самопрезентаций студентов, презентации книги педагога, презентации жизни и творчества библиотечных специалистов – подвижников в библиотечной сфере, презентации традиционной и аудио (говорящей) книги, тематической презентации («Деловой этикет в библиотеке»). Независимо от вида презентаций в каждой из них реализуется цель сформировать у студентов установку на клиенто-ориентированный подход в учебном процессе и библиотечной деятельности.

В свете документов: «Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе Модельного стандарта дея-

тельности общедоступной библиотеки», «Методических рекомендаций по модернизации муниципальных библиотек на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки (в рамках реализации Национального проекта «Культура»)» муниципальная библиотека рассматривается «как коммуникативная площадка общественного диалога, интеллектуального и социального развития, просвещения и культурного досуга населения. Кроме того, общедоступная, муниципальная библиотека – площадка общения, коммуникации и реализации инициатив успешных граждан, занимающих активную жизненную позицию, модератор местного гражданского общества, инструмент повышения качества жизни» [2].

Учитывая, что ведущей функцией деятельности публичной библиотеки является коммуникативная, а библиотекарь признан коммуникатором, делаем попытку при изучении учебной дисциплины «Этика библиотечного общения» вовлечения студентов в процесс «живой» коммуникации посредством различных видов презентаций.

Презентация студентом себя, своей личности (самопрезентация), своих Эго-состояний, Я-концепции, интересов, предпочтений и т.д. – это итог самодиагностики студентов (по разным критериям, в том числе перечисленным), на занятиях и самостоятельно. Уровень качества выполнения студентами своих портретных характеристик весьма различен: от презентаций с использованием своих архивных материалов (детских фотографий и других материалов), предметов творчества, а в итоге – создание многогранного образа своей личности до обрисовки себя фрагментарно с признанием отсутствия у себя каких-либо увлечений, интересов.

Замечу, что студенты относятся с большим желанием к разработке собственных презентаций, т.к. сам процесс носит творческий характер, вызывает дух соревнования, стремление разработать лучшую презентацию, формирует критическое мышление (анализ презентаций сокурсников), активизирует артистические способности студентов в публичном выступлении. Этот вид самопрезентаций представляется весьма перспективным в подготовке будущих библиотекарей.

О.В. Москаленко, активно использующая презентации в учебном процессе, отмечает, что презентации без компьютера «дают больше возможностей для вовлечения аудитории в обсуждение. Так, например, презентации на больших листах – одна из разновидностей презентаций без компьютера, позволяющая создать целостную картину и донести ее до всех членов группы; учесть и отразить секторы, вызывающие изменения в этой картине. Она дает возможность аудитории увидеть схему сложного процесса, что облегчает процесс его усовершенствования, или создать карту, охватывающую все заинтересованные стороны проекта. Более того, в процессе создания такой презентации вовлечены все члены группы» [4, с. 113].

Остановлюсь на примере использования интеллект-карты: «Библиотекарь – коммуникатор» в презентации книги педагога, профессора

кафедры «Коммуникация в библиотечном пространстве». После вступительного слова одного из руководителей вуза о научной деятельности преподавателя в сфере коммуникации, сообщения педагога о своем опыте написания научных статей, книг, выступлений преподавателей, библиотечных специалистов из Национальной библиотеки Республики Бурятия, из научной библиотеки ВСГИКа с оценкой творчества педагога, студенты продемонстрировали (презентовали) разработанную под его руководством интеллект-карту. Через неё они посредством визуализации представили свое осознание различных видов профессиональной деятельности, в которых библиотекарь выступает в этой ипостаси с указанием используемых им форм, методов организации интеллектуального досуга, культурно-просветительских мероприятий, организации межкультурного, межнационального диалога, полилога и др.) [3].

В интеллект-карте акцент был сделан и на значимых компетенциях библиотекаря, таких как: «коммуникабельность, умение взаимодействовать с окружающими в процессе деятельности, критическое мышление и творческий подход» [2].

Интересной оказалась воплощение в ряде презентаций идеи «С кого сделать жизнь». С целью развития профессионального сознания студентов им было предложено подготовить презентации о жизни и деятельности библиотекарей-практиков, подвижников библиотечного дела, бывших директоров Национальной библиотеки Республики Бурятия Ю. А. Хараева, Юношеской библиотеки г. Улан-Удэ – Е. Ю. Рябушевой, известного специалиста в области ББК, к.п.н. Э.Р. Сукиасяна, библиотекаря Костенеевской из сельской библиотеки, Э. Д. Гюзаевой и др. Базой для создания презентаций послужили книги героев презентаций, печатные и электронные издания о них, и даже интервью (одной студентке удалось взять интервью в Интернете у Э. Гюзаевой).

Закljučая презентацию, студенты сделали аргументированный вывод о том, что все персоны, о которых шла речь, личности яркие, творческие, одухотворённые, коммуницирующие. Тесные контакты с местным сообществом, а также с библиотечным (российским и даже у некоторых с международным) – отличительная черта этих известных подвижников библиотечной сферы.

В процессе проведения презентации студенты закрепили навыки овладения психологическими механизмами воздействия на слушателей:

- убеждение – аргументы, факты использовали для доказательства роли библиотечных специалистов в развитии своих библиотек, библиотечной отрасли;

- внушение – его воздействие зависело от степени доверия слушателей к выступающему, его уровню подготовки;

- заражение – однако не всем оно удалось, т.е. заразить своим восторженным отношением к герою презентации, к освещаемому событию;

- подражание – акцентирование внимания слушателей на те или иные личностные, профессиональные привычки героев презентации.

В рамках учебного процесса магистранткой Д.Ч. Дымчиковой была организована в Улан-Удэнской местной организации Всероссийского общества слепых презентация и торжественная передача озвученной версии книги незрячего писателя из Бурятии в специальном формате для слепых и слабовидящих пользователей Национальной библиотеки Республики Бурятия.

В 2018 г. член БРО ВОС (Бурятского Республиканского Отделения Всероссийского Общества Слепых), ее бывший председатель, директор предприятия «Пересвет» этой же организации, Владимир Михайлович Перхоров издал книгу «Всероссийское общество слепых в Бурятии: хроника прошедших событий». Ее плоскочечатный вариант был презентован в рамках «Книжного салона» 27 октября 2018 г., организованного Национальной библиотекой Республики Бурятия. Кстати, она удостоилась звания победителя в республиканском конкурсе «Книга года» в номинации «Лучшее издание для незрячих и слабовидящих». Учитывая пожелания гостей мероприятия, книга была озвучена другом автора Ларисой Леонидовной Кильдеевой, бывшим директором Республиканской библиотеки для слепых, заслуженным работником культуры Республики Бурятия, переведена в формат LKF.

В заключении презентации книга была передана в Фонд обязательного экземпляра Национальной библиотеки Республики Бурятия.

Презентация прошла на большом эмоциональном подъеме ее участников: автора книги, заведующей Центром Обслуживания Граждан с ограничениями жизнедеятельности, бывшим директором библиотеки для слепых и слабовидящих, которая озвучила книгу. Все они являли собой людей увлеченных, ответственных, бескорыстных, для которых дело выше личных амбиций, проблем. Теплые, добросердечные отношения участников мероприятия – слепых и слабовидящих – произвели сильное впечатление на присутствующих студентов. Подобный тип отношений, поведения между людьми может благотворно повлиять на развитие эмоционального интеллекта будущих специалистов библиотечного дела. На учебном занятии после презентации студенты смогли в целом полно и точно охарактеризовать специфику презентации традиционной книги и специфику «говорящей» книги.

Некоторые презентации составляются в программе Power Point [6].

Основой презентации на тему «Деловой этикет в библиотеке» послужил сценарий:

Вступление: Общая характеристика этикета. Виды этикета.

Основная часть:

1. Деловой этикет (этикет приветствия, обращения, представления, этикет одежды, этикет разговора по телефону, этикет поздравления, этикет фуршета и др.).

2. Этикет в социальных сетях.

3. Этикет взаимодействия с лицами с ОВЗ и инвалидами.

4. Этикет общения с детьми – пользователями библиотеки.

5. Заключительная часть. Обзор литературы, экспонируемой на книжной выставке [1, с. 429-435].

Для презентации были разработаны слайды с изображениями схем, диаграмм, интеллект-карты; в процессе мероприятия использовались фрагменты ролевой игры, кейсы и другие материалы с учетом подготовки, особенностей аудитории мероприятия. Это проявилось в проведении мастер класса по изготовлению закладок типа: «Кодекс поведения читателя в библиотеке» и др.

Для пробуждения интереса к содержанию презентации в нее включались яркие примеры, юмористические сценки и т.д. Презентация закончилась сообщением об этикете проведения фуршета и организацией праздника – дня рождения двух студенток. Для них были приготовлены презенты: розы, книга и билет на спектакль.

Однако при организации студенческих презентаций сложно избежать недостатков, на которые указывает и О.В. Москаленко: информационная перегрузка презентаций, вследствие чего теряется ее эмоциональная привлекательность; презентации могут ограничить познавательную активность обучающихся, т.е. снизить их интерес к изучению печатных источников, т.к. создается эффект достаточности получаемых знаний [4, с. 116-117].

В библиотеках в процессе прохождения практик студенты осваивают различные формы проведения презентаций, сошлюсь на одну из них, описанную в учебном пособии Н.П. Опариной.

«Презентация – это форма специальных событий, соединяющая в себе элементы пресс-конференции и представительского приема. Сценарный план презентации стандартен:

- представление гостей и хозяев;
- демонстрация образцов продукции, видео и фотоматериалов;
- краткое сообщение по теме презентации;
- ответы на поставленные вопросы;
- выступление гостей;
- вручение приглашенным сувениров, рекламной продукции, информационных материалов;
- фуршет;
- культурная программа (концерт, выставка, живая музыка, приветствие артистов)» [5, с. 113-114].

В целях овладения теорией, методикой, искусством организации и проведения презентаций студенты изучают источники:

Грибан О. Мастер презентации. М. : Изд. решения, 2017. 268 с.; Каптерев А. Мастерство презентации. Как создавать презентации, которые могут изменить мир. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 336 с.; Муромцева А. В. Искусство презентации. Основные правила и практические рекомендации. М. : Флинта : Наука. 2011. 112 с.; Мортон Сойман. Лаборатория презентаций. Формула идеального выступления. М. : Альтена

Паблiшер, 2016. 260 с.; Уэйншейнк С. 100 главных принципов презентации. СПб. : Питер. 2013. 288 с.

В заключение отмечу, что в презентациях с «живым» общением удастся развивать этико-коммуникативную компетенцию как у участников презентации, так и у тех, кто их организует и проводит. Они пробуждают у студентов потребность в использовании лично-ориентированного подхода в профессиональной деятельности. В презентациях с применением компьютерных технологий целесообразно, как показал опыт, использовать «живую» интеракцию (фрагменты игр, диалог, полилог).

Примечания

1. Езова С. А. Деловой этикет в развитии культурной идентичности студентов // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., 20-22 сент. 2018 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. 592 с.

2. Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе Модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: http://metodistam.blogspot.com/2019/03/blog-post_15.html (дата обращения: 16.03.2019).

3. Методические рекомендации по модернизации муниципальных библиотек на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки (в рамках реализации Национального проекта «Культура») [Электронный ресурс]. URL: [http://portal.orenlieb.ru>up/articlele/file/metod_gefom](http://portal.orenlieb.ru/up/articlele/file/metod_gefom) (дата обращения: 15.03.2019).

4. Москаленко О. В. Использование презентаций в преподавании учебных дисциплин в высшей школе // Образовательные технологии. 2015. № 2. С. 112-118.

5. Опарина Н. П. Культурно-просветительская деятельность общедоступной библиотеки : учеб. пособие. Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2017. 136 с.

6. Эффективная презентация: пошаговое руководство к действию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kom-dir.ru/article/1774-effektivnaya-prezentatsiya> (дата обращения: 10.03.2019).

References

1. Ezova S.A. Delovoj etiket v razvitii kulturnoj identichnosti studentov [Business etiquette in developing students' cultural identity] // Baikalskije vstrechi – X: Kulturnaja pamat' i kulturnaja identichnost' v uslovijakh globalizacii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 20-22 sentjabrja 2018 g., Resp. Buryatija, g. Ulan-Ude – oz. Baikal [Baikal meetings – X: Cultural memory and cultural identity in globalization conditions: materials of the international scientific practical

conference, 20-22 September 2018, Republic of Buryatia, Ulan-Ude city - Lake Baikal. Ulan-Ude, 2018. 592 p. [In Russ.].

2. Koncepcija modernizacii municipalnykh bibliotek Rossiyskoj Federacii na osnove Modelnogo standarta dejatel'nosti obschedostupnoj biblioteki [Conception of modernizing municipal libraries of the Russian Federation on the basis of the Model standard of the public library activity]. URL: http://metodistam.blogspot.com/2019/03/blog-post_15.html (16.03.2019) [In Russ.].

3. Metodicheskiye rekomendacii po modernizacii municipalnykh bibliotek na osnove modelnogo standarta dejatel'nosti obschedostupnoj biblioteki (v ramkakh realizacii Nacionalnogo projekta «Kultura») [Methodological recommendations of municipal libraries modernization on the basis of the model standard of the public library activity (within the National project «Culture» implementation]. URL: http://portal.orenlieb.ru>up/articlele/file/metod_refom (15.03.2019) [In Russ.].

4. Moskalenko O.V. Ispol'zovanie prezentacij v prepodavanii uchebnykh disciplin v vysshej shkole [Use of presentations in teaching disciplines at a higher educational institution] // Obrazovatelnye tekhnologii [Educational technologies]. 2015. № 2. P. 112-118 [In Russ.].

5. Oparina N.P. Kulturno-prosvetitel'skaja dejatel'nost' obschedostupnoj biblioteki: ucheb.posobije [Cultural-educational activity of the public library: manual]. Samara, 2017. 136 p. [In Russ.].

6. Effektivnaja prezentacija: poshagovoje rukovodstvo k dejstviju [Effective presentation: step-by-step guidelines for action]. URL: [http://file: c:/Users/user/Desktop](http://file:c:/Users/user/Desktop) (10.03.2019). [In Russ.].

*Матвеева Е.В.**Matveyeva Ye.V.*

**СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СРЕДЫ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКА
ВУЗА КУЛЬТУРЫ**

**SOCIAL AND CULTURAL FACTORS OF THE ENVIRONMENT
INFLUENCING THE TRAINING PROCESS OF GRADUATES AT A
HIGHER LEARNING INSTITUTION OF CULTURE**

В статье охарактеризованы основные факторы среды, которые могут оказывать большое влияние на процесс подготовки выпускника вуза культуры. Среди указанных факторов такие, как социально-политические, общекультурные, стратификационные и экономические; территориальные, этнокультурные; факторы внутреннего свойства, опосредующие уровень и качество построения образовательного процесса в вузе и самой личности преподавателя; группа факторов, отвечающая за мотивацию обучения, сформированная на основании индивидуальных и личностных характеристик обучающихся – одаренность, кругозор, интересы и ценности. Как указывается, в совокупности все эти факторы формируют своеобразие и непохожесть учебного процесса, в который вовлечены студенты такого специфического вуза, как вуз культуры.

The article characterizes the main factors of the environment that may have a great importance in training graduates at a higher educational institution of culture. These factors include: socio-political, cultural, stratificational and economic factors; territorial, ethno-cultural factors; internal factors mediating the level and quality of the educational process at the higher educational institution and the teacher's personality; a group of factors responsible for learning motivation. The latter is formed on the basis of individual and personal characteristics of students - giftedness, horizons, interests and values. As it is indicated, all these factors in their combination form the uniqueness of the educational process in which the students are involved in such a specific institute as a higher learning institution of culture.

Ключевые слова: вузы культуры, образование, факторы среды.

Keywords: higher learning institutions of culture, education, factors of the environment.

Вузы культуры в России – это сравнительно небольшой кластер образования. На территории Российской Федерации сегодня функционируют двенадцать институтов культуры – Алтайский, Восточно-Сибирский, Казанский, Кемеровский, Краснодарский, Московский, Орловский,

Пермский, Самарский, Санкт-Петербургский, Тюменский, Хабаровский. Старейшему из них – Санкт-Петербургскому – исполнилось 100 лет.

Своему становлению и развитию институты культуры обязаны советскому периоду, поскольку их основное призвание и функциональная направленность – подготовка специалистов для организации массовой воспитательной работы с населением. В дальнейшем во времена политических перемен в государстве изменился контекст подготовки специалистов. Появились новые специальности и направления подготовки, которые способствовали не только росту популярности вузов культуры среди широких слоев населения, но и улучшению качества подготовки специалистов, решению широкого спектра просветительских, воспитательных задач региональными учреждениями культуры и урегулирования нормативного, нравственного и эстетического контента жизнедеятельности населения в регионах.

Методическим воплощением клубной работы с населением стало такое направление, как клубоведение. В конце 60-х гг. выходит учебник двух авторов – А.В. Сасыхова и Ю.А. Стрельцова [4], который становится настольной книгой всех культпросветработников страны на долгие годы. Значительное место в этом учебнике отводится методике массовой просветительской деятельности, в том числе, психолого-педагогическим особенностям восприятия информации, методам организации зрелищных форм клубной работы и пр. Авторы в разделе «Теоретические основы просветительской работы клубы», исследуя особенности взаимодействия личности со средой, указывают, что в этом взаимодействии роль учреждения культуры становится все явственней, а клубоведение обрастает специальными приемами/методами воздействия на личность, что в тех исторических условиях придавало культурно-просветительской работе особый смысл, важный с точки зрения формирования идейности в просветительстве, воспитании и образовании.

В качестве факторов средового окружения мы выделяем такие как социально-политический, общекультурный, стратификационный, экономический. Эти факторы обуславливают качество подготовки специалиста на общественном и государственном уровне.

Другие факторы имеют региональный характер и опосредуют влияние на качество образования на уровне отдельных локаций: территориальные, этнокультурные.

Изучению проблемы воздействия этнических и культурных факторов на развитие личности обучающихся были посвящены исследования О.В. Заславской, которая отмечает ведущую роль социума и этнические ценности как неотъемлемой части социальных отношений, естественно оказывающих свое непосредственное влияние на стиль, характер отношений между учащимся и его средой, влияют на процессы его обучения, определяя его смысловые и ценностные позиции [2].

Третья группа факторов, оказывающих свое непосредственное воздействие на качество обучения – факторы внутреннего свойства, они

присущи атмосфере вуза в целом, качеству преподавания, тематическому охвату имеющихся мест направлений подготовки и пр. В свое время эти средовые факторы были проанализированы в одной из наших публикаций, где в том числе были обозначены такие, как организационно-методическое обеспечение учебного процесса и роль педагога в процессе обучения как транслятора новых знаний, на которого обществом возлагается миссия Учителя [3].

Еще одна группа факторов отвечает за мотивацию обучения и сформирована на основании индивидуальных и личностных характеристик обучающихся – одаренность, кругозор, интересы и ценности.

О феномене одаренности, формах ее проявления и о совпадении/несовпадении творческого начала с одаренностью и о системности самого подхода к пониманию одаренности размышляла Д.Б. Богоявленская [1].

Характеризуя социально-политический фактор, необходимо иметь в виду, что господствующая идеология, характер производства, наличие частной собственности оказывают свое глубокое влияние на уровень развития общественных отношений. Так в эпоху постиндустриального развития общества уровень информации, ее объемы формируют сознание человека новой эпохи. Если сравнить, хотя бы три поколения россиян – старшее, родившееся во времена Второй мировой войны и пережившее голод, нехватку продуктов, дефицит товаров первой необходимости, но отличающееся особым характером веры в государственную систему и общество; среднее, родившееся в обществе под эгидой «застоя», в итоге сформировавшееся как довольно апатичное, безынициативное поколение; и молодежь, родившуюся в начале 1990-х гг. и испытавшую на себе всю тяжесть экономических реформ и общую нестабильность, которая воздействовала на людей как мотиватор и заставляла предпринимать и действовать на свой страх и риск – все они имеют непохожий, отличный один от другого мотивы информированности и уровень доверия к информации. С учетом этих факторов мотивы и результаты обучения у разных поколений будут отличны.

Общекультурный фактор напрямую соотнесен с социально-политическим через идеологический и инфраструктурный контексты. Культура как феномен не может развиваться отдельно от инфраструктуры. Чем более разнообразным и качественным предстает инфраструктурный компонент – построены театральные зрелищные учреждения, выделяются средства на новые постановки, обеспечивается техническая модернизация, формируется новая элита, – тем более ярко и эффективно развивается в целом культура населения, в которой образование выступает ее основополагающим компонентом.

Страты в обществе формируются на основе схожести уровня доходов, положения в обществе и доступности благ. Скрепляющим элементом стратификации можно обозначить престиж как ноумен успешности. Доступность образования в России обеспечена конституционными нормами,

но уровень образования и престиж – это то, что принципиально меняет доступ к власти и к определенным элитным группам, которые сложились благодаря тому, что этим персонам удалось получить высшее образование в престижных вузах с высоким уровнем подготовки.

Экономический фактор оказывает свое влияние на состояние образования в стране. Если общество переживает глубокий экономический кризис, то в нем не остается места и времени для всестороннего глубокого усвоения знаний. В кризисном обществе образование отступает на последние позиции, вперед выдвигаются другие ценности, которые формируются на основе «первичных» и «утилитарных» потребностей людей.

Среди региональных факторов, которые опосредованно воздействуют на качество образовательного процесса, выдвигаются территориальные и этнокультурные. Бесспорно, что качественное образование сегодня молодежи можно получить в центральных вузах России – в Москве и Санкт-Петербурге. Этой тенденции есть свое объяснение. Жесткая централизация власти и концентрация элиты в российских столицах привела к тому, что эти мегаполисы отличает от других городов России высокий уровень образованности и общей культуры, в то время как окраины довольствуются средним и низким уровнем культурных благ. Для населения глубинки эти два города и раньше, и еще долго будут оставаться труднодоступными и желаемыми.

Этнокультурный фактор нельзя сбрасывать со счетов, когда речь идет о качестве образования и его содержательном контексте. Россия как многонациональное государство, обладающее огромными, по европейским стандартам, пространствами, обеспечивает суверенность всем этносам, проживающим на ее территории. Гарантии сохранения этнической и культурной самобытности народам России закреплены конституционным правом. Национальный компонент образования включен в учебные планы вузов страны. Вузам культуры как субъектам образования определено обеспечивать сохранение традиционной культуры народов, населяющих регион, где располагается вуз. Так, Восточно-Сибирский институт культуры, находясь на пересечении восточной и западной цивилизаций, обеспечивает в своем содержании традиционный этнокомпонент образования для коренных народностей Севера, Забайкалья и Бурятии. Такая же ситуация наблюдается и в других вузах культуры России, располагаются ли они в центральных городах или на окраинах страны – все они ведущим компонентом образовательной деятельности выдвигают сохранение культурных ценностей через поддержание и развитие этнической культуры регионов.

Среди факторов, которые выделены нами как факторы внутреннего свойства и формирующиеся внутри самого образовательного учреждения, особое значение имеет атмосфера вуза, сложившаяся между студентами и педагогами, между педагогами и руководством вуза, между структурными компонентами вуза – кафедрами и факультетами и т.д.

Непосредственное отношение к качеству обучения имеет исполнительская дисциплина и творческий дух. Специфика вузов культуры заключается в том, что отношения между педагогами и студентами внутри творческого процесса складываются в русле *со-дружества, со-творчества* и кооперации. Исполнительская дисциплина и творческая поддержка особым образом воздействуют на членов коллектива вуза и создают неповторимый духовный консенсус, настрой, действуя по принципу камертона, налаживая *со-звучие* различных аспектов деятельности вуза, касается ли это музыковедческих и танцевальных отделений, где обучение строится на *взаимо-поддержке* и коллективном *со-творчестве*, или других специальностей и направлений подготовки.

Есть группа факторов, которая выделена нами на основании того, что мотивы обучения у студентов могут значительно отличаться и это естественным образом отражается на качестве их образовательной деятельности. Если студент имеет слабую мотивацию к получению новых знаний, то его успеваемость будет оставаться низкой, как правило, такие студенты не закончив вуз, уходят, прекращая обучение, или переходят на другие направления подготовки, которые им кажутся наиболее подходящими.

Мотивом студентов вуза культуры к обучению является любовь к видам искусства – музицированию, танцам, пению и другим, которая может ими наследоваться от родителей или ближайших родственников. Другим мотивирующим стимулом становится наличие дара, таланта к определенным видам творческой деятельности. Развитие такого таланта – задача педагога. В результате общество получит высококвалифицированного специалиста, который одарит людей своим талантом и привнесет в их жизнь красоту и гармонию.

Очень важно стимулировать студентов в получении новых знаний. Знание для обучающегося должно выступать не только инструментальной, но и высокодуховной, исполненной гуманного смысла, ценностью. Формирование такого отношения к наукам и творческим дисциплинам остается наиболее важной из задач педагогической деятельности коллектива вуза культуры.

Примечания

1. Богоявленская Д. Б. Рабочая концепция одаренности // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 10-17.

2. Заславская О. В. Гражданское воспитание молодежи: резервы публичной политики // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 75-80.

3. Матвеева Е. В. Структурные компоненты современного профессионального образования в вузе культуры: состояние и проблемы // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 2, № 5. С. 46-49.

4. Сасыхов А. В., Стрельцов Ю. А. Основы клубоведения. Теория и методика клубной работы. Улан-Удэ : Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 1969. 531 с.

References

1. Bogoyavlenskaya D.B. Rabochaja koncepcija odarennosti [Working concept of giftedness] // Voprosy obrazovanija [Education issues]. 2004. № 3. Pp. 10-17. [In Russ.].

2. Zaslavskaya O. V. Grazhdanskoje vospitanije molodyozhi: rezervy publichnoj politiki [Civic education of young people: reserves of public policy] // Izvestija Tul'skogo gos. universiteta. Gumanitarnye nauki [News of Tula State University. The Humanities]. № 4. 2016. Pp. 75-80. [In Russ.].

3. Matveeva E. V. Strukturnye komponenty sovremennogo professional'nogo obrazovanija v vuze kul'tury: sostojanije i problemy [Structural components of modern professional education at the higher learning institution of culture: state and problems] // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija [Success of modern science and education]. 2017. Vol. 2. № 5. Pp. 46-49. [In Russ.].

4. Sasykhov A. V., Streltsov Ju. A. Osnovy klubovedenija. Teorija i metodika klubnoj raboty [Basics of club science. Theory and methods of club work]. Ulan-Ude, 1969. 531 p.

Андреева Л.А., Танхасаева С.С.

Andreeva L.A., Tankhasaeva S.S.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТВОРЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF THE EFFECTIVE INTERACTION IN A CREATIVE COLLECTIVE

В статье представлены результаты теоретического исследования психолого-педагогических основ эффективного взаимодействия в творческом коллективе.

The article presents the results of a theoretical study of the psychological-pedagogical foundations of effective interaction in a creative collective.

Ключевые слова: взаимодействие, эффективное взаимодействие, творческий коллектив.

Keywords: interaction, effective interaction, creative collective.

Современное российское общество характеризуется интенсивностью процессов трансформации в сферах экономики, образования и культуры. Интенсификация процессов преобразования предъявляет повышенные требования к компетенциям личности на пути профессионального становления. Культура взаимодействия, культура общения, наряду с креативностью, кооперацией и критическим мышлением является одной из ключевых компетенций XXI в.

М. В. Костогорова, проанализировав литературные источники и практики деятельности руководителей творческих коллективов, заключила что «взаимодействие в творческом коллективе представляет собой систему контактов, способствующих взаимопониманию и творческому участию в деятельности, что позволяет рационально выстраивать логику усвоения ценности культуры взаимодействия» [2, с. 5].

Коллектив в научной и методической литературе имеет различные определения. Часто под коллективом понимают любую группу объединённых общими целями и задачами людей, либо определяют его как высокий уровень развития группы. При этом всегда коллектив характеризуется наличием единой социально-значимой цели, совместной деятельности и отношениями взаимной зависимости и ответственности.

Л. И. Новикова рассматривает коллектив «как механизм, обеспечивающий педагогам переход управляемых сфер деятельности в сферу отношений» [4, с. 25].

Таким образом, коллектив необходимо представлять как развивающийся социальный организм, развитие которого существенно зависит от

характера взаимодействия его членов в процессе организации совместной социально значимой деятельности.

Обзор научной литературы по проблеме творческих коллективов показал, что творческий коллектив обладает рядом особенностей. В качестве основных особенностей Ю. А. Стрельцовым были определены следующие: 1) художественно-творческая деятельность является делом добровольным, которая в свою очередь также специфична, поскольку характеризуется отношениями ответственной зависимости, является коллективной и общественно значимой; 2) художественно-творческая деятельность осуществляется в свободное от учебы и работы время, которое, фактически определяется как отдых. Однако этот отдых требует от человека, члена того или иного коллектива, напряжения и усилий со стороны проявления воли, эмоций, затрачиваются интеллектуальные, нравственно-эстетические и физические ресурсы человека; 3) обучение и воспитание (педагогическая деятельность) осуществляется в рамках художественно-творческой деятельности и неразрывно связана с ней; 4) обучение и воспитание средствами художественно-творческой деятельности предполагает удовлетворение нравственно-эстетических, познавательных потребностей, что, в свою очередь, формирует у ребенка интересы, мотивы, ценностные ориентации и установки [6]. Педагогическая деятельность в художественно-творческом процессе выступает условием этой деятельности и является предпосылкой эффективности данного процесса. Также в творческом коллективе немаловажное значение приобретают личностные качества и психологические особенности членов коллектива, которые также могут быть залогом эффективности коллектива. Все это требует от руководителя коллектива знания, учета и понимания возрастных и индивидуально-психологических характеристик участников коллектива, а также предъявляет дополнительные требования к его личности. Руководитель должен быть креативным и гибким. Специфика управления творческим коллективом предполагает умение руководителя гибко сочетать разные стили руководства между авторитаризмом, демократией и либерализмом и выбирать наиболее адекватный стиль, подходящий под конкретный коллектив.

Используя средства социальной психологии, можно планировать деятельность творческого коллектива и прогнозировать его успех. Для этого руководитель должен знать структуру коллектива, закономерности образования в нем микрогрупп, чтобы принимать во внимание социально-психологические явления, связанные с индивидуальностью человека и с особенностями коммуникации как в микрогруппах, так и в коллективе в целом [3].

Таким образом, единство профессиональных и личностных компетенций руководителя является условием эффективного взаимодействия в творческом коллективе. С одной стороны, руководитель должен найти способ активизации творческого потенциала всех участников, направления его в нужное русло, с другой стороны сам руководитель должен быть

активной, творческой личностью с чувством юмора, с развитым воображением, с творческим отношением к своей профессиональной деятельности, с развитыми эмпатийными способностями, со стремлением к самосовершенствованию и саморазвитию и при этом уметь грамотно сочетать разные стили руководства.

Для самодиагностики личностной компетентности руководителям творческих коллективов можно воспользоваться методикой Н.Ф. Вишняковой «Креативность», которая позволяет выявить уровень творческих наклонностей личности и построить психологический профиль в отношении «Я – реальный» и «Я – идеальный», с анализом креативного компонента. Креативность, согласно автору методики, выступает условием «творческого саморазвития личности, является существенным резервом ее самоактуализации» [5, с. 15]. Методика состоит из 80 вопросов, ответы на которые позволяют выстроить оба профиля по следующим параметрам креативности: творческое мышление, любознательность, оригинальность, чувство юмора, интуиция, эмпатия и творческое отношение к профессиональной деятельности [1].

Для выявления стиля межличностного взаимодействия можно воспользоваться методикой С.В. Максимова и Ю.А. Лобейко, которая позволит определить ведущий стиль взаимодействия. Всего авторы методики выделяют четыре стиля: директивный, коллегиальный, невмешательство в действия других (попустительский) и деловой.

В рамках республиканского семинара для художественных руководителей культурно-досуговых учреждений Республики Бурятия было проведено мини-исследование представлений слушателей о личности руководителя творческого коллектива. Для этого слушателям был предложен набор личностных и профессиональных качеств эффективного руководителя творческого коллектива, которые необходимо было проранжировать с точки зрения их значимости: ориентация на успех в своей профессиональной деятельности, любовь к детям, к профессии, педагогический такт, стремление к личностному росту, коммуникативные способности, культура межнационального общения, знание и понимание индивидуально-психологических особенностей ребенка, широта взглядов, стремление к постоянному самосовершенствованию, умение разрешать конфликты, педагогическая интуиция, развитая педагогическая рефлексия, умение планировать работу коллектива, умение организовать репетиционную и исполнительскую работу, высокий уровень образования, компетентности в соответствующей профессии, умение учитывать возрастные и индивидуально-психологические характеристики участников коллектива и обладание исполнительскими умениями и навыками на профессиональном уровне. Данные качества были подобраны нами исходя из общей установки на требования, предъявляемые к педагогу и требования, предъявляемые к специалисту (художественному руководителю творческого коллектива).

Качественный анализ результатов показал, что большинство слушателей (60%) на первые три места поставили любовь к детям, коммуникативные способности и высокий уровень образования и компетентности в соответствующей профессии, умение учитывать возрастные и индивидуально-психологические характеристики участников коллектива, стремление к личностному росту и широта взглядов, стремление к постоянно-му самосовершенствованию. Данный выбор дает нам возможность понять, что педагоги, руководители творческих коллективов осознают, что для эффективного руководства необходимо сочетание психолого-педагогических знаний и профессиональных знаний и умений.

Такое качество как знание и понимание индивидуально-психологических особенностей ребенка заняло 4 позицию (25%) наряду с умением планировать работу коллектива. Умение разрешать конфликты и педагогическая интуиция расположились на 5 строке (20%), следом слушатели поставили такое умение, как умение организовать репетиционную и исполнительскую работу (15%). И наконец, еще одно качество, с точки зрения слушателей, которым должен обладать руководитель – это культура межнационального общения (10%). Развитая педагогическая рефлексия была определена слушателями, как самая незначимая (20%).

Далее, на вопрос «Насколько вам необходимы психолого-педагогические знания» по десятибальной шкале оценили от 7 до 10. Это позволяет нам заключить, что педагоги-руководители творческих коллективов, оценив данное качество как наиболее важное, испытывают острую потребность в знаниях психолого-педагогической направленности, поскольку у 85% педагогов-руководителей нет педагогического образования. При этом, стремление совершенствовать себя и свою профессиональную деятельность присуща большинству педагогов.

Таким образом, деятельность руководителя творческого коллектива – это неразрывное единство и взаимосвязь педагогического, организаторского и художественно-творческого процессов, она имеет педагогическую направленность и обладает творческим характером, является сложной и многогранной.

Примечания

1. Вишнякова Н. Ф. Креативная психопедагогика. Психология творческого обучения. Минск : Поли Биг, 1995. 240 с.

2. Костогорова М. В. Формирование культуры взаимодействия в детском творческом коллективе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Чита, 2013. 189 с.

3. Нехорошков С. Б., Бибикова А. В. Специфика творческих (исполнительских) коллективов (групп) [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. 2012. №11. URL: <http://jurnal.org/articles/2012/iskus10.html> (дата обращения: 15.04.19).

4. Новикова Л. И. Педагогика детского коллектива. М. : Педагогика, 1978. 144 с.

5. Слостён И. С., Данилова А. С. Изучение креативности во взрослом возрасте // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сб. ст. по материалам XXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. №1(28). URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(28\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(28).pdf) (дата обращения: 13.04.2019).

6. Стрельцов Ю. А. Культурология досуга : учеб. пособие. Изд. 2-е. М. : МГУКИ, 2003. 296 с.

References

1. Vishnjakova N. F. Kreativnaja psikhopedagogika [Creative psychopedagogics. Psychology of creative learning]. Minsk, 1995. 240 p. [In Russ.].

2. Kostogorova M. V. Formirovanije kul'tury vzaimodejstvija v detskom tvorcheskom kollektive : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. [Formation of cultural interaction in a children's creative collective : dissertation thesis ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.01]. Chita, 2013. 189 p. [In Russ.].

3. Nekhoroshkov S. B., Bibikova A. V. Specifika tvorcheskikh (ispolnitel'skikh) kollektivov (grupp) [Specificity of creative (performing) collectives] // Psikhologija, sociologija i pedagogika [Psychology, sociology and pedagogy]. 2012. №11. URL: <http://jurnal.org/articles/2012/iskus10.html> (15.04.19). [In Russ.].

4. Novikova L. I. Pedagogika detskogo kollektiva [Pedagogy of a children's collective]. M., 1978. 144 p. [In Russ.].

5. Slastyon I. S., Danilova A. S. Izuchenije kreativnosti vo vzrosлом vozraste [The Study of creativity in adulthood] // Nauchnoje soobshchestvo studentov XXI stoletija. Gumanitarnyje nauki : sb. st. po materialam XXVIII mezhdunar. stud. nauch. prakt. konf. [Scientific community of students of the XXI century. Humanities : proceedings of the XXVIII Intern. stud. scient.-prakt. conf.] №1(28). URL: [http://sibac.info/archive/guman/1\(28\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/1(28).pdf) (13.04.2019). [In Russ.].

6. Streltsov Yu. A. Kul'turologija dosuga: ucheb. posobije [Cultural studies of leisure : manual]. 2nd ed. M., 2003. 296 p. [In Russ.].

Забанова Л. Е., Хобракова Л.М.

Zabanova L. Ye., Khobrakova L.M.

**ЭКСКУРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ ИРЛАНДИЯ: ИЗ ОПЫТА ПРОХОЖДЕНИЯ
СТАЖИРОВКИ**

**EXCURSION ACTIVITY AS AN INSTRUMENT OF POPULARIZING
NATURAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE REPUBLIC OF
IRELAND (ON THE BASIS OF UPGRADING PROFESSIONAL
DEVELOPMENT PROGRAM)**

В статье рассматривается экскурсионная деятельность как инструмент популяризации природного и культурного наследия. На примере культурной программы в рамках языковой стажировки в г. Дублине авторы выделяют положительный опыт организаций, занимающихся вопросами сохранения и продвижения наследия Республики Ирландия, таких как *Национальное управление развития туризма Ирландии, Туризм Ирландии, Ирландская Конфедерация индустрии туризма*, офисы *Открой Ирландию*, сувенирные магазины *Carrolls Irish Gifts*. Особый интерес представляют некоторые технологии, используемые в экскурсионной деятельности.

The article considers excursion activity as an instrument of popularizing natural and cultural heritage. Taking a cultural program within their upgrading professional development course in Dublin city as an example, the authors emphasize the effectiveness and efficiency of the organizations engaged in conserving and promoting the heritage of the Republic of Ireland such as *Failete Ireland, Tourism Ireland, Irish Tourism Industry Confederation, Discover Ireland centers* and *Carrolls Irish Gifts* souvenir shops. Special attention is paid to some techniques used in the excursion activity.

Ключевые слова: экскурсионная деятельность, природное наследие, культурное наследие, сохранение, популяризация, Республика Ирландия.

Keywords: excursion activity, natural heritage, cultural heritage, conservation, popularization, the Republic of Ireland.

Вопросы сохранения природного и культурного наследия представляют первостепенное значение на современном этапе развития общества. Конвенция ЮНЕСКО об охране природного и культурного наследия, принятая в 1972 г. на 32-й сессии Генеральной конференции, и ряд последующих регламентирующих документов провозглашают необходимость сохранения объектов, имеющих исключительную значимость по

отношению не только к отдельно взятой стране, но и миру в целом [1]. В соответствии с этими документами каждая страна разрабатывает и внедряет свои национальные программы по выявлению, охране, сохранению, восстановлению выдающихся памятников культуры и объектов природы, а также их популяризации.

Цель статьи – рассмотреть опыт организации работы по сохранению наследия в Республике Ирландия на примере экскурсионной деятельности как инструмента популяризации уникальных национальных природных и культурных объектов. Одним из ведущих учреждений в области сохранения и управления наследием является *The Irish Heritage Trust*, независимая благотворительная организация, созданная в июле 2006 г. как совместная инициатива правительства и волонтерского движения. Ее основная задача – снизить бремя финансовой нагрузки государства на содержание многочисленных объектов, делегировать полномочия и вовлечь как можно большее количество граждан в благородное дело сохранения наследия. В результате на сегодняшний день доля финансовой поддержки государства составляет всего 31%. Основными приоритетами в работе траста являются вдохновение (*inspiration*), вовлеченность (*involvement*), сохранение (*conservation*) и финансовая стабильность (*financial sustainability*) [2]. Неудивительно, что за последние 12 лет (с момента создания) количество людей, посвящающих свое свободное время, вдохновение и средства благотворительным проектам этой организации, значительно возросло. Уникальное наследие Ирландии, сохраняемое благодаря не только государству, но и усилиям энтузиастов в лице жителей Республики Ирландия, привлекает миллионы туристов со всего мира, включая нас.

Целью нашей поездки было повышение квалификации на базе школы *ATC Language & Travel*, основанной в 1964 г. Школа предлагает широкий спектр языковых курсов для людей разного возраста и языковых уровней. Она имеет аккредитацию государственного департамента, контролирующего деятельность всех образовательных учреждений Ирландии (*ACELS – Accreditation and Coordination of English Language Services*). Как показывает практика, ирландское правительство уделяет большое внимание образовательному туризму, поддерживая многочисленные государственные и частные школы, таким образом популяризируя изучение английского языка и привлекая в страну туристов. Желающим предлагается большой выбор учебных заведений, типов курсов, условий проживания, мест их расположения [3].

Совершенно очевидно, что изучение языка невозможно без изучения культуры. Наша стажировка включала не только двухнедельное погружение (*immersion*) в английский язык, в методику его преподавания, но и обширную культурную программу. Туристы имеют прекрасную возможность знакомства с богатой историей, традициями, обычаями, верованиями, образом жизни ирландцев через разветвленную сеть индустрии гостеприимства. Следует отметить, что действующая хорошо разработан-

ная система туристских потоков, многочисленные экскурсионные маршруты, их тематическое наполнение, применяемые технологии – результат деятельности нескольких организаций, таких как Национальное управление развития туризма Ирландии (*Failte Ireland*) [4], Туризм Ирландии (*Tourism Ireland*) [5], Ирландская Конфедерация индустрии туризма (*Irish Tourism Industry Confederation*) [6]. Например, *Tourism Ireland* отвечает за маркетинг острова как направления отдыха и бизнеса за рубежом, реализует маркетинговые программы на 23 международных рынках, нацеленных на глобальную аудиторию в 600 миллионов человек, и ежегодно публикует документ под названием «*Visitors Facts and Figures*», в котором приводятся данные о турпотоке на остров: количестве туристов, из каких они стран, что посещают и сколько тратят [5]. Так, в 2018 году Ирландию посетили 9,6 миллионов иностранных туристов, что принесло стране около 7 миллиардов евро [6]. Люди, организации и компании, как отечественные, так и зарубежные, внесшие значительный вклад в развитие, маркетинг, продвижение индустрии гостеприимства этой страны, получают награды Ирландской индустрии туризма (*Irish Tourism Industry Awards*). В 2015 году в номинации «Лучшая инновация досугового туризма» (*Best Leisure Tourism Innovation*) был отмечен Музей пива Гиннесс, а в 2019 году в номинации «Лучший туристский продукт Wild Atlantic Way/ более 50,000 посетителей» (*Best Wild Atlantic Way Tourist Experience/over 50,000 visitors*) премии удостоился центр «Утесы Мохер» [7]. Именно о них, как наиболее востребованных среди туристов объектах, пойдет речь ниже.

Знакомясь с историей и культурой Ирландии, мы обратили внимание на дублинскую экскурсионную карту (*Dublin Pass Sightseeing Card*), которую можно купить в офисах «Открой Ирландию» (*Discover Ireland centers*). Кстати, таких центров на всей территории страны насчитывается 123. Карта дает возможность бесплатного посещения 30 наиболее популярных мест Дублина, т.е. заплатив один раз, турист имеет возможность выходить (*hop off*) и заходить (*hop on*) в экскурсионный автобус на любой остановке по маршруту следования в течение от двух до 6 дней (по выбору клиента), таким образом, любуясь достопримечательностями города со значительными скидками. Мы воспользовались услугами экскурсионных автобусов красного цвета. Есть автобусы зеленого цвета, в которых действует *Dublin Freedom Pass*, удобная и экономная карта для авиапассажиров, действующая 72 часа и включающая трансфер из/в аэропорт, неограниченное пользование городским автобусным транспортом и автобусную *hop on hop off* экскурсию. Кроме того, по ней можно получить дополнительные бонусы при посещении достопримечательностей в виде бесплатного путеводителя или 10% скидки в кафе. Особое любопытство вызывают желтые автобусы-амфибии с туристами в рогатых шлемах викингов, воинственно и в то же время радостно приветствующих прохожих. Это теперь уже очень популярные *Viking Splash* туры, предлагающие

тематические экскурсии о викингах с незабываемыми переживаниями как на суше, так и на воде на амфибиях времен II мировой войны [8].

Другим преимуществом экскурсионного обслуживания в Ирландии является множество красочных туристских буклетов, брошюр, путеводителей, постеров, имеющих в доступе в офисах «Открой Ирландию». Как известно, одной из доходных статей в организации туризма является продажа сувенирной продукции. Дублин отличает огромное разнообразие сувениров, отражающих национальную, историческую и культурную идентичность ирландцев. Особой популярностью пользуются сувенирные магазины сети *Carrolls Irish Gifts*, которые находятся практически на каждом углу.

Продажа экскурсионных туров по Дублину сопровождается оказанием качественных услуг туристу. Экскурсии по городу проводятся в двухъярусных автобусах (*multilingual double-deckers*) с электронным аудиогидом, имеющих встроенную систему перевода обзорных экскурсий на некоторые языки мира – немецкий, французский, итальянский, русский, испанский. Интересны и технологии, используемые при разработке экскурсий. Помимо традиционного рассказа гида об особенностях той или иной достопримечательности, применяется интерактивный показ, предлагающий глубокий экскурс в историю. В качестве примера рассмотрим одну из самых востребованных экскурсий в Дублине – в Музей пива Гиннесс, массивное семиэтажное здание бывшей пивоварни, реконструированное в виде кружки, из которой традиционно пьют знаменитую пинту темного пива Гиннес. Благодаря интерактивным технологиям, посетитель погружается в историю производства и продвижения этого всемирно известного ирландского напитка – ингредиенты, этапы пивоварения, розлив, транспортировка, реклама. Кульминацией экскурсии является бесплатная пинта Гиннеса в баре с говорящим названием «Притяжение» (*Gravitation*) на 7 этаже здания, с которого открывается великолепный панорамный вид города. В музее находится архив компании с документами, начиная с 1759 г. Третий и четвертый этажи занимает бизнес-центр, носящий имя основателя Артура Гиннеса, с помещениями для тренингов и конференций вместимостью от 20 до 1000 человек, аренда которых, наряду с экскурсиями, двумя барами, сувенирными магазинами, приносит доход музею, делая его образцом эффективного маркетинга [9].

Бросается в глаза бережное отношение ирландцев к природе, что находит отражение в многочисленных городских парках, в которых проводятся экскурсии познавательного характера. Парки Дублина – это многокилометровые оазисы естественной красоты, изумрудная трава, разнообразие цветов и многовековых деревьев, пешие и велосипедные прогулки, релаксация, участие в различных мероприятиях на открытом воздухе. Одним из самых впечатляющих является Феникс-парк, простирающийся на площади в 707 га в центре города. Здесь размещается второй по величине зоопарк в Европе, где на 28 гектарах создана естественная среда безопасного обитания для 400 животных и птиц.

Толерантное отношение космополитического Дублина проявляется в готовности его жителей поделиться информацией о популярных местах и помочь туристам, если у них возникают проблемы. В этой связи уместно рассказать о технологиях, используемых the Little Museum of Dublin. Это народный музей, повествующий о жизни Дублина в XX веке. Почему народный? Дело в том, что более 5,000 артефактов передано в музей жителями города. Особый интерес представляют занятия «Я люблю Дублин», предлагаемые школьникам 6-17 лет, и программа для туристов «Город тысячи приветствий» (*City of a Thousand Welcomes*). По сути это гражданская инициатива, соединяющая гостей Дублина с местными «послами» за бесплатной чашечкой чая, кофе или пинтой пива с последующей прогулкой, во время которой волонтеры рассказывают о своем городе, формируя у туристов образ исключительного гостеприимства ирландцев. Все это осуществляется при посредничестве музея. Ежегодно более 2000 посетителей пользуются данной услугой музея. Кстати, «послам» предлагается выполнить небольшой тест на знание Дублина [10]. Еще одним примером толерантности жителей ирландской столицы является тот факт, что они замедляют движение даже в многолюдном центре города, чтобы не мешать фото- или видеосъемке.

Общеизвестно, что Ирландию называют изумрудным островом из-за ее природной красоты. Одной из главных достопримечательностей по праву считаются утесы Мохер (*Cliffs of Moher*) на западном атлантическом побережье страны. Это прямоугольные скалы, образовавшиеся за 6000 лет до н.э., простирающиеся на 8 километров, высотой от 120 до 214 метров с уникальной флорой и фауной. До 2007 г. утесы привлекали тысячи людей как объект исключительной природной красоты, но территория не была приспособлена для комфортного пребывания туристов. В феврале 2007 г. здесь был открыт экологический комплекс для туристов *The Cliffs of Moher Visitor Experience*. Центр оправдывает свой статус, ведь здесь используются только возобновляемые источники энергии, такие как геотермальные, солнечные и основанные на рециркуляции воды. Интересен тот факт, что сооружение выглядит как покрытый травой холм, не нарушающий естественную среду. Как один из лучших объектов, он был отмечен Ассоциацией интерпретации наследия (*Association of Heritage Interpretation*). Создание экоцентра позволило проложить безопасные тропы для прогулок, построить три смотровые площадки, автостоянку. К услугам туристов кафе-ресторан с панорамным видом на утесы, сувенирная лавка, банкомат, бесплатная камера хранения, бинокли для наблюдения по пути следования, для людей с ограниченными возможностями предусмотрен прокат колясок. Особый интерес представляет выставка, расположенная в куполообразной пещере, что особенно актуально, учитывая переменчивую ирландскую погоду. Наряду с традиционным показом экспонатов, иллюстрирующих утесы, океан и их обитателей, используются интерактивные дисплеи, на которых демонстрируются

очень красочные познавательные фильмы. С мая до середины сентября экологический комплекс организует платные экскурсии.

В центральной части скалистой местности расположена круглая каменная башня, построенная в 1835 г. местным помещиком Корнелиусом О'Брайеном, который, по всей видимости, первым разглядел туристский потенциал утесов. Башня – образец бережного отношения к историческим объектам, которая и сегодня служит смотровой площадкой для всех желающих полюбоваться просторами. Кстати, в ясный день с нее можно увидеть все 8 км скал [11]. Посещение утесов – это пример пеших туров, которые необычайно популярны в Республике Ирландия. Покупая пешие туры, ирландцы инвестируют средства в сохранение природного и культурного ландшафта.

Таким образом, даже недолгое пребывание в Ирландии позволило нам окунуться в жизнь этой страны благодаря эффективной организации работы по сохранению и популяризации наследия посредством хорошо поставленной экскурсионной деятельности с использованием как традиционных, так и самых последних интерактивных технологий. Можно сказать, что ирландцы умело используют ресурсы, данные им природой и предшественниками. На наш взгляд, многие результативные формы их деятельности должны активно внедряться в практику мирового сообщества для реализации задач, поставленных Конвенцией ЮНЕСКО об охране природного и культурного наследия человечества.

Примечания

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972). [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml. (дата обращения: 20.03.2019).

2. The Irish Heritage Trust. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irishheritagetrust.ie/about/what-we-do/> (дата обращения: 20.03.2019).

3. ATC. Language & Travel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atcireland.ie> (дата обращения: 20.03.2019).

4. Failte Ireland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.failteireland.ie/> (дата обращения: 21.03.2019).

5. Tourism Ireland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tourismireland.com> (дата обращения: 21.03.2019).

6. Irish Tourism Industry Confederation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itic.ie> (дата обращения: 21.03.2019).

7. Irish Tourism Industry Awards [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irishtourismindustryawards.ie> (дата обращения: 21.03.2019).

8. Viking Splash Tours [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vikingsplash.com> (дата обращения: 22.03.2019).

9. Visit Dublin. Guinness Storehouse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.visitdublin.com> (дата обращения: 24.03.2019).

10. The Little Museum of Dublin [Электронный ресурс]. URL: <https://www.littlemuseum.ie/visit-the-museum/city-of-a-thousand-welcomes>. (дата обращения: 24.03.2019).

11. Famous Cliffs of Moher Visitor Centre Clare [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cliffsofmoher.ie>. (дата обращения: 24.03.2019).

References

1. Konvencija ob okhrane vsemirnogo kulturnogo i prirodnogo nasledija (16 nojabrja 1972) [Convention on preserving world cultural and natural heritage] (16 November 1972). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml. (20.03.2019). [In Russ.].

2. The Irish Heritage Trust. URL: <http://www.irishheritagetrust.ie/about/what-we-do/> (20.03.2019) [In Eng.].

3. ATC Language & Travel. URL: <http://www.atcireland.ie> (20.03.2019) [In Eng.].

4. Failte Ireland. URL: <http://www.failteireland.ie/> (21.03.2019) [In Eng.].

5. Tourism Ireland. URL: <http://www.tourismireland.com> (21.03.2019) [In Eng.].

6. Irish Tourism Industry Confederation. URL: <http://www.itic.ie> (21.03.2019) [In Eng.].

7. Irish Tourism Industry Awards. URL: <https://www.irishtourismindustryawards.ie> (21.03.2019) [In Eng.].

8. Viking Splash Tours. URL: <http://www.vikingsplash.com> (22.03.2019) [In Eng.].

9. Visit Dublin. Guinness Storehouse. URL: <https://www.visitdublin.com> (24.03.2019) [In Eng.].

10. The Little Museum of Dublin. URL: <https://www.littlemuseum.ie/visit-the-museum/city-of-a-thousand-welcomes> (24.03.2019) [In Eng.].

11. Famous Cliffs of Moher Visitor Centre Clare. URL: <http://www.cliffsofmoher.ie> (24.03.2019) [In Eng.].

Сергеева Е. Б., Мандып-оол С.А.

Sergeeva Ye. B., Mandip-ool S.A.

**ВЫЯВЛЕНИЕ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ О СОВРЕМЕННЫХ
ТЕХНОЛОГИЯХ ФИНАНСИРОВАНИЯ**

**IDENTIFYING KNOWLEDGE OF SOCIO-CULTURAL
INSTITUTIONS SPECIALISTS OF FINANCING MODERN
TECHNOLOGIES**

В статье представлены данные о выявлении знаний специалистов социально-культурных учреждений относительно применения технологий финансирования социально-культурных проектов и программ, и владении ими современными технологиями привлечения внебюджетных средств.

The article presents information on identifying knowledge of socio-cultural institutions specialists of the use of technologies in socio-cultural projects and programs financing, their mastering of modern technologies to attract extra-budgetary funds.

Ключевые слова: знания, культура, учреждение, специалист, технология, финансирование.

Keywords: knowledge, culture, institution, specialist, technology, financing.

В условиях местного самоуправления эффективность работы клубных учреждений является одной из основных проблем для большинства руководителей в сфере культуры. Общеизвестно, что при нынешних условиях существует реальная необходимость совершенствования путей создания инновационных подходов, методов и технологий. В зависимости от того, насколько эффективно разворачивается деятельность в социально-культурной сфере по созданию и внедрению новых технологий и методов привлечения внебюджетных средств, настолько проявляется ее способность к финансовой самостоятельности, дальнейшему развитию и процветанию.

Социально-культурная деятельность, как и другие виды человеческой деятельности, не может успешно развиваться как без профессионального и компетентностного управления, так и без изящного и филигранного регулирования, как этого требуют характер и особые средства его субъектов [1, с. 210].

Современный специалист в сфере культуры – это проводник взаимодействия учреждения культуры с различными органами, организациями и учреждениями, включенными в систему действий по обеспечению

территории и населения, проживающего на ней, культурными благами. От уровня профессионализма специалистов учреждений культуры, от качественного выполнения ими своих профессиональных задач зависит уровень благосостояния населения, включенного в систему культурно-досуговой деятельности и культурного обслуживания. Сельские муниципальные учреждения культуры не исключение, поскольку повышение профессионального уровня специалистов сельских учреждений культуры является необходимым, важным и приоритетным направлением культурной политики регионов и страны в целом.

Для сельской местности важно, чтобы население имело доступ к услугам в сфере культуры, регулярно посещало мероприятия муниципальных клубов и домов культуры, поддерживалась занятость в кружках и секциях. Во многом, из-за того, что сельские учреждения культуры не могут продать свои услуги, не удается собрать должное количество посетителей, возникают финансовые проблемы, истощается материально-техническая база учреждения. В сельской местности учреждения культуры не могут выполнить план оказания платных услуг населению, а это один из показателей эффективности деятельности учреждения. Во многом эти неудачи зависят от ошибок в работе руководящего звена организации.

Для выявления знаний специалистов социально-культурных учреждений в области технологий финансирования и привлечения внебюджетных источников финансирования в условиях современных сельских поселений, возникла необходимость разработки и внедрения социологического исследования.

С целью выявления знаний специалистов социально - культурных учреждений о современных технологиях финансирования (фандрайзинг, спонсорство, предпринимательство, грантовая деятельность и т.д.) нами было проведено анкетирование.

Исследование проводилось в декабре 2018 г. в Кызылском кожууне Республики Тыва. В настоящее время в Кызылском кожууне функционируют 10 учреждений клубного типа, в которых работают 111 человек. Из них 51 человек – это специалисты учреждений культуры и 60 человек – это технический и вспомогательный обслуживающий персонал учреждений культуры. Мужчин, работающих в сети учреждений клубного типа Кызылского кожууна, 58 человек, а женщин – 53.

Специалистов учреждений культуры Кызылского кожууна, имеющих высшее образование, 28 человек, что составляет 25,23%, в т.ч. с высшим профильным образованием в сфере культуры – 17 человек, что составляет 15,32%. Специалистов, имеющих средне-специальное образование, 44 человека, что в процентном соотношении составляет 39,64%, в т.ч. со средне-специальным профильным образованием – 11 человек, что составляет – 9,91%. Таким образом, лишь 25,2% работников культуры Кызылского кожууна имеют профильное образование в сфере культуры. В настоящее время по заочной форме обучения повышают свою квалифи-

кацию в образовательных учреждениях в сфере культуры всего 5 сотрудников, что составляет – 4,5%.

В течение 2018 г. 17 специалистов Кызылского кожууна прошли обучение на различных семинарах и курсах повышения квалификации.

В ходе проведения исследования нами были розданы анкеты респондентам в печатном варианте для удобства сбора и обработки полученной информации.

В анкетировании приняли участие 20 специалистов учреждений культуры клубного типа Кызылского кожууна. Нами были опрошены специалисты Целинного сельского центра культуры им. Юрия Сундуя, Чербинского сельского центра культуры, Кара-Хаакского сельского центра культуры, Баян-Кольского сельского дома культуры, Ээрбекского сельского центра культуры, Усть-Элегестинского сельского центра культуры, Шамбалыгского сельского центра культуры.

Из числа респондентов 4 участника мужского пола, что составляет 20% опрошенных, и 16 участников женского пола, что составляет 80% опрошенных.

На вопрос, содержащийся в анкете «От чего, по вашему мнению, зависит финансовое развитие Вашего учреждения культуры?» 60% опрошенных ответили, что финансовое развитие их учреждения культуры зависит от профессионализма работников учреждений культуры; 30% опрошенных ответили, что финансовое развитие их учреждения культуры зависит от местного бюджета; 10% респондентов считают, что финансовое развитие зависит от различных ресурсов населения, в том числе спонсоров, и никто из респондентов не ответил, что финансовое развитие их учреждения культуры может зависеть от коммерческой и предпринимательской деятельности учреждений культуры.

По мнению большинства респондентов, финансовое развитие учреждений СКС, в первую очередь, зависит от профессионализма работников данных учреждений. Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо постоянно повышать профессиональный уровень, знания и навыки работников СКС, чтобы их деятельность соответствовала современной социально-культурной ситуации, развивать умение видеть, планировать, находить требуемые средства.

Для работников сельских социально-культурных учреждений необходимо регулярно проводить тренинги, курсы повышения квалификации, деловые игры на тему финансовой грамотности и финансового развития учреждений СКС, приглашая современных специалистов, используя современный опыт, чтобы в дальнейшем знания применялись на практике, а работники становились на ступень выше в профессиональном развитии и были лицом учреждения.

Мнения специалистов относительно того, какие виды деятельности учреждений культуры смогут привлечь финансовые средства со стороны, разделились следующим образом: 60% респондентов ответили, что видом деятельности учреждений культуры, который сможет привлечь фи-

нансовые средства со стороны, является работа с организационно-управленческими структурами смежных отраслей; 30% опрошенных считают, что совместная работа с социальными институтами будет являться тем самым видом, который сможет привлечь финансовые средства со стороны; 10% респондентов считают, что таковым видом будет являться предпринимательская деятельность, в том числе сдача в аренду площадей учреждений культуры.

Никто из респондентов не ответил, что таковым видом будет являться расширение перечня платных услуг и помощь со стороны населения.

На вопрос анкеты «Ваше учреждение культуры имеет регулярные дополнительные источники финансирования?», ответы распределились следующим образом: 10 человек, а это 50% респондентов ответили, что их учреждение культуры имеет дополнительные источники финансирования на регулярной основе, у них достаточно много вариантов привлечения дополнительных средств, и они их активно используют; 40% респондентов ответили, что у них нет дополнительных постоянных источников финансирования; 10% респондентов ответили, что дополнительные источники финансирования на регулярной основе, возможно, есть, но они их не рассматривают и не используют.

Анализ данного вопроса показал, что дополнительные источники финансирования имеют большинство сельских учреждений культуры, но используют этот потенциал далеко не все, и этот показатель необходимо повышать.

Таким образом, для специалистов СКС необходимо организовывать курсы повышения квалификации, одной из главных тем которых будет обучения сотрудников СКС разработке планов по поиску и подбору других дополнительных источников финансирования на регулярной основе, что является необходимым условием для полноценного функционирования учреждениям социально-культурной сферы.

Респондентам был задан вопрос «По какой(им) причине(ам) вы не используете имеющиеся возможности дополнительного привлечения средств?», на что 50% опрошенных, а это 10 человек, ответили, что причинами, по которым они не используют имеющиеся возможности дополнительного привлечения средств, является отсутствие достаточных знаний по использованию технологий привлечения дополнительного финансирования СКУ. На этот же вопрос 30% опрошенных ответили, что данной причиной является отсутствие желания и интереса, а 20% опрошенных указали другой, необоснованный ответ.

Анализ данного вопроса показал, что у большинства сотрудников СКС отсутствуют знания по использованию технологий привлечения дополнительного финансирования. Обратимся к анализу предыдущего вопроса, и ещё раз отметим, что специалистам кожуунных учреждений культуры необходимо организовывать курсы повышения квалификации, одной из главных тем которых будет обучение сотрудников СКС разра-

ботке стратегий и технологий по поиску спонсоров и привлечению дополнительных источников финансирования, необходимых для полноценного функционирования учреждениям социально-культурной сферы.

В исследовании нами было предложено специалистам учреждений культуры выбрать из предложенных основные виды деятельности, которые они в большей степени используют по привлечению дополнительных источников финансирования в своих учреждениях. Ответов могло быть несколько. На этот вопрос 16 специалистов, а это 80% респондентов от числа опрошенных ответили, что основным способом зарабатывания средств для них является краткосрочная сдача помещений в аренду; 50% респондентов, а это 10 человек ответили, что их способ зарабатывания средств – это работа отдельных кружков и коллективов на платной основе; 90% респондентов ответили, что их способом является прокат сценических костюмов, реквизита и спортивного и иного инвентаря; 90% респондентов ответили, что их способом зарабатывания средств является прокат усилительной звуковой аппаратуры; 50% респондентов ответили, что их способом является прокат проектора, экрана и сдача в аренду оргтехники; 30% респондентов ответили, что для них способ зарабатывания средств – это изготовление копий звукозаписей, фонограмм концертов и спектаклей; 20% респондентов ответили, что их способ – это демонстрация кинофильмов; 30% респондентов ответили, что для них способом зарабатывания средств является проведение свадеб, юбилеев, торжеств и других заказных мероприятий; 10% респондентов ответили, что их способ зарабатывания средств – это проведение концертов; также 10% респондентов ответили, что для них способом зарабатывания средств является проведение дискотек, организация танцевальных вечеров и других мероприятий развлекательного характера.

Анализ данного вопроса показал, что способов зарабатывания средств в СКС огромное множество, и сотрудники ими пользуются, но самыми популярными способами являются работа отдельных кружков и коллективов на платной основе, прокат сценических костюмов, реквизита и инвентаря, краткосрочная сдача помещений и залов в аренду.

Таким образом, можно сделать вывод, что муниципальным учреждениям социально-культурного профиля необходимо использовать сразу несколько способов и источников привлечения дополнительных средств, учитывая при этом возможности учреждения, его направленность, публичные виды деятельности.

При ответе на вопросы анкеты мы просили указать, какую сумму ежемесячно зарабатывает учреждение культуры дополнительно. Необходимо отметить, что 60% опрошенных, а это 12 специалистов ответили, что ежемесячно дополнительно зарабатывают от 5 до 20 тысяч рублей; 20% опрошенных ответили, что ежемесячная, дополнительно заработанная сумма составляет от 20 до 30 тысяч рублей; 10% опрошенных ответили, что их ежемесячная, дополнительно привлеченная сумма составля-

ет 30-40 тысяч рублей; 10% опрошенных ответили, что данная сумма превышает 50 тысяч рублей ежемесячно.

Анализ данного вопроса показал, что большинство учреждений СКС зарабатывают дополнительно каждый месяц от 5 до 20 тысяч рублей, что является незначительной суммой для учреждения культуры в современной социально-культурной ситуации.

На вопрос анкеты о заинтересованности в получении дополнительных доходов, 100% респондентов ответили, что они заинтересованы в получении дополнительных доходов.

Можно утверждать, что все опрошенные специалисты учреждений культуры заинтересованы в получении дополнительных доходов, но за отсутствием знаний и, возможно, опыта, навыков, определённых профессиональных и личных качеств, которые нужно развивать, не всегда получается привлекать дополнительные источники финансирования, грамотно разрабатывать проекты, сметы и стратегии финансового развития своего учреждения. Поэтому сотрудников СКУ необходимо этому обучать либо на базах образовательных учреждений высшего и средне-специального образования сферы культуры, либо на базах различных учреждений культуры, организуя курсы повышения квалификации, разрабатывая актуальные программы курсов.

Большинство опрошенных респондентов, а это 80%, констатировали, что участвуют в грантовых конкурсах, но в основном объявленных Министерством культуры Республики Тыва, и 20% респондентов ответили, что они никогда не подавали грантовые заявки, и связывают это с неумением оформить соответствующий пакет документов. Можно утверждать, что большинство специалистов социально-культурных учреждений подают заявки и принимают участие в грантах, что является, несомненно, положительным явлением. Таким образом, можно сделать вывод, что учреждения культуры и руководство заинтересовано в получении грантов и внедрении грантовых программ в субъектах Российской Федерации.

При этом 40% респондентов ответили, что им удавалось выиграть гранты, 20% респондентов ответили, что им не удавалось выиграть в каком-либо грантовом конкурсе и, соответственно, 20% опрошенных даже не пытались этого сделать.

Можно констатировать, что большинству сотрудников СКС удавалось выигрывать гранты, что, несомненно, является положительным фактором, а уровнем выигранного конкурса грантовых заявок был региональный уровень.

Основными причинами того, что специалисты учреждений культуры Кызылского кожууна не оформляют грантовые заявки и не участвуют в конкурсах, 70% респондентов ответили, что таковыми причинами являются отсутствие элементарной грамотности в этом вопросе и отсутствие возможностей, но желание при этом есть; а 30% респондентов ответили, что причиной отсутствия заявок на гранты является нехватка времени, в

связи с загруженностью и отсутствие навыка по поиску потенциальных конкурсов.

Приходим к выводу, что необходимо проводить курсы повышения квалификации по повышению грамотности в этом направлении, продвижению грантовой политики, знакомство с видами и уровнями грантодателей и т.д.

Следующий источник привлечения дополнительных источников финансирования учреждения культуры, который активно используется в социально-культурной сфере, это спонсорство.

Спонсорство – это привлечение средств компании/учреждения - спонсора к какому-либо проекту, мероприятию или акции с целью достижения нужного рекламного эффекта и технически-материальной базы, поэтому необходимо привлекать спонсоров к каждому мероприятию, сотрудничать и, при необходимости, оказывать культурные и другие возможные услуги [2, с. 384].

Спонсорство развито в сельской местности, а частные предприниматели в сфере торговли и бытового обслуживания, руководители торговых сетей, сети мобильных операторов, сети общественного питания являются частыми донорами спонсорских вложений. Наши респонденты прибегают к спонсорской помощи. В основном, а это 80% респондентов, подтвердили, что часто ведут работу со спонсорами, редко используют спонсорскую помощь 20% респондентов.

Анализ данного вопроса показал, что большинство сотрудников СКС ведут работу со спонсорами. Но насколько хорошо удается привлекать спонсоров в работе учреждений культуры, мы получили ответ из следующего вопроса, на который 60% опрошенных ответили, что спонсоры привлекаются, но не на все мероприятия учреждений, а 40% опрошенных затруднились ответить и дали другой, необоснованный ответ.

Если будут организованы курсы повышения квалификации на уровне Министерства культуры Республики Тыва, Центра народного творчества, то уровень финансовой активности специалистов повысится, и это утверждают 100% респондентов. Так же 100% опрошенных респондентов подтвердили свое личное желание обучаться на курсах повышения квалификации по финансовой грамотности.

Поэтому, подтверждая предыдущую тему, можно сделать вывод, что для работников социально-культурной сферы необходимо регулярно проводить тренинги, курсы повышения квалификации, мастер-классы на тему финансовой грамотности и финансового развития учреждений СКС, приглашая современных специалистов, используя современный материал российских и зарубежных авторов,

На вопрос анкеты «Какие знания вы бы хотели получить в ходе обучения?» 50% респондентов ответили, что в ходе обучения они хотели бы получить знания правильного использования технологий дополнительного финансирования учреждений культуры; 20% респондентов хотели бы получить в ходе обучения знания по написанию грантовых зая-

вок, их оформлению и отправке с целью выигрыша гранта; 20% респондентов хотели бы получить в ходе обучения знания по грамотной разработке и защите проектов, а 10% респондентов хотели бы получить в ходе обучения знания по привлечению спонсоров и сотрудничеству с коммерческими и некоммерческими организациями.

Таким образом, можно сделать вывод, что желаемые темы для изучения необходимо включить в программу курсов повышения квалификации с целью повышения финансовой грамотности специалистов социально-культурной сферы. Результаты нашего исследования совершенно ясно продемонстрировали срочную необходимость проведения таких курсов. Опрос среди руководителей учреждений культуры сумонов показал главную проблему – это профессиональную неготовность правильно привлечь дополнительные финансовые и материальные источники, организовывать платные мероприятия на соответствующем уровне.

По данным, предоставленным Управлением культуры Кызылского кожууна Республики Тыва, по выполнению плана платных услуг по итогам 2018 г. произошло снижение выполнения показателей по привлечению внебюджетных средств на 13% по сравнению с 2017 г. В 2018 г. подведомственная сеть учреждений культуры Управления культуры Кызылского кожууна Республики Тыва привлекла за счет дополнительных источников финансирования 985300 рублей, показатель привлеченных дополнительных финансовых средств предыдущего 2017 года был значительно выше и составлял 1 050 346 рублей.

Полученные нами достоверные данные по изучаемой проблеме пригодятся для последующего практического применения, а именно для разработки и в дальнейшем для реализации социально-значимого проекта внедрения курсов повышения квалификации «Бурунгаар» в региональную социально-культурную практику, на базе РЦНТ РТ и Управления культуры Кызылского кожууна Республики Тыва.

В программе курсов отражены такие темы как: технологии дополнительного финансирования учреждений культуры, правила написания и оформления заявок на грант, грантовая политика Российской Федерации, разработка и защита проектов, привлечение спонсоров, расширение банка спонсоров, сотрудничество с НКО и коммерческими организациями.

В условиях сельской местности и невысоких зарплат в социально-культурной сфере, проект, прежде всего, будет направлен на руководителей учреждений культуры, но в целях обучения финансовой грамотности в дальнейшем круг участников курсов повышения квалификации будет расширен.

Обучение планируется при поддержке Администрации Кызылского кожууна, Управления культуры Кызылского кожууна Республики Тыва, Центра дополнительного образования Республики Тыва, Министерства культуры Республики Тыва с привлечением грамотных специалистов в этой области.

Примечания

1. Григорьева Е. И. Современные технологии социально-культурной деятельности : учеб. пособие / под науч. ред. Е. И. Григорьевой. Тамбов : Першина, 2012. 210 с.

2. Тульчинский Г. Л., Шекова Е. Л. Менеджмент в сфере культуры : учеб. пособие. СПб., 2011. 384 с.

References

1. Grigoryeva Ye.I. Sovremennye tekhnologii socialno-kulturnoj dejatel'nosti [Modern technologies of social-cultural activity]: manual / under scient.ed.of Ye.I.Grigoryeva. Tambov, 2012. 210 p. [In Russ.].

2. Tulchinsky G.L., Shekova Ye.L. Menedzhment v sfere kultury [Management in the sphere of culture]: manual. S.-P., 2011. 384 p. [In Russ.].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Адеева Юлия Эдуардовна, магистрант 2 курса направления подготовки «Музеология и охрана объектов природного и культурного наследия» факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

2. Андреева Лариса Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент заведующий кафедрой педагогики и психологии ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

3. Ваганова Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

4. Гончикова Мэдэгма Цыдендамбаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры филологического и художественно-эстетического образования Педагогического института ФГБОУ ВО БГУ (г. Улан-Удэ).

5. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

6. Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

7. Забанова Людмила Егоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

8. Мандып-оол Сылдыс-оол Анай-оолович, студент 3 курса направления подготовки «Социально-культурная деятельность» факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

9. Маншеева Соёлма Цыдыповна, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

10. Матвеева Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

11. Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии и наследия ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

12. Мөнхбаяр Баатаржав, доктор филологических наук Института языка и литературы Монгольской академии наук (г. Улан-Батор).

13. Москвитина Ксения Сергеевна, студент 4 курса направления подготовки «Музеология и охрана объектов природного и культурного наследия» факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

14. Н. Наранхуар, докторант Монгольского государственного университета культуры и искусств, хореограф (г. Улан-Батор).

15. Одорова Татьяна Леонтьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

16. Оюн Олча Маадыр-ооловна, научный сотрудник отдела культуры, искусства и религии Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (г. Кызыл).

17. Решетникова Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры дизайна ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Сергеева Елена Борисовна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

19. Танхасаева Светлана Семеновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

20. Фролов Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).

21. Хобракова Людмила Матвеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и общей лингвистики ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

22. Цибудеева Надежда Цыденовна, кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

23. Цыденова Долгорма Юрьевна, аспирант 1 года обучения направления подготовки «Исторические науки и археология» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

24. Чебунин Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

25. Шестак Оксана Валерьевна, педагог-психолог Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования Детская школа искусств «Традиция» (г. Барнаул).

26. Эрдэнэцогт Дууриймаа, докторант, научный сотрудник Научно-исследовательского института культурологии при Монгольском государственном университете культуры и искусств (г. Улан-Батор).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

1. Adeeva Yuliya Eduardovna, 2nd-year magistrate, specialty «Museology and preservation of natural and cultural heritage objects, the faculty of socio-cultural activity, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

2. Andreeva Larisa Alexeevna, Ph.D in Psychology, associate professor, chief of the department of pedagogy and psychology, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

3. Vaganova Yekaterina Viktorovna, Ph.D in History, associate professor of the department of museum studies and heritage, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

4. Gonchikova Medegma Tsydendambaevna, Ph.D in History, associate professor of the department of philological and artistic-aesthetic education, the Pedagogical institute, FSBEI HE «Buryat state university» (Ulan-Ude city).

5. Ezova Svetlana Andreevna, Ph.D in Pedagogy, professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

6. Zhambalova Sesegma Gendenovna, D.Sc. in History, associate professor, leading researcher of the department of history, ethnology and sociology, Institute of Mongolian studies, Buddology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of sciences (Ulan-Ude city).

7. Zabanova Larisa Yegorovna, Ph.D in Philology, associate professor of the department of foreign languages and general linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

8. Mandyp-ool Syldys-ool Anai-oolovich, a 3rd-year student, specialty «Socio-cultural activity», the faculty of socio-cultural activity, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

9. Mansheeva Soyolma Tsydypovna, associate professor of the department of ethnology and folk artistic culture, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

10. Matveeva Yelena Vladimirovna, Ph.D in Sociology, associate professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

11. Mishakova Oksana Eduardovna, Ph.D in History, associate professor, chief of the department of museum studies and heritage, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

12. Monkhubayar Baatarzhav, Sc. D. in Philology, Language and Literature Institute, Mongolian Academy of Sciences (Ulaan-Baatar city).

13. Moskvitina Kseniya Sergeevna, a 4-year student, specialty «Museology and preservation of natural and cultural heritage objects, the faculty of socio-cultural activity, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

14. Narankhuar N., doctoral candidate, Mongolian state university of culture and arts, choreographer ((Ulaan-Baatar city).

15. Odorova Tatyana Leontyevna, Ph.D in History, associate professor of the department of library information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

16. Oyun Olcha Maadyr-oolovna, researcher of the department of culture, art and religion, National museum named after Aldyn-Maadyr, the Republic of Tuva (Kyzyl city).

17. Reshetnikova Tatyana Mikhailovna, senior teacher of the department of design, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

18. Sergeeva Yelena Borisovna, senior teacher of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

19. Tankhasaeva Svetlana Semyonovna, Ph.D in Pedagogy, associate professor of the department of pedagogy and psychology, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude).

20. Frolov Dmitry Alexandrovich, senior researcher, SAIC RB «National museum of the republic of Buryatia» (Ulan-Ude city).

21. Khobrakova Lyudmila Matveevna, Ph.D in Philology, associate professor, chief of the department of foreign languages and general linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

22. Tsybudeeva Nadezhda Tsydenovna, Ph.D in Arts History, associate professor, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

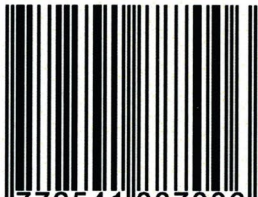
23. Tsydenova Dolgorma Yuryevna, a 1st -year post-graduate student, specialty «Historical sciences and archaeology», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

24. Chebunin Alexander Vasilyevich, Sc. D. in Philosophy, associate professor of the department of history and philosophy, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

25. Shestak Oksana Valeryevna, teacher-psychologist, Municipal budgetary establishment of additional education, children's school of arts «Tradition»» (Barnaul city).

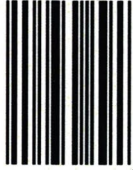
26. Erdenetsogt Duuriymaa, doctoral candidate, researcher of the National scientific institute of culturology, Mongolian state university of culture and arts (Ulaan-Baatar city).

ISSN 2541-8874

9 772541 887006

1 9 0 0 1

>